

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ
БЮДЖЕТНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ НАУКИ
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ РАН

УЧЕННЫЕ ЗАПИСКИ
Центра изучения Центральной Азии,
Кавказа и Урало-Поволжья

Том I
АБХАЗИЯ

Москва
ИВ РАН
2013

УДК 94(479.224)
ББК 63.3(6Абх)
У 917

Редакционный совет:

В.В. Наумкин (председатель),
С.Н. Абашин, А.К. Аликберов, А.Г. Арешев, В.О. Бобровников,
И.Д. Звягельская, А.Ш. Кадырбаев, А.Ю. Скаков

Ответственный редактор выпуска:

А.Ю. Скаков

Рецензенты выпуска:

А.Г. Арешев, А.Ш. Кадырбаев, З.В. Кананчев

У 917 **Ученые записки Центра изучения Центральной Азии,
Кавказа и Урало-Поволжья ИВ РАН / отв. ред. А.Ю. Ска-**
ков. – М.: Институт востоковедения РАН, 2013 –

Том I: Абхазия. – 2013. – 230 с.

ISBN 978-5-89282-532-0

УДК 94(479.224)
ББК 63.3(6Абх)

© Институт востоковедения РАН, 2013

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Наумкин В.В.</i> К читателям	4
<i>Джапуа З.Д.</i> Абхазское нартоведение на рубеже XX–XXI вв.: основные этапы развития	6
<i>Скаков А.Ю.</i> Абхазия в античности: попытка анализа письменных источников	23
<i>Нюшков В.А.</i> Апислы и Апсилия в историографии последних десятилетий	76
<i>Ендольцева Е.Ю.</i> К вопросу об изучении христианского искусства Абхазского царства	95
<i>Ачугба Т.А.</i> Из истории социальных отношений в Абхазии ...	107
<i>Кадырбаев А.Ш.</i> «Абаза»: между империями. XIX – начало XX в.	120
<i>Гургулия Э.А.</i> Махаджирство и «черкесская диаспора». Краткий исторический экскурс в прошлое	131
<i>Лакоба С.З.</i> Виктор Стражев: русский поэт, педагог и археолог в Абхазии. Очерк	141
<i>Пачулия В.М.</i> Борьба с германской разведкой на территории Абхазии (1941–1945 гг.)	172
<i>Эшба Э.Д.</i> Религиозный облик Абхазии. История и современность	190
<i>Авидзба А.Ф.</i> Становление независимого Абхазского государства и Российская Федерация (1993–2008 гг.)	209
Список сокращений	227

К читателям

Дорогие читатели! Предлагаемый Вашему вниманию сборник открывает серию, которую в дальнейшем намерен публиковать Центр изучения Центральной Азии, Кавказа и Урало-Поволжья Института востоковедения Российской Академии наук. Вероятно, не случайно и символично то, что первый сборник посвящен именно Абхазии – стране, прошлому и настоящему которой Институт востоковедения традиционно уделял и уделяет большое внимание в своих исследованиях. Достаточно напомнить, что именно в стенах этого института работал в свое время первый Президент Республики Абхазия Владислав Григорьевич Ардзинба. Сотрудник Института востоковедения А.Б. Крылов первый в тяжелые послевоенные 1990-е гг. начал полевые исследования в Абхазии, обратившись к традиционным абхазским верованиям и защитив на собранном материале по этой теме докторскую диссертацию. В настоящее время сотрудники Института ведут археологические исследования в Абхазии, проводят совместные конференции, публикуют научные труды. Следующие сборники этой серии планируется посвятить Южной Осетии и Нагорному Карабаху.

Авторы вошедших в сборник статей – российские и абхазские ученые. Абхазская и российская науки всегда были тесно взаимосвязаны. Хорошо известно, что у истоков изучения абхазских археологических памятников и древней истории стояли русские ученые. Это не только такие всемирно известные корифеи, как П.С. Уварова, А.А. Миллер, В.И. Сизов, А.М. Павлинов, Б.А. Куфтин, проводившие первые экспедиции в Ахазию. Это и скромные труженики – А.М. Лукин, В.И. Стражев, М.М. Иващенко – жившие в Абхазии врачи и учителя, посвящавшие свободное время сбору археологического материала, который они пытались обобщить, достигая в этом неожиданно заметных успехов. Отрадно, что одному из них – В.И. Стражеву – посвящена вошедшая в сборник статья известного ученого и политика С.З. Лакоба. Дело этих первооткрывателей было продолжено, и в научную работу активно включились абхазские ученые. К настоящему времени собран огромный материал по археологии, истории, этнографии, фольклористике, искусствоведению. Те-

перь важно не только проводить новые экспедиции и закрывать все ещё имеющиеся лакуны, но и обобщать, анализировать, систематизировать уже полученную информацию.

Именно поэтому значительную часть сборника занимают исследования историографического характера. Кроме упомянутой выше блестящей статьи С.З. Лакоба, это работы З.Д. Джопуа по истории изучения абхазской версии Нартовского эпоса, В.А. Ньюшкова по характеристике новых тенденций в изучении древних апсилов и Апсилии, Е.Ю. Ендольцевой по историографии христианского искусства раннесредневекового Абхазского царства. А.Ю. Скаков посвятил свое исследование Абхазии в эпоху античности – теме, имеющей огромную историографию, но все ещё остающейся малоизученной. Особенно интересна достаточно редкая для научных трудов попытка А.Ю. Скакова соотнести археологические и письменные источники.

Абхазии в период позднего средневековья, накануне присоединения к Российской империи, посвятил свою работу Т.А. Ачугба. Один из ключевых этапов в истории Абхазии – её включение в состав России и последовавшие за ним трагические события махаджирства, на фоне российско-турецкого противостояния в регионе, рассмотрены в статьях А.Ш. Кадырбаева и Э.А. Гургулия. Неизвестные страницы истории Абхазии в XX веке приоткрывает В.М. Пачулия, собравший факты, связанные с противостоянием советской и германской разведки на территории республики в период Великой Отечественной войны. Наконец, новейшей истории Абхазии посвящены статьи Э.Д. Эшба и А.Ф. Авидзба. Э.Д. Эшба, вслед за А.Б. Крыловым, проанализировала современную религиозную ситуацию в Абхазии. А.Ф. Авидзба обратился к истории абхазо-российских отношений в период становления независимого Абхазского государства.

Итак, сборник собран. В добрый путь, читатель!

*Член-корреспондент РАН, доктор исторических наук,
профессор В.В. Наумкин*

**Абхазское нартоведение на рубеже XX–XXI вв.:
основные этапы развития**

Нартский эпос, представляющий собой устный «памятник мирового значения»¹, стоящий в одном ряду с такими древнейшими шедеврами мировой культуры, как «Махабхарата», Эпос о Гильгамеше, «Песнь о Нибелунгах», «Илиада», «Эдда», «Калевала», в разной степени известен горцам Кавказа, в особенности – абхазам, абазинам, адыгам, осетинам, карачаево-балкарцам, чеченцам и ингушам. Типологически он относится к героико-архаическому эпосу, складывающемуся на почве мифологии и социальных отношений первобытного общества, фабула которого связана с изначальным, мифоэпическим временем.

В вербальной фольклорной культуре абхазов нартский эпос занимает самое значительное и знаковое место. Он настолько прочно входит в мировоззрение абхазов, что они воспринимают нартов – героев эпоса – своими предками. По общему признанию ряда ученых-нартоведов, абхазский нартский эпос (наряду с адыгским) «обнаруживает большую архаичность»². Он погружает нас в особый, эпический, мир, для которого характерны необычные персонажи и события. В центре эпического мира – его герои: мать нартов Сатаней-Гуаща, сто братьев-нартов и их единственная сестра Гунда-красавица. У каждого из них свое имя и свой круг подвигов. Поэтому и композиция эпоса строится из отдельных сказаний, посвященных тому или другому персонажу. В то же время в нем выделяются главные и наиболее древние персонажи – Сатаней-Гуаща и Сасрыкуа, цикл сказаний о которых предстает в целостном, завершенном виде и объединяет самые архаические, изначальные мифоэпические сюжетные темы.

З.Д. Джапуа – доктор филологических наук, академик АН Абхазии.

¹ Пропп В.Я. «Нарты. Эпос осетинского народа...» [рецензия на книгу] // Русский фольклор: Материалы и исследования. М.-Л., 1958, с. 395.

² Мелетинский Е.М. Происхождение героического эпоса: Ранние формы и архаические памятники. 2-е изд. М., 2004, с. 204.

Величественная Сатаней-Гуаца – прародительница и глава нартского семейства, чьи слова сбываются, прорицательница и чародейка, обладает магическими способностями и огромной физической силой. Она покровительствует всем ста сыновьям, но забота ее о младшем сыне Сасрыкуа особая, все ее действия связаны именно с ним.

Сасрыкуа – центральный персонаж, главное действующее лицо в абхазском нартском эпосе (так же, как и в адыгском), представляющий собой «весьма архаический тип эпического героя, генетически восходящий к культурному герою»¹. Песни и сказания о Сасрыкуа охватывают почти всю тематику эпоса. Зачастую Сасрыкуа выступает попарно с другими персонажами, либо «заменяет» их. Однако образ самого Сасрыкуа весьма устойчив и не заменяется другими персонажами. Архаический герой и связанные с ним сказания отражают все этапы развития эпической сюжетики, проникают, как бы «вписываются», в разно-этапный ряд эпических персонажей, в стадияльно разнопорядковые сюжеты и мотивы. Поэтому в определенном смысле можно сказать, что в абхазском нартском эпосе нет ни одной сюжетно-тематической линии, где бы Сасрыкуа так или иначе не фигурировал². Цикл основных песен и сказаний о Сасрыкуа складывается из ряда сюжетов, которые представлены в эпосе довольно широко и реализуются в нескольких вариантах или версиях. Однако среди них – по степени исконности, «эпичности», устойчивости и полноты художественных образов – выделяются три тесно взаимосвязанные сюжетно-тематические единицы: «чудесное рождение из камня», «добывание огня» и «гибель героя от камня». Данная триада сюжетов является остовом всей тематики эпоса и выглядит наиболее полной, художественно насыщенной в абхазской и адыгской версиях эпоса.

Среди других персонажей, имеющих свои тематические круги сюжетов, более значительны и популярны: Цвицв (с его образом связаны сюжеты о «рождении героя» и «овладении крепостью»), Гунда-красавица, Нарчхьоу, Хуажарпыс («умыкание красавицы»), Уахсит,

¹ Там же, с. 183.

² Джапуа З.Д. Абхазские архаические сказания о Сасрыкуа и Абрыскиле (Систематика и интерпретация текстов в сопоставлении с кавказским эпическим творчеством. Тексты, переводы, комментарии). Сухум, 2003, с. 161.

Щаруан («месть за предков» и «героическое сватовство»). Самый популярный мотив эпоса – «великаноборство» (змееборство или драконоборство), которое отражает всю (или почти всю) динамику развития нартской эпикой – от самых архаических пластов до последующих и более поздних напластований. Оно строит не только остов, но и фабулу основного тематического диапазона нартского эпоса.

Изучение кавказской Нартиады, начатое во второй пол. XIX в., на протяжении более 150 лет достигло весьма ощутимых результатов и породило самостоятельное исследовательское направление, названное нартоведением. Только об абхазском нартском эпосе написан ряд монографических исследований и множество других работ.

Как мне представляется, в развитии абхазского нартоведения и всей абхазской фольклористики в целом правомерно говорить о трех периодах. Первый период определяется 1850–1920 гг. и характеризуется как начальный и подготовительный, в котором весьма прозрачны этнографические и лингвистические подходы к эпической старине, хотя в некоторых публикациях все же высвечиваются явные формы фольклористического анализа материалов. Второй период (1920–1960) совпал с эпохой тоталитарного режима, с эпохой вторжения идеологического диктата в науку, как и во все сферы жизни. В ссылку были отправлены ведущие абхазоведы (лингвисты и фольклористы) А.Н. Генко, А.К. Хашба, В.И. Кукба. Однако собиратели и исследователи и в этих условиях успели записать немало эпических сказаний о нартах. Примечательно и то, что в этот период наряду с этнографическими и лингвистическими подходами к фольклору заметно активизировалось литературоведческое направление в фольклористике. Третий период (1960 г. – по настоящее время) развития абхазского нартоведения отличается обретением профессионализма, новых методов и форм фиксации и публикации текстов, хотя идеологический диктат послесталинской эпохи время от времени давал о себе знать. Этот достаточно большой период характеризуется появлением абхазских профессиональных нартоведов (Ш.Х. Салакая, А.А. Аншба, З.Д. Джапуа), диссертационные работы которых непосредственно посвящены анализу эпоса. Соответственно, в абхазском нартоведении возник ряд новых явлений и подходов. В частности, начиная с 1960-х годов, были сделаны первые звукозаписи текстов эпоса. Стали употребляться фольклористические методы в собирании и публикации полевых материалов. Сравнительно более строго

начали относиться к редакторскому вмешательству в текст и к его литературной обработке, что считалось естественным особенно для предыдущего периода. Значительно продвинулось вперед изучение сюжетно-тематического состава, генезиса и поэтики абхазских нартских сказаний.

Собирание и публикация текстов

Первооткрывателем нартского эпоса абхазов можно считать учителя Сухумской Горской школы А. Иоакимова, записавшего в 1873 г. со слов учащихся в пересказе на русском языке сюжет предания об озере Рице, который контаминируется с этиологическим мотивом об отражении на луне очертаний Сасрыкуа со своим стадом¹. Как указывает А.А. Аншба, «возможно, что это предание нартское, причем, весьма отдаленных времен, отголосок древнего близнечного мифа»². Этиологический мотив об очертаниях Сасрыкуа на луне встречается в эпосе в двух формах: отдельно и в составе других сюжетов (особенно в сказании о «посещении подземного мира»)³, и скорее относится к финальной части нартского эпоса – к сказаниям о смерти (вернее – «бессмертии») Сасрыкуа.

В 1913–1915 гг. были произведены две первые записи абхазских нартских сказаний на языке оригинала. Их обнаружил С.Л. Зухба в 1963 г. в Санкт-Петербургском отделении Архива АН СССР в фондах рукописей Н.Я. Марра, где хранилось около 300 рукописных страниц материалов абхазского фольклора, которые были изданы лишь в 1967 г.⁴ Одна из этих записей связана с образом Сасрыкуа и представляет контаминацию двух сюжетов: «спасение братьев-нарттов от старухи-ведьмы» + «посещение подземного мира». Ее записал ученик Сухумской горской школы Т. Чочуа в селении Адзюбжа Очамчирского района в 1915 году. Рукопись текста прочел и внес

¹ Иоакимов А. Предрассудки моих учеников (из жизни пансионеров Горской школы // Газета «Кавказ». Тифлис, 1873, № 54.

² Аншба А.А. Вопросы поэтики абхазского нартского эпоса. Тбилиси. 1970, с. 8.

³ Japua Z. J. Aetiological inserticns and legends in the context of abkhazian nart epic // Traditional folk belief today. Tartu, 1990, с. 47–49.

⁴ Материалы абхазского фольклора (Из архива акад. Н.Я. Марра). Подгот. текстов, вступ. ст. и прим. С.Л. Зухба. Сухуми. 1967, с. 13–19 (на абх. яз.). Недавно эти материалы были вновь просмотрены мною в Санкт-Петербургском отделении Архива РАН и отсканированы для дальнейшей текстологической работы.

в нее поправки Д.И. Гулиа. Вторая запись повествует об «умыкании Гунды-красавицы». Ее записал князь Ш. Аймхаа от сказителя Х. Хынтба в 1913 году в селении Чхуартал Гальского района.

В 1920–1960 гг. большинство записей текстов нартского эпоса принадлежит С.Н. Джанашиа, Г.Ф. Чурсину, К.В. Ковачу, А.Н. Генко, А.К. Хашба, В.И. Кукба, Ш.Д. Инал-ипа, К.С. Шакрыл, Б.В. Шинкуба и Ц.Н. Бжания.

Летом 1921 года в селении Адзюбжа Очамчирского района Абхазии историк и этнограф С.Н. Джанашиа собрал большое количество материалов абхазского фольклора, изданных лишь в 1968 году¹. В материалах ученого встречаются два нартских текста из цикла сказаний о Сасрыкуа². В одном, более развернутом, тексте соединяются различные эпические (и сказочные) мотивы. Он представляет собой (хотя и в несколько усеченной форме) первую запись мотивов чудесного рождения героя, добывания огня, мести за предков, перерезания ног, встречи с великаном-пахарем, умыкания Гунды-красавицы.

В 1925 г. известный этнограф Г.Ф. Чурсин собрал в Абхазии значительное количество образцов почти всех жанров абхазского фольклора наряду с богатым этнографическим материалом³. В его фольклорную коллекцию входят абхазские нартские сказания о Сасрыкуа, Цвицве, Гунде-красавице, Ерчхьоу и Хуажарпысе, записанные со слов сказителя Э. Арчелия (селение Псырцха Гудаутского района). Из пяти текстов (кратких пересказов) сказания о встречах Сасрыкуа с великаном-пахарем и богатырем-всадником являются первыми записями данных сюжетов. В 1920-х же годах этномузыковедом К.В. Ковачом были произведены первые нотные записи мелодий нартских песен абхазов⁴.

Летом 1928 г. известный кавказовед-лингвист, фольклорист и этнолог А.Н. Генко (тогда доцент Ленинградского государственного университета) по поручению АН СССР приехал в научную командировку в Абхазию. К экспедиционной работе он приобщил природных абхазов (впоследствии первых абхазских профессиональных филоло-

¹ Джанашиа С.Н. Труды. Т. 4. Тбилиси. 1968, с. 172–252 (тексты на абх. яз.).

² Там же, с. 189–194.

³ Чурсин Г.Ф. Материалы по этнографии Абхазии. Сухуми. 1957, с. 214–247.

⁴ Ковач К.В. 101 абхазская народная песня: Этнографическая запись с историческими справками. Сухум. 1929, с. 31–32, 74.

гов-лингвистов) – студента IV курса Восточного отделения ЛГУ А.К. Хашба (представителя абжуйского диалекта абхазского языка) и студента Восточного института В.И. Кукба (представителя бзыбского диалекта абхазского языка). Записи, сделанные в результате данной экспедиции, по всей вероятности, хранились у каждого участника экспедиции, но уцелели (и то частично) лишь рукописи А.Н. Генко, которые вместе с другими лингвистическими материалами вдова ученого этнолог Л.Б. Панек в 1960 г. передала известному абхазскому филологу Х.С. Бгажба (тогда директору Абхазского института языка, литературы и истории им. Д.И. Гулиа). Но, по разным причинам, материалы эти оставались неизданными и хранились в личном архиве Х.С. Бгажба. Правда, некоторые из них ученый опубликовал в различных изданиях – в своих исследованиях и в составленных им сборниках. Данная фольклорная коллекция 1928 г. находилась в забвении, не была известна (или почти не была известна) до конца XX в. Лишь в 2001 г. нам удалось осуществить ее научное издание (по рукописям А.Н. Генко)¹. Это – уцелевшая часть записей, сделанных собирателями в течение нескольких лет, которые в большинстве своем (вместе с другими их материалами) были сожжены, изъяты, утеряны или попали в «чужие руки» после того, как сами ученые были репрессированы. Рукописи содержат произведения, относящиеся ко всем основным жанрам абхазского фольклора: обрядово-мифологические, эпические (о нартах и Абрыскиле), героико-исторические песни и сказания, сказки, бытовые песни. Нартские сказания составляют 13 текстов. Следует заметить, что это самая большая коллекция материалов абхазского нартского эпоса для того периода времени. Здесь впервые в истории собирания абхазского нартского эпоса наиболее полно представлены стержневые сказания почти обо всех основных эпических героях. Более того, они принадлежат к числу развернутых и художественно насыщенных записей, в этом смысле их можно считать классическими текстами. Среди них есть впервые зафиксированные на языке оригинала нартские сюжеты и мотивы.

В 1930-х годах В.И. Кукба произвел первую запись (от одаренного народного певца Сейдыка Куарчия) песенного текста сюжета о рождении Сасыркуа, отличающегося высоким поэтическим совер-

¹ Ранние записи абхазского фольклора (Из рукописей А.Н. Генко) / Сост., предисл. и коммент. З.Д. Джапуа. Сухум, 2001.

шенством. Эту запись обнаружил и опубликовал А.А. Аншба в 1973 г.¹ Однако данная публикация песни несколько отредактирована, отличается от её оригинала, найденного в архиве А.А. Аншба и опубликованного мною². Следует отметить, что с этой песней текстually совпадают (или почти совпадают) некоторые публикации, представленные без научной документации или с другими паспортными данными. Так, по публикациям Б.В. Шинкуба, сходный текст записан им от певца Абаса Куачахиа³, а в публикации К.С. Шакрыл⁴ и в сводном тексте абхазского нартского эпоса⁵ песня дается без паспортизации. Однако, судя по лексической близости текстов всех публикаций, не исключено, что здесь мы имеем разные редакции одной и той же записи, которая подверглась текстологической путанице.

Начиная с конца 1930-х годов (особенно в 1940-х годах) большое количество записей абхазского фольклора произвели известные деятели абхазской науки и культуры: этнограф Ш.Д. Инал-ипа, лингвист К.С. Шакрыл и поэт Б.В. Шинкуба. Значительная часть фольклорных записей Ш.Д. Инал-ипа не сохранилась⁶. Осталось только несколько опубликованных (в разных журналах и сборниках) и рукописных текстов. Основная коллекция фольклорных материалов К.С. Шакрыл и Б.В. Шинкуба опубликована в разных изданиях⁷. В 1950-х годах

¹ Сказания о нартах. Публ. А.А. Аншба и Р.К. Чанба // Алашара. 1973. № 5, с. 52–61 (на абх. яз.).

² Джапуа З. Д. Абхазские архаические сказания о Сасрыкуа и Абрыскиле..., с. 166–170.

³ Абхазская народная поэзия. Сост. Б.В. Шинкуба. Сухуми. 1959, с. 87–92, 317 (на абх. яз.); Шинкуба Б.В. Золотые россыпи: Абхазские устные народные сказания и этнографические материалы. Сухуми, 1990, с. 20–25 (на абх. яз.). Правда, во второй своей публикации Б. В. Шинкуба обнаружил, что в первом издании текста в него была случайно включена 31 строка песни, записанной от Сейдыка Куарчиа.

⁴ Шакрыл К.С. Аффиксация в абхазском языке. Сухуми. 1961, с. 140–145.

⁵ Нарт Сасрыкуа и девяносто девять его братьев: Абхазский народный эпос / Сост. Ш.Д. Инал-ипа, К.С. Шакрыл, Б.В. Шинкуба. Сухуми. 1962, с. 30–38 (на абх. яз.).

⁶ Рукопись готового к изданию сборника его собственных фольклорных записей (объемом более 30 п.л.) сгорела во время поджога здания АБИГИ в 1992 г.

⁷ Шакрыл К.С. Указ.соч.; Абхазские сказки. Т.2. Сост. К.С. Шакрыл. Сухуми. 1968 (на абх. яз.); Сказания Маадана Саканиа. Сост., предисл. и примеч. К.С. Шакрыл. Сухуми. 1970 (на абх.яз.); Неиссякаемый народный источник: Устные народные сказания. Зап., сост. К.С. Шакрыл. Сухуми. 1989 (на абх. яз.); Абхазские сказки. Т.1. Сост. К.С. Шакрыл, Х.С. Бгажба. Сухуми. 1965; Абхазская народная поэзия. Сост. Б.В. Шинкуба.

ряд записей нартских сказаний и исторических преданий произвел и этнограф Ц.Н. Бжания, большинство из них составляют нартские сказания о Сасрыкуа (14 текстов)¹.

С 1960 г. по настоящее время основное число записей абхазских эпических сказаний произведено фольклористами-эпосоведами Ш.Х. Салакая, А.А. Аншба и З.Д. Джапуа. Материалы эти в основном пока еще не опубликованы, за исключением записей А.А. Аншба². Записи Ш.Х. Салакая и мои опубликованы лишь частично в оригинале и в переводе на русский язык³.

Среди данных записей много ранее незафиксированных мотивов и сюжетов или их новых сочетаний, которые обогатили сюжетно-тематический состав абхазских эпических сказаний о нартах. Примечательно также, что с 1970-х годов началась фиксация абхазскими учеными и местными собирателями-корреспондентами фольклора (в том числе нартских сказаний) зарубежных абхазов. Начатые в последнее время (2009–2010 гг.) ежегодные фольклорные экспедиции по проекту АБИГИ «Абхазы в Турции» обещают быть плодотворными, их участники (З.Д. Джапуа, В.А. Чирикба, А.П. Какоба, А.Е. Ашуба) уже записали пять полноценных вариантов абхазских нартских сказаний.

Исследование

Наблюдения Г.Ф. Чурсина за бытованием и содержанием абхазского нартского эпоса, проведенные им в 1920-х годах, фактически положили начало научному изучению этого памятника⁴. Однако исследование этнографа вышло в свет лишь в 1957 году. В отдельной

¹ Бжания Ц.Н. Из истории хозяйства и культуры абхазов: Исследования и материалы. Сухуми. 1973, с. 282–297 (на абх.яз.).

² Абхазский фольклор: Записи Артура Аншба. Сост., текстолог. упорядоч. записей, предисл., коммент. и указатели З.Д. Джапуа. Сухум, 1995 (на абх. яз.).

³ Салакая Ш.Х. Абхазский нартский эпос. Тбилиси. 1976, с. 167–234 (в переводе на рус.яз.); Абхазский фольклор. Зап., подгот. к печати, и примеч. Ш.Х. Салакая. Сухум. 2003, с. 21–110; Джапуа З.Д. Абхазские архаические сказания о Сасрыкуа и Абырыкиле..., с. 176–183, 187–229, 263–270, 282–294, 300–320 (в оригинале и в переводе на рус.яз.); Нартские сказания. Публ. З.Д. Джапуа (совместно с А.Е. Ашуба) // Алашара. 2008. №2, с.183–193 (на абх.яз.); Нартские сказания о рождении Сасрыкуа / Публ. З.Д. Джапуа (с участием Н.С. Барциц) // Алашара. 2008. № 6, с. 119–146 (на абх. яз.).

⁴ Чурсин Г.Ф. Указ. соч, с. 214–223, 241–245.

главе своей работы «Материалы по фольклору абхазов» ученый излагает основные сюжеты нартского эпоса абхазов и описывает их, сравнивая с мотивами и сюжетами других версий нартского эпоса. Наблюдения этнографа весьма точны, затрагивают суть вопроса и свидетельствуют о широком бытовании нартского эпоса у абхазов.

В 1949 году Ш.Д. Инал-ипа опубликовал первую обстоятельную статью по нартскому эпосу абхазов¹, в которой освещаются идейно-художественная сущность, содержание основных образов и сюжетов эпоса. На основе анализа сказаний о Сатаней-Гуаше и Сасрыкуа, исследователь приходит к выводу о том, что «в цикле Сатанэй-Гуаши абхазские нартские сказания сквозь призму мифологического восприятия жизни донесли не просто пережитки, а наиболее яркую картину живого матриархального общества», что «из всех сказаний абхазов о нартах цикл Сасрыквы является самым видным и наиболее распространенным. Иногда этот любимейший абхазский герой олицетворяет собой всех нартов»². В последующих своих работах, особенно в книге о нартах и ацанах³, ученый уделяет особое внимание историко-этнографическому, сравнительному и текстологическому изучению нартского эпоса. Характерно, что все основополагающие выводы данных работ ученого базируются на анализе архаического ядра абхазского нартского эпоса – цикла сказаний о Сатаней-Гуаше и Сасрыкуа.

Изучение архаической эпической традиции абхазов с начала 1960-х годов непосредственно связано с выходом в свет сводного текста абхазского нартского эпоса на языке оригинала и в русском художественном переводе⁴. Литературно обработанный свод нартского эпоса, вышедший под редакцией большого мастера слова, народного поэта Абхазии Б.В. Шинкуба, стал популярной, поистине «народной» книгой, которая оказала и оказывает влияние даже на самих сказителей. И поныне многие информанты «ссылаются» на

¹ Инал-ипа Ш.Д. Об абхазских нартских сказаниях // Труды Абхазского НИИ. Вып.23. Сухуми. 1949, с. 81–120.

² Инал-ипа Ш.Д. Памятники абхазского фольклора: Нарты, ацаны. Сухуми. 1977, с. 51, 56–57.

³ Инал-ипа Ш.Д. Памятники абхазского фольклора...

⁴ Нарт Сасрыкуа и его девяносто девять братьев...; Приключения нарта Сасрыквы и его девяносто девяти братьев: Абхазский народный эпос. Сост. Ш.Д. Инал-ипа, К.С. Шакрыл, Б.В. Шинкуба. М., 1962.

этот сборник в качестве подлинного фольклорного источника. Вместе с тем, трудно переоценить и научное значение данной книги, показавшей впервые, каков характер основного сюжетно-тематического состава абхазского нартского эпоса. Как справедливо заметила А.А. Петросян, «публикация абхазского варианта эпоса явилась большим событием для советской фольклористики. Не случайно, что она послужила поводом созыва второго всесоюзного совещания по нартоведению в городе Сухуми (1963 г.)», которое показало, «что интерес к проблемам нартоведения принял огромные масштабы»¹. Так, начиная с 1960-х годов, заметно активизировалась работа по изучению абхазской нартской традиции, во многом обусловленная появлением профессиональных абхазских фольклористов, в деятельности которых особое место занимает изучение нартского эпоса.

Первое монографическое исследование абхазского героического эпоса принадлежит Ш.Х. Салакая². В нем рассмотрены все основные памятники героико-архаического и героико-исторического творчества абхазов: нартские сказания, эпос об Абрыйскеле и историко-героическая словесность. В главе, посвященной нартскому эпосу, освещаются «вопросы идейно-тематической сущности и художественных особенностей нартского эпоса абхазов, обращая особое внимание на хозяйственный быт и общественные отношения, отраженные в эпосе, и на приемы создания художественных образов»³. Прослеживается эволюция эпических персонажей (в особенности, Сатаней-Гуащи, пастуха Нарджхьюу и Сасрыкуа) от архаического ядра эпоса (цикл сказаний о Сасрыкуа) до его завершения, обусловленная социальными переменами в обществе. «Сасрыква – герой матриархальной эпохи», образ первобытного мифа о «культурном герое» – один из основных тезисов ученого, хотя «в образе Сасрыквы нашли отражение и следующие стадии развития общества»⁴. Ш.Х. Салакая считает, что первоначальное ядро нартского эпоса зародилось в середине III тысячелетия до н.э. в среде аборигенного населения Кавказа – предков современных абхазо-адыгских народов и отчасти –

¹ Петросян А.А. Решенные и нерешенные вопросы нартоведения // Сказания о нартах – Эпос народов Кавказа. М., 1969, с. 10–11.

² Салакая Ш.Х. Абхазский народный героический эпос. Тбилиси, 1966.

³ Там же, с. 38–39.

⁴ Там же, с. 50–51.

осетин¹. В связи с проблемами генезиса эпоса ученый рассматривает и этимологию древнейших нартских терминов, прежде всего, общих для всех национальных версий эпоса (с незначительными вариациями), как нарт, Сатаней, Сасрыкуа. В вопросах жанровых и художественных особенностей абхазского нартского эпоса ученый соглашается с мнением В.И. Абаева о том, «что нартские сказания не дошли до фазы эпопеи, а остановились на фазе циклизации, сделав только лишь попытку к переходу в высшую фазу – в эпопею»². Эпосовед отмечает, что «в абхазском нартском эпосе основным и ведущим циклом стал цикл сказаний о Сасрыкве и Сатаней-Гуаше. Вокруг имен этих персонажей, особенно первого, концентрируются основные события, главные сюжетные линии эпоса. Эти персонажи принимают участие почти во всех событиях, описываемых в нем»³. Исследователь показывает роль гиперболы и других художественных средств в создании эпических образов.

Следующая монография Ш.Х. Салакая⁴ посвящена конкретно абхазской версии кавказской Нартиады. Она, собственно, представляет собой расширение и углубление соображений и выводов по нартскому эпосу абхазов, содержащихся в его первой работе. Научную значимость книги еще больше усиливают прилагаемые к ней 25 текстов – образцы основных сюжетов абхазского нартского эпоса в максимально точном переводе на русский язык. Обе книги ученого вновь изданы в томе его избранных работ⁵.

Вопросам поэтики абхазского нартского эпоса посвятил две монографии (точнее – две редакции одного исследования) другой абхазский нартовед А.А. Аншба⁶. Это – первая попытка специального рассмотрения вопросов сюжетосложения, стиля, поэтического языка и традиции исполнения абхазских нартских сказаний. Изучая жанровую природу эпоса, роль в нем мифа, сказки и истории, а также ха-

¹ Там же, с. 66–67.

² Там же, с. 92.

³ Там же.

⁴ Салакая Ш.Х. Абхазский нартский эпос...

⁵ Салакая Ш.Х. Избранные труды в трех томах. Т.1: Эпическое творчество абхазов. Сухум, 2008.

⁶ Аншба А.А. Некоторые художественные особенности абхазских нартских сказаний. Сухум, 1968 (на абх.яз.); Его же. Вопросы поэтики абхазского нартского эпоса...

рактер циклизации сказаний вокруг отдельных героев, исследователь приходит к выводу, что «главными и основными героями эпоса являются мать нарттов Сатаней-Гуаша и нерожденный ею сын Сасрык-ва... Существует фактически один законченный, завершенный цикл (цикл Сасрыквы), герой которого проходит почти через все сказания... Образы Сатаней-Гуаши и Сасрыквы создавались в период наивысшего расцвета эпоса»¹.

Во втором монографическом исследовании А.А. Аншба² в отдельной главе, посвященной абхазскому нартскому эпосу, широко освещаются вопросы происхождения, исторических и историко-этнографических основ конкретных эпических мотивов и сюжетов. В отличие от этнографов, которые описывают, фиксируют, извлекают этнографические, бытовые и хозяйственные черты эпоса, фольклорист пытается «связать их с конкретными сюжетами и образами, исходя из этнографии, понять их происхождение и развитие»³. Следует сказать, что наиболее важные положения ученого, касающиеся генезиса архаического ядра эпоса, которое, по мнению исследователя, «является результатом поэтического творчества кавказских народов»⁴, основываются, прежде всего, на анализе цикла сказаний о Сатаней-Гуаше и Сасрыкуа.

Несколько новый подход к исследованию нартского эпоса (в отличие от традиционного изучения идейного содержания и художественных особенностей памятника) применялся в работах историка-хеттолога В.Г. Ардзинба, который на основе изучения эпоса и ритуальной практики реконструировал ряд образов, сюжетов и мотивов нартских сказаний. В исследованиях В.Г. Ардзинба нартский эпос предстает, с одной стороны, в качестве сравнительного материала при интерпретации хурритских, хаттских и хеттских текстов, а с другой стороны – в качестве объекта специального изучения. Так, в статье об одном хурритском сюжете⁵, разъясняя семантику снов охотника Кесси в свете шаманской практики, исследователь обращается к мотиву большого дерева в абхазском нартском эпосе, встречающе-

¹ Аншба А.А. Вопросы поэтики абхазского нартского эпоса..., с. 111.

² Аншба А.А. Абхазский фольклор и действительность. Тбилиси, 1982.

³ Там же, с. 80.

⁴ Там же, с. 82.

⁵ Ардзинба В.Г. Хурритский рассказ об охотнике Кесси // Кавказско-ближневосточный сборник. Вып. VII. Тбилиси, 1987, с. 61–73.

муся в сюжете о чудесах по пути к родителям жены Сасрыкуа. В другой своей статье¹ В.Г. Ардзинба весьма детально сравнивает абхазо-адыгские и малоазийские материалы, и в их совпадении не остается (или почти не остается) сомнений. Здесь сюжеты и образы нартского эпоса служат для объяснения характерных черт почитания кузницы у абхазов. Привлекаемые сказания постепенно становятся не просто фольклорными текстами, а исходным материалом, основой статьи. Так, для объяснения представлений абхазов о железе как о металле, происходящем с неба, автор ссылается на абхазское нартское сказание об изготовлении меча для Сасрыкуа из необычного железа. В этом сказании В.Г. Ардзинба видит «следы понимания космического происхождения метеоритного железа», и схожие представления находит в хаттско-хеттских и других древнеближневосточных традициях². Кроме того, в контексте этой работы автор находит целый ряд мотивов и эпизодов в нартских сказаниях абхазов и адыгов, отражающих мифологические представления, связанные с культом железа и кузнечным ремеслом. Тем самым, автор не только аргументирует, подкрепляет и углубляет свой анализ культа кузницы, но (что весьма существенно для фольклориста) интерпретирует и реконструирует сами сюжеты, мотивы и образы нартского эпоса.

Специально нартскому эпосу посвящены две работы В.Г. Ардзинба. Выбор темы первой статьи³ не случаен. Чудесное рождение героя из камня – самое распространенное и наиболее устойчивое сказание нартского эпоса абхазов. Детальный анализ этого глубоко архаичного сюжета открывает новые пути к решению проблемы происхождения нартского эпоса. Работа много шире, чем это обещает заглавие. В связи с определением архаической семантики одного сюжета автор касается почти всех сюжетов и мотивов эпоса. В этой сравнительной части данная статья – блестящий образец мастерства фольклористического анализа текстов. В преамбуле статьи ученый акцентирует внимание на том, что решению вопроса происхождения «основы» или «ядра» нартского эпоса должно предшествовать уста-

¹ Ардзинба В.Г. К истории культа железа и кузнечного ремесла (почитание кузницы у абхазов) // Древний Восток: Этнокультурные связи. М., 1988, с. 263–306.

² Ардзинба В.Г. К истории культа железа..., с. 270 и сл.

³ Ардзинба В.Г. Нартский сюжет о рождении героя из камня // Древняя Анатолия. М., 1985, с. 128–168.

новление этой «основы». Критически оценивая взгляды исследователей, находящихся в нартском эпосе следы мифологических тем из иранской или индоевропейской мифологии, либо обнаруживающих в эпосе следы реальных исторических событий, древних социальных и бытовых институтов, В.Г. Ардзинба призывает нартоведов к более тщательному, конкретному анализу сюжетов, мотивов и образов эпоса. В частности, как известно, французский ученый, мифолог Ж. Дюмезиль к основе нартского эпоса относит деление нартов на три рода, характерное для осетинской версии эпоса, а отсутствие такого деления в других его версиях он объясняет изменением осетинских сказаний. Однако, как справедливо пишет В.Г. Ардзинба, «явления социальной практики действительно могут отражаться в эпосе, сохраняться в нем и после исчезновения соответствующего явления из быта, из сознания народа. Но они не вызывают к жизни сказание, не составляют его основы»¹. В другой статье, посвященной нартскому эпосу², В.Г. Ардзинба развивает и несколько расширяет анализ образа пастуха, проведенный в охарактеризованной выше его основной работе по нартскому эпосу. Для вскрытия семантики черт пастуха (спящего, скрючившись, среди скота в тени дерева, с гигантскими, длиною во весь рост бровями, с большими глазами, выступающими из орбит) автор привлекает, как всегда, большой сравнительный фольклорный и этнографический материал. Оказалось, что «приметы, подобные тем, которые характерны для образа пастуха, присущи и другим персонажам нартских сказаний»³.

Названные работы В.Г. Ардзинба раскрывают глубинную семантику нартских текстов. Их можно характеризовать как первый настоящий опыт ритуально-мифологической реконструкции внутреннего смысла нартского эпоса абхазов. На основе конкретного сопоставительного анализа структуры эпоса и ритуальной практики ученый реконструирует устойчивые образы, сюжеты, мотивы и элементы нартских сказаний, которые рассматриваются им как компоненты единого целого; прослеживает их проявление в различных сюжетах эпоса и сопоставляет с ними хурритские, хаттские и хетт-

¹ Там же, с. 129.

² Ардзинба В.Г. Приметы образа «пастуха» абхазских нартских сказаний // Труды АГУ. Т. 5. Сухуми. 1987, с.131–135.

³ Там же, с. 131.

ские тексты, и этнографические данные из традиции абхазо-адыгов. В результате подробного анализа характерных примет образов нартского эпоса («пастуха», великана-хранителя огня, агулшапа-дракона, великанши-ведьмы, великана-пахаря и великана-всадника), представленных в разных эпических сюжетах, В.Г. Ардзинба приходит к выводу о том, что все эти персонажи наделены чертами существа «иноного», «потустороннего» мира, а все сюжеты, в которых они фигурируют, по своей структуре однотипны, представляют собой одну из возможных реализаций основной темы: «потери / отсутствия чего-либо – обретения». С этим согласуются и описания их места обитания и пути героя, устремляющегося к ним. Выводы ученого и применяемый им структурно-типологический, функциональный, семиотический и сравнительный методы в изучении нартского эпоса представляются весьма существенными и плодотворными для дальнейшего раскрытия архаической семантики различных образов, мотивов и сюжетов кавказской Нартиады.

Основным образом, сюжетам и мотивам, эпической контаминации, иножанровым проявлениям, другим поэтико-воззренческим и поэтико-стилевым аспектам, вопросам текстологии, классификации и систематизации текстов, составлению указателей абхазских нартских сказаний посвятил более 50 работ и автор этих строк, в числе которых – два монографических исследования¹.

Абхазские нартские сказания в качестве сравнительного материала использовали (к сожалению, не в полной мере, из-за отсутствия научных изданий текстов) в своих работах многие исследователи, среди которых такие крупные эпосоведы, как Е.М. Мелетинский, Ж. Дюмезиль, У.Б. Далгат, А.И. Алиева, М.А. Кумахов. Исследования этих и целого ряда других ученых свидетельствуют о том, что разработка вопросов, связанных с кавказской Нартиадой – памятником культуры и искусства мирового значения, представляет большой научный интерес.

Проведенный обзор развития абхазского нартоведения показывает, что на сегодняшний день вопросы практической и теоретической текстологии эпоса (правильной фиксации, архивизации, расшифров-

¹ Джапуа З.Д. Нартский эпос абхазов: Сюжетно-тематическая и поэтико-стилевая система. Сухум, 1995; Его же. Абхазские архаические сказания о Сасрыкуа и Абрыскиле...

ки аудио- и видеозаписей, достоверной документированной публикации текстов и т.п.) оказываются самыми актуальными и первоочередными.

Как выяснилось, основная часть ранних записей абхазских нартских сказаний увидела свет довольно поздно. (Кто знает, сколько здесь утеряно или ждет своего часа выявления?..) Кроме того, опубликованные эпические тексты далеко не безупречны в текстологическом смысле. В большинстве из них (изданных без соблюдения научных принципов текстологии) много неточностей из-за произвольных правок, которые затем переходили из одного издания в другое. При каждой публикации некоторые тексты редактировались заново, часто путались их паспортные данные. В результате такого вмешательства тексты «приобретали» искусственные варианты, удалялись от своей изустной основы и не соответствовали полевой записи. В них вносились существенные «исправления», сглаживающие диалектологические особенности, тексты редактировались ближе к литературному языку. Редакции подвергались все составные части текстов – лексика, поэтика, стиль, композиция, семантика. Очень часто встречаются пропуски слов, словосочетаний, замена их другими (литературными) словами, изменение их последовательности в предложениях. Составители различных сборников порой публиковали тексты, разделив их на части, как две разные записи. Песенная часть текста могла подаваться как одна запись, а прозаическая – как другая. Допускалось и сведение вариантов, записанных со слов разных сказителей.

Однако следует отметить, что основная коллекция текстов абхазского нартского эпоса остается пока еще не изданной. Причем полевые записи в большинстве своем были сосредоточены в фольклорном фонде архива АБИГИ, и их ждала трагическая участь – сгореть вместе с другими уникальными материалами. (Архив Абхазского института горел дважды: в 1980 году – частично, и во время грузино-абхазской войны 1992–1993 гг. – полностью.) Сейчас абхазскими фольклористами ведется текстологическая работа по упорядочению уцелевших у разных собирателей материалов и по сбору новых текстов. О сохранности же абхазских эпических сказаний в памяти сказителей, их популярности в народе и в наши дни ярко свидетельствуют ежегодные экспедиции (индивидуальные, коллективные и комплексные) в районах Абхазии и в Турецкой Республике, в результате

которых произведено немало аудио- и видеозаписей абхазских нартских сказаний вместе с другими фольклорными материалами.

В завершении хочется с радостью сообщить о том, что в скором времени с божьей помощью будет снята основная эдиционная проблема абхазского нартведения – отсутствие полного научного издания абхазских нартских сказаний, поскольку близится к завершению осуществляемая мною (с участием молодой фольклористки Н.С. Барциц) многолетняя и скрупулезная работа, итогом которой явится семитомник абхазского нартского эпоса на языке оригинала, куда войдут все дошедшие до наших дней сколько-нибудь ценные записи этого памятника (около 1000 текстов вместе с вариантами). Следом за ним предполагается реализация двуязычного академического издания текстов эпоса в серии «Эпос народов Евразии». Входящие в эти издания тексты станут подлинной и абсолютно надежной источниковой базой для дальнейшего изучения кавказской Нартиады, мифопоэтические тайны которой все еще недостаточно разгаданы.

**Абхазия в античности:
попытка анализа письменных источников¹.**

*«Саннийская археология – закрытая книга»
Дейвид Браунд о саннах Арриана²*

Нередко многим археологам и историкам древности, мимоходом обращающимся к прошлому Западного Закавказья и Северо-Западного Кавказа в эпоху античности, кажется, что история этого региона во второй половине I тыс. до н.э. – начале I тыс. н.э. относительно неплохо изучена. На территории Абхазии уже более ста лет ведутся интенсивные археологические исследования, античные авторы оставили пусть и разрозненные, но многочисленные сведения о проживавших здесь древних племенах. Что может быть проще: выдели археологическую культуру и наложи на её ареал известный по античным источникам этноним. Стоит ли задаваться вопросом – а является ли вообще этот известный нам термин этнонимом? Все кажется простым: вот выделенная во второй четверти XX в. колхидская культура (или, если кому-то больше нравится, колхидо-кобанская), а вот известные нам в античной традиции «колхи». Отсюда делается вывод, превращающий археологическую колхидскую культуру в «колхскую культуру», принадлежавшую, понятно, предкам совре-

А.Ю. Скаков – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Центра изучения Центральной Азии, Кавказа и Урало-Поволжья Института востоковедения РАН

¹ Статья публикуется в переработанном и расширенном виде. Ее первоначальные варианты: Скаков А.Ю. Абхазия в эпоху античности: страна на перекрестке культур и коммуникаций // Материалы Первой международной научной конференции, посвященной 65-летию В.Г. Ардзинба. Сухум, 2011, с. 115–129; Скаков А.Ю. Абхазия в контексте древней истории Восточного Причерноморья // Первые международные Инал-Иповские чтения (Сухум, 9–12 октября 2007 г.). Сухум, 2011, с. 329–347.

Этническая карта региона во второй половине I тыс. до н.э. была проанализирована в: Скаков А.Ю. Некоторые проблемы истории Северозападного Закавказья в эпоху поздней бронзы – раннего железа // КСИА. Вып. 223. М., 2008, с. 143–172.

² Браунд Дейвид. Римское присутствие в Колхиде и Иберии // ВДИ. 1991. № 4, с. 47.

менных грузин (точнее, мегрел или сванов). Никаким другим этническим объединениям места на карте Западного Закавказья в эпоху древности уже не оставалось. Очевидно, не оставалось места и для предков современных абхазов. Как мы попытаемся показать ниже, этнокультурная карта этого региона в древности была гораздо более сложной.

Многоплеменность Западного Закавказья

Уже относительно давно своего рода аксиомами стали утверждения о существовании как единой колхидской культуры эпохи поздней бронзы – раннего железа, занимающей всю территорию Западного Закавказья (а, по мнению некоторых исследователей, распространяющейся также на Северный и Центральный Кавказ), так и могущественного Колхидского царства, под влияние которого, якобы, подпали греческие поселения, так и не ставшие полисами¹. О Колхидском царстве мы, за исключением мифических сведений, относящихся к мифу об аргонавтах, имеем информацию из крайне незначительного числа источников. Известная по урартским источникам «страна Кулха» находилась, несомненно, в значительно более южных районах Восточного Причерноморья (область Кларджети в течении реки Чорох)² и в этой связи вряд ли может нас интересовать. Ксенофонт (V, VI, 36, 37), в описании событий 401 г. до н.э., упоминает страну фазиан, где царствовал потомок Аэта. Страбон (XI, II, 18) говорит о Колхиде, в которой цари («благополучие их было невелико») владеют страной, разделенной на скептухии. В то же время, Страбон (XI, II, 13), описывая земли занимающихся пиратством племен ахейцев, зигов и гениохов, также говорит об их разделении на скептухии, подвластные тиранам и царям, причем у гениохов в I в. до н.э. одновременно правило четыре царя. Соаны, согласно Страбону (XI, II, 19), управлялись царем и советом из 300 человек. Тем самым, в один ряд встают якобы могущественные колхи, отсталые пиратские племена гористого побережья (ахейцы, зги и гениохи) и горцы-

¹ Лордкипанидзе Отар. К проблеме греческой колонизации Восточного Причерноморья (Колхиды) // Проблемы греческой колонизации Северного и Восточного Причерноморья. Материалы I Всесоюзного симпозиума по древней истории Причерноморья. Цхалтубо, 1977; Тбилиси, 1979.

² Арутюнян Н.В. Топонимика Урарту. Ереван, 1985, с. 118.

соаны: царская власть и у тех и у других была достаточно слабой, говорить о существовании устойчивых государственных образований для этого времени не приходится. Упомянем в этой связи и следующее заключение: «на основании нумизматического материала факт существования единого Колхидского царства во II–I вв. до н.э. не подтверждается»¹.

Имеющиеся археологические и лингвистические данные не позволяют говорить о культурном и этническом единстве населения Западного Закавказья во II–I тыс. до н.э. Столь же необоснованно было бы напрямую связывать его с исключительно с картвельским или же только с абхазо-адыгским кругом. Представление о существовании единой колхидской или, тем более, «колхской» культуры постепенно уходит в прошлое и становится не более чем фактом историографии². А именно существование этой культуры стало, как уже говорилось, основанием для тезиса об этнокультурном единстве населения Колхиды, где якобы «превалировал картвельский (колхский и сванский) этнический элемент»³.

Как было принято считать, античная Колхида, полностью соответствующая Западному Закавказью, населялась племенем или племенным объединением колхов. Это не совсем так. Общепризнанно существование в древности двух значений термина «колхи»⁴. С одной стороны, «колхи» – это один из этнонимов, локализуемый ранними авторами между Диоскуриадой и Апсаром. В то же время, Ксенофонт (около 430 г. до н.э. – вторая четверть IV в. до н.э.) уверенно помещает колхов в окрестностях Трапезунта (IV, VIII, 22; V, II, 1). Отметим, что А.И. Иванчик странным образом связывает этот рассказ Ксенофонта с «пережитками старого представления о локализации Колхиды», связанными с местоположением гипотетического

¹ Дундуа Г.Ф. Нумизматика античной Грузии. Тбилиси. 1987, с.100.

² Скаков А.Ю. К вопросу о выделении археологических культур в Западном Закавказье // Традиции народов Кавказа в меняющемся мире. Сборник статей к 100-летию со дня рождения Леонида Ивановича Лаврова. СПб. 2010, с. 48–67; Скаков А.Ю. Некоторые проблемы истории Северо-Западного Закавказья в эпоху поздней бронзы – раннего железа // КСИА. Вып. 223. М. 2009, с. 143–149; Скаков А.Ю. Погребальные памятники Бзыбской Абхазии X–VII вв. до н.э. // РА. 2008. № 1, с. 15–27.

³ Ломоури Нодар. Абхазия в античную и раннесредневековую эпохи. Тбилиси, 1997, с. 5, 6.

⁴ Меликишвили Г.А. К истории древней Грузии. Тбилиси. 1959, с. 62–64.

«царства Кулха», разрушенного, якобы, на рубеже VIII–VII вв. до н.э.¹ Но Ксенофонт, все же, опирался не на литературную или устную традицию, а на собственные впечатления, как очевидца и участника описанных им событий. С другой стороны, «колхи» – это собирательное название значительного числа племен, вероятно, разноразличных. Именно в данном контексте следует понимать определение Гекатеом Милетским кораксов (Фр. 185 (Jak. 210) и мосхов (Фр. 188 (Jak. 288) как «племен колхов». Прямолинейная трактовка таких определений представляется сомнительной. К примеру, как указывают схолии к Эсхилу, «скифским племенем» считались халибы, населяющие север Анатолии («Прометей», 301)², а сама Колхида располагалась в Скифии («Прометей», 415). Более того, Гезихий Александрийский называет кораксов «скифским народом»³. Разумеется, никому не приходит в голову делать выводы об этнокультурной ситуации в Восточном Причерноморье на основании информации такого характера.

Наиболее ранние античные источники подтверждают наличие в регионе, занимаемом выделенной в середине XX в. Колхидской культурой, нескольких племенных общностей. Поэтому не соответствует действительности утверждение Н. Ломоури: «все античные авторы, описывающие ситуацию в Восточном Причерноморье, называют здесь лишь один народ – колхов»⁴. Тем более, что чуть ниже исследователь опровергает сам себя: «для VI–I вв. до н. э. реальным остается проживание в Северной Колхиде колхов, колов и кораксов»⁵. Кроме того, этническую карту и этническую номенклатуру региона следует рассматривать в динамике, так как сомнительно, что на протяжении более чем полтысячелетия границы племен и племенных общностей оставались неизменными.

¹ Иванчик А.И. Накануне колонизации. Северное Причерноморье и степные кочевники VIII–VII вв. до н.э. в античной литературной традиции: фольклор, литература и история. Москва – Берлин, 2005, с. 83, 84.

² Халибы с тем же успехом могут быть названы «скифским племенем», с каким «кораксы» – «колхским». Имеется в виду расширенное понимание термина «скифы». Впрочем, не исключено, что в какой-то степени в этом определении могла отразиться ситуация, существовавшая во время скифских походов в Азию.

³ Латышев В.В. Известия древних авторов о Скифии и Кавказе // ВДИ. 1948, № 4, с. 269.

⁴ Ломоури Нодар. Ук. соч, с. 6, 7.

⁵ Там же, с. 16.

Этническая карта региона: от Псевдо-Скилака до Плиния

Некоторые неувязки и откровенные натяжки, связанные со стремлением того или иного исследователя разместить определенный топоним или племя в рамках своей «исторической родины», порою обусловлены не только лежащими вне научного знания политическими пристрастиями, но и непониманием специфики источника. Как правило, за исключением мифологических сочинений или же кратких и случайных упоминаний восточнопричерноморских реалий, мы имеем дело с двумя категориями источников. Это землеописания (восходящие иногда к итинерариям – описаниям сухопутных дорог) и периплы, то есть описания морского побережья. В ряде случаев, как, например, у Страбона, присутствуют оба жанра, соединенные при этом, порой, достаточно механически. Тщетным занятием был бы поиск в периплах информации о жителях горных ущелий, отдаленных от моря. Перипл был предназначен для путешествующих морем и потому, во-первых, описывал все земли по порядку, так, как они располагались в реальности, последовательность перечисления племен соблюдалась строго, а во вторых, абсолютно не интересовался жителями горных ущелий, не давая о них никакой информации.

Любопытно, что механическое совмещение двух различных подходов к географическому описанию прослеживается и на античных картах¹. Так, на Певтингеровой карте, на картографическую основу, «вполне похожую на современную», механически накладывается римская дорожная система, лишенная ландшафтной привязки. Ряд портовых городов, в том числе, Апсар, Фасис, Севастополис, оказались в итоге вдали от моря, а прибрежная дорога Трапезунт-Севастополис показана уходящей в глубь материка. Таким образом, необходимо не отвергать огульно тот или иной источник как недостоверный, а попытаться понять его характер и специфику.

Уже Геродот (III, 97) говорит о «соседях колхов», проживающих между их областью и Кавказским хребтом. Более того, если следовать Геродоту, область колхов начиналась только у реки Фасис, то есть современной Риони (I, 104). Согласно Псевдо-Скилаку Карианд-

¹ Подосинов А.В. Александр Македонский на Дону? (Пространство пути и пространство карты в античной географии) // ДГ, 2009. Трансконтинентальные и локальные пути как социокультурный феномен. М., 2010, с. 269, 270.

скому (30-е гг. IV в. до н.э., сведения, как предполагается, относятся ко второй половине V – первой половине IV в. до н.э.), колхи занимали территорию от Диоскурии (район Сухума) до Апсара (ныне Гонио): «за ними народ колхи и город Диоскурида и Гиен, город эллинский» (81). Северо-западнее колхов на побережье Черного моря проживали племена гелонов (80). В этой связи вызывает удивление утверждение В.Ф. Бутба: «мы не имеем ни одного факта (не считая ничем не подтверждаемой ссылки Арриана), связывающего гелонов и будинов с Кавказским Причерноморьем»¹. Далее, за гелонами, размещались меланхленов, в земле последних протекали реки Метасорис и Айгипий (79). Их можно предположительно связать с наиболее значительными реками данного региона – Псоу (или Мзымта) и Бзыбью. Еще далее на северо-запад, до «эллинского города» Торики и торетов (как считается, они находились в Геленджикской бухте²) размещались область Колика, племена кораксов, гениохов, ахеев (ахейцев) (74–78).

Отметим, что соседство кораксов и колов, живущих в области Колика, отмечается и у Гекатея Милетского (VI – начало V в. до н.э.), который четко различает колов и колхов (фр. 185 (Яс. 210) и 186 (Яс. 209). Ничего, кроме отдаленного созвучия, не указывает на то, что «прямая связь этнонима «колы» с наименованием колхов вряд ли может вызывать сомнения»³. Плиний Старший размещает Колику в соседстве с гениохами (VI, 14–15). Нет никаких оснований связывать колов и Колику, как это делают некоторые исследователи, с юго-восточной Абхазией⁴ или с «северо-восточной частью Колхидской низменности и прилегающими к ней предгорьями»⁵, очевидно, следуя элементарной логике, эту область необходимо помещать северо-западнее современной Абхазии. В периплах, а именно с ними мы имеем дело в большинстве случаев, речь идет о племенах, населяющих именно прибрежные районы, а не внутренние, тем более,

¹ Бутба В.Ф. Племена Западного Кавказа по «Ашхарацуйцу». Сухум. 2001, с. 125.

² См. Онайко Н.А. Архаический Торик. Античный город на северо-востоке Понта. М., 1980.

³ Ломоури Нодар. Ук. соч, с. 8.

⁴ Шамба Г.К. Культура племен Абхазии в первом тысячелетии до н.э. / Автореф. дисс. ... д.и.н. Ереван, 1987, с. 20, 21.

⁵ Воронов Ю.Н. Древняя Апсилия: источники, историография, археология. Сухум, 1998, с. 36.

горные, районы Колхиды. Было бы непродуктивно ждать от исторических источников того, что они заведомо не могут дать.

При этом и Г.К. Шамба и Ю.Н. Воронов локализуя колов и Колику юго-восточнее современного Сухума, исходили из того, что колы фиксируются Гекатеем Милетским и Псевдо-Скилаком южнее кораксов. А кораксы традиционно связываются с рекой Коракс, которую часто отождествляют с современной рекой Кодор¹. Такой подход вызывает серьезные сомнения, связанные с тем, что источники, позволяющие отождествить эти реки, относятся к значительно более позднему времени. Но самое главное препятствие состоит в том, что кораксов Псевдо-Скилак упоминает не просто перед Диоскуриадой, а значительно раньше её (77), описание же у него идет с северо-запада на юго-восток. От Диоскуриады (район современного Сухума) кораксов отделяют область Колика (78), земля меланхленов с реками Метасорис и Айгипий (79), наконец, земля гелонов (80). Очевидно поэтому, что кораксов и колов для второй половины I тыс. до н.э. можно помещать только северо-западнее современного Сочи.

Размещение кораксов между Коликой и гениохами делает невозможным их локализацию в Юго-Восточной Абхазии. При этом источники, четко различающие кораксов и гениохов, не дают оснований для вывода о том, что этноним «гениохи» в это время является собирательным для кораксов и «ряда других этнических объединений древней Абхазии»². Нет никаких оснований и для локализации кораксов в Бзыбском ущелье³. Логике источников, являющихся, напомним, периплами, противоречит и помещение кораксов в районе Пацхирской крепости близ Цебельды⁴. Абсолютно безосновательно «Кораксийская крепость» Гекатея Милетского отождествляется с Пацхирской крепостью, находящейся восточнее Сухума. Как будто бы в эпоху античности на территории Абхазии не было других крепостей, кроме Пацхирской. Столь же необоснованно размещение кораксов в районе Шубары в бассейне р. Гумисты севернее Сухума⁵

¹ Бутба В.Ф. Ук. соч, с.80-83.

² Маан О.В. Абжуа. Историко-этимологические очерки Очамчирского района Абхазии. Сухум, 2006, с. 55.

³ Ломоури Нодар. Ук. соч, с. 8.

⁴ Воронов Ю.Н. К вопросу о локализации кораксов и их крепости в Абхазии // ВДИ. 1968, № 3.

⁵ Шамба Г.К. Ук. соч, с. 19.

Единственный автор, помещающий кораксов близ Диоскуриады, это Плиний Старший (VI, 15), но, как будет показано ниже, в этом месте он опирался на несколько разновременных источников, основательно перепутав последовательность перечисления племен¹.

Картину, близкую к предлагаемой Псевдо-Скилаком, мы видим у Помпония Мелы (I в. н.э.), опирающегося на более ранние ионийские источники. Вдоль Черноморского побережья, согласно этому автору, проживают (с юго-востока на северо-запад) меланхлены, тореты, «шесть Колик», кораксы, фтирофаги, гениохи, ахеи, керкеты (I, 110). Здесь упоминаемые Страбоном в близлежащих горных ущельях фтирофаги (XI, II, 14, 19) оказались на побережье, вклинившись между кораксами и гениохами, а тореты, по сравнению с временами Псевдо-Скилака, переместились далеко на юго-восток, с берегов Геленджикской бухты в район современного Адлера. Отметим, что локализация фтирофагов на побережье между кораксами и гениохами в какой-то степени соответствует данным Арриана (26 (18 Н), отмечавшего проживание фтирофагов «в древности» в районе Нитики (Гагра или Цандрипш). В остальном этническая карта Помпония Мелы соответствует географическим представлениям Псевдо-Скилака. По свидетельству Аппиана (102) и Страбона (XI, II, 13), Митридат при переходе на Боспор пересек сначала владения гениохов, а затем – землю ахейцев, что также соответствует данной этнической карте. Приблизительно такую же этническую карту мы находим у Дионисия Перизгета (I–II вв.), опиравшегося на более ранние источники. За колхами живут тиндариды (очевидно, в районе Диоскурии), далее зиги, гениохи, ахейцы, тореты, керкеты и даже киммерийцы (652–710). Здесь на смену гелонам, меланхленам, колам и кораксам пришли тиндариды.

Согласно Страбону (I в. до н.э. – I в. н.э.), побережье, занимаемое гениохами и ахейцами (между которыми у этого автора вклиниваются зиги) гористо и лишено гаваней, эти племена ведут разбойничью жизнь, скрываясь в ущельях и бесплодных местностях (XI, II, 12–14). Данное описание вполне соответствует району между Сочи и Геленджиком. За гениохами (и керкетами), на границе Колхиды, проживали мосхи (XI, II, 14) или макропогоны (XI, II, 1). Страбон при

¹ Об этом см. подробнее: Каменецкий И.С. История изучения меотов. М., 2011, с. 166 и далее.

описании региона опирается на два несколько противоречащих друг другу источника. По одному из них (Страбон ссылается на «историков митридатовых войн»), между гениохами и Питиунтом размещались керкеты, по другому (Перипл Артемидора Эфесского 104–100 гг. до н.э.) – керкеты находились в районе Бат, между Анапой и Геленджиком, то есть там, где их помещал Псевдо-Скилак Кариандский, а земли гениохов доходили до Питиунта. В отличие от Н. Ломоури¹, у нас, как и у Страбона, информация «историков митридатовых войн» не вызывает недоверия. Поход Митридата по восточному берегу Черного моря не мог не привести к пополнению географических знаний античного мира о проживающих там народностях. Возможно, расхождение между «историками митридатовых войн» и Артемидором Эфесским, как предполагал в свое время Г.А. Меликишвили², связано с изменением этнической карты региона в первой половине I в. до н.э.

В горной части страны, над приморскими племенами, жили фтирофаги (упоминается их ущелье, но нет никаких причин делать на этом основании вывод о проживании фтирофагов в Кодорском ущелье³, на территории Восточного Причерноморья, безусловно, ущелий всегда было более чем достаточно) и, восточнее, соаны, занимающие вершины Кавказа, возвышающиеся над Диоскуриадой. Соаны (суаны, санны), по нашему мнению, не тождественны санигам (противоположное мнение обосновывал Ю.Н. Воронов⁴, так как у Плиния Старшего, к примеру, они упоминаются раздельно и в различных регионах Кавказа (VI, 14). Разумеется, здесь можно сослаться на свойственное Плинию Старшему умение перепутать и достаточно механически соединить разновременные источники (об этом см. ниже). Тем не менее, саниги всеми античными авторами локализируются западнее Диоскуриады-Себастополиса или же в районе этого города, а санны-соаны, наряду с фтирофагами, размещаются либо в горах над Диоскуриадой, либо значительно восточнее последней. Использовать же в этой связи мягко говоря невразумительное высказывание Ипполита Римского (III в. н.э.), идентифицирующего суанов и санигов,

¹ Ломоури Нодар. Ук. соч, с. 14.

² Меликишвили Г.А. Ук. соч, с. 87.

³ Бутба В.Ф. Ук. соч, с. 112.

⁴ Воронов Ю.Н. 1998, с. 31, 32.

вряд ли оправданно. По справедливому замечанию Б.М. Гунба, «ссылаясь на Ипполита Римского, делать какие-либо конкретные выводы весьма опрометчиво»¹. Не тождественны соаны и саннам, которых Арриан помещает недалеко от Трапезунта (15 (10 Н)). Все это не означает, что соаны, являющиеся, по нашему мнению, союзом племен, безоговорочно тождественны предкам современных сванов, хотя нельзя полностью исключать возможность некоторой преемственности между ними. Тождественность соанов и сванов не вызывала, кстати, сомнений у большинства как абхазских², так и российских³ ученых. В целом, именно эту точку зрения можно считать общепринятой, хотя, повторяюсь ещё раз, проводить линию прямой преемственности между союзом племен конца I тыс. до н.э. и современным этносом затруднительно. Что же касается древних «фтирофагов», характеристика, данная Страбоном этому племени («вшеедов» или «шишкоедов», «получивших это имя от своей нечистоплотности и грязи» (XI, II, 19), стала причиной отсутствия каких-либо версий об его этнической принадлежности.

Вероятно, источники Страбона отражают ситуацию, когда владения гениохов расширились на юго-восток, доходя до Питиунта (устье Бзыби), который, как сообщает Плиний Старший (23/24–79 гг.), был разграблен ими несколько позже («богатейший город Питиунт разграблен гениохами») (VI, 16).

Согласно Плинию, ахейцы переместились в район Питиунта (VI, 16), меланхлены и кораксы – в район Диоскурии (VI, 15). Кроме того, Плиний упоминает гениохов и саннов гениохов в районах Апсара и Трапезунта (VI, 12). Таким образом, в II–I вв. до н.э. наблюдается серьезное изменение этнической номенклатуры региона, связанное с перемещением племенных образований, занимающих побережье между современными Сочи и Новороссийском, на юго-восток, в районы современной Абхазии и, возможно, ещё далее на юг. Впрочем, упоминание гениохов (как и других народов северо-восточного по-

¹ Гунба Б.М. Письменные источники о Севастополе // Проблемы истории, филологии, культуры. Выпуск. XVI/1. М. – Магнитогорск, 2006, с. 260.

² Бутба В.Ф. Ук. соч, с. 112.

³ Буданова В.П. Варварский мир эпохи Великого переселения народов. М., 2000, с. 346; Подосинов А.В., Скржинская М.В. Римские географические источники: Помпоний Мела и Плиний Старший. Тексты. Перевод. Комментарий. М., 2011, с. 310, прим. 463.

бережья Черного моря, в частности, керкетов (Страбон, Квинт Курций Руф, Палефат, Гелланик¹) в южных районах Колхиды или на севере Анатолии можно объяснить и иначе. Ряд источников говорит об основании Диоскуриады (Помпоний Мела: I, 19, 111) и Фасиса (Гераклид (XVIII, 218 М), эксцерпт «Политии фасиан» Аристотеля²) «в земле гениохов». Вполне вероятно, что эти утверждения восходят к раннему источнику, отражающему доколониционный период, когда гениохи контролировали большую часть восточного побережья Черного моря. В этом случае упоминание Плинием и Аррианом (15 (10 Н) гениохов в районах Апсара и Трапезунта может свидетельствовать о сохранении здесь связанных с этим этнонимом племенных групп. С аналогичным предположением, которое кажется нам вполне вероятным, выступал Г.К. Шамба, по мнению которого, «со второй половины I тыс. до н.э. гениохийские племена в Восточном Причерноморье выглядят как отдельные островки»³. Станным образом, для Н.Ю. Ломоури упоминание гениохов в эксцерпте «Политии фасиан» является аргументом в пользу недостоверности и сомнительности всего этого фрагмента, так как, якобы, «по данным всех других античных авторов, гениохи проживали значительно севернее, а по некоторым данным, значительно южнее р. Фасиса, но в обоих случаях

¹ От Гелланика Митиленского (V в. до н.э.) до нас дошло всего несколько отрывков, затрагивающих географию Причерноморья и, по большей части, маловразумительных. В одном из них говорится: «выше же керкетов живут мосхи и хариматы, ниже же гениохи, выше же кораксы» («Основания городов». Фр. 109). Мало того, что разобраться, где здесь «верх» и «низ» и кто над кем находится по меньшей мере затруднительно, само по себе определение того региона, о котором идет речь в этом отрывке, мягко говоря, является проблемой. Упоминание в единой связке мосхов, керкетов и хариматов (VII, фр. 1) мы видим и у Палефата (IV в. до н.э.), но и от него дошли лишь бессвязные отрывки. Судя по Палефату, мосхи, керкеты и хариматы пребывали у реки Парфений, которая в настоящее время отождествляется с рекой Фуртуной, находящейся на южном побережье Черного моря (Буданова В.П. Варварский мир эпохи Великого переселения народов. М. 2000, с. 398). На южные или, скорее, юго-восточные области Причерноморья может указывать и упоминание в этой связи мосхов. Вероятно, в данном случае мы все же имеем дело со следами старой традиции, знавшей о тех временах, когда гениохи контролировали значительно большую территорию, чем позже.

² Латышев В.В. Известия древних писателей о Скифии и Кавказе. Вып. 3 (XXI) и 4 (XXII). (Приложение к журналу «Петербургский археологический вестник»). Том 2. СПб., 1993, с. 304 (218).

³ Шамба Г.К. Ук. соч., с. 22.

за пределами Колхиды»¹. Исходя из подобной системы аргументации, можно поставить под сомнение практически любой античный источник. Что же касается гениохов – их первоначальный ареал расселения (в качестве союза племен) в самом деле мог включать как Колхиду в узком смысле, так и прилегающие к ней с севера и юга территории.

Кроме того, изменение этнической номенклатуры может и не означать изменения этнической карты региона. Тем не менее, утверждение Ю.Н. Воронова² об отсутствии каких-либо данных, свидетельствующих о вторжении и расселении «пришлого элемента» в Восточном Причерноморье в последние века до нашей эры представляется нам необоснованным. Во-первых, очевидно перемещение ряда этнонимов в юго-восточном направлении. Во-вторых, в этом контексте необходимо рассматривать и разрушение Питиунта гениохами. И, наконец, с вторжениями северо-западных соседей и общей нестабильностью следует связывать и признаваемые Ю.Н. Вороновым резкое сокращение населения и запустение приморской зоны Абхазии.

На протяжении длительного периода большинство источников устойчиво размещает гениохов в северо-восточной части Черноморского побережья, скорее всего, в районе современных Туапсе и Архипо-Осиповки. С другой стороны, как видим, есть вызывающая доверие информация об их проживании в доколониционный и в раннеантичный период, а в некоторых случаях, и позже, на Черноморском побережье в районах Трапезунта, Апсара, Фасиса и Диоскурии. Поэтому одинаково ошибочными нам кажутся как утверждение о том, что «гениохи никогда не проживали на территории Абхазии и недоразумением является попытка их локализации в Северо-западной Колхиде»³, так и попытки выделить на территории Абхазии «культуру гениохов», связав её с предками современных абхазов⁴. При этом желание связать гениохов, как и санигов, со сванами, прак-

¹ Ломоури Н.Ю. К вопросу о методике использования некоторых античных и грузинских источников по истории древней Грузии // Источниковедческие разыскания. 1982. Тбилиси, 1985, с. 55, 56.

² Воронов Ю.Н. 1998, с. 36, 37.

³ Ломоури Нодар. 1997, с. 9, 10.

⁴ Бгажба О.Х., Лакоба С.З. История Абхазии с древнейших времен до наших дней. Сухум. 2007, с. 61–67

тически не утруждая себя внятыми доказательствами¹, не может не вызывать удивления.

Корреляция письменных источников с данными археологии

Кажущаяся противоречивость имеющихся источников, обусловленная, в первую очередь, как нам кажется, их разновременностью, вынудила ряд исследователей отказаться от попыток определения принадлежности изучаемых ими памятников к тому или иному племенному объединению древности. Одним из немногих исключений, подтверждающих, кстати говоря, возможность отождествления археологического памятника с тем или иным этнонимом, стали работы А.А. Малышева и возглавляемого им коллектива авторов, посвященные могильникам древней Синдики и прилегающих территорий². Есть и обратные примеры. Так, погребения эпохи раннего железа могильника Назарова щель – I (пос. Архипо-Осиповка), по выводу авторов раскопок, «очевидно, принадлежат меотам в широком смысле (керкетам, гениохам, «поедателям вшей» античных авторов), исконно населявшим эту территорию»³. Таким образом, памятник, находящийся за пределами расселения исторических меотов, не только связывается с меотами, но и, одновременно, к меотам оказываются отнесены керкеты, гениохи и фтирофаги, то есть племена, расселенные от современной Анапы до Центральной Абхазии. Получается, что все они проживали на небольшом пятачке земли близ современной Архипо-Осиповки. Такой подход к анализу исторических источников и определению соотношения древних этнонимов с археологическими памятниками ни в коей мере не может нас удовлетворить.

Нашей задачей на данном этапе является анализ культурной ситуации в Западном Закавказье в период ранней античности. Тради-

¹ Меликишвили Г.А. Ук. соч, с. 91, 92.

² Юго-восточная периферия Боспора в эллинистическое время: по материалам Раевского некрополя. (Некрополи Черноморья. Том I). М., 2007; Аспургiane на юго-востоке Азиатского Боспора. По материалам Цемдолинского некрополя. (Некрополи Черноморья. Том II). М., 2008; ABRAU ANTIQUA. Результаты комплексных исследований древностей полуострова Абрау. Под ред. А.А. Малышева. М., 2009; Население архаической Синдики. По материалам некрополя у хутора Рассвет (Некрополи Черноморья. Том III) / Под ред. А.А. Малышева. М., 2010.

³ Верещинский-Бабайлов Л.И., Мелешко Б.В., Узянов А.А. Культурный слой могильника Назарова Щель – I // Культурные слои археологических памятников. Теория, методы и практика. Материалы научной конференции. М., 2006, с. 295.

ционно считается, что весь этот огромный регион был занят колхидской культурой. При этом необходимость «дробления» колхидской культуры, собственно говоря, ни у кого не вызывает сомнений и возражений. Вопрос только в том, будет ли это «дробление» осуществляться путем выделения самостоятельных, пусть и родственных культур, или же дело ограничится выделением локальных вариантов единой колхидской культуры.

Выделение новых культур, производимое, достаточно часто, по ограниченному набору памятников, не может не вызывать справедливых сомнений. С другой стороны, как в свое время отмечал Л.С. Клейн, «все же более плодотворно идти на риск лишнего дробления культуры (свести потом адекватные части воедино не сложно), чем на риск недостаточной дифференциации (при которой чужеродные явления будут смешаны и усреднены)»¹. Любые опасения, связанные с отсутствием у нас уверенности в том, что, решив этот вопрос «сейчас, в том или ином виде, нам придется через несколько лет, вследствие новых данных, снова менять как картографию культуры, так и ее терминологию»² представляются нам надуманными. Наука развивается, и любые наши концепции спустя определенный промежуток времени окажутся устаревшими, но это не повод для того, чтобы сложить руки и оперировать только построениями полувековой давности.

Обращает на себя внимание и то, что практически все используемые на сегодняшний день определения археологической культуры одинаково могут быть применимы и к археологической культуре, и к культурно-исторической общности (или историко-культурной области или к историко-культурному району), и к локальному варианту археологической культуры.

Анализ археологических памятников Западного Закавказья и самостоятельные работы в регионе (в 2002–2011 гг.) побуждают нас отказаться от предлагаемого вначале выделения локальных вариантов колхидской культуры и говорить о выделении самостоятельных

¹ Клейн Л.С., Миняев С.С., Пиотровский Ю.Ю., Хейфец О.И. Дискуссия о понятии «археологическая культура» в проблемном археологическом семинаре Ленинградского университета // СА. 1970. № 2, с. 300.

² Чшиев Х.Т. Памятники кобанской культуры на территории Северной Осетии // Археология Северной Осетии. Часть I. Владикавказ, 2007, с. 262.

археологических культур в рамках кобано-колхидской историко-культурной общности. В противном случае нам пришлось бы выделять локальные варианты в локальных вариантах, что, безусловно, является нонсенсом. При этом, бесспорно, выделяя новые культуры, не следует забывать о существовании безусловного культурного единства в рамках кобано-колхидской общности. Гипотеза о существовании в эпоху поздней бронзы – раннего железа кобано-колхидской культурно-исторической общности, в рамках которой выделяется ряд самостоятельных, хотя и родственных культур, была выдвинута нами несколько лет назад и активно поддержана рядом ведущих специалистов (А.П. Мошинский). На территории Западного Закавказья нами, как было обосновано в ряде работ, выделяется несколько самостоятельных археологических культур (Бзыбская, Ингури-Рионская, Лечхумо-Имеретинская), входящих в Кобано-колхидскую культурно-историческую общность¹.

Сколько-нибудь обоснованных возражений, исходящих из анализа археологического материала, данная концепция не вызвала, а звучащие иногда критические замечания опираются исключительно на ненаучные аргументы². К примеру, в качестве аргументов используются следующие тезисы: «ну вот, будем теперь выделять для каждого ущелья отдельную культуру» или «принято считать, что существуют отдельные кобанская и колхидская культуры, и это является аксиомой». Хотелось бы, чтобы полемика велась в рамках научной дискуссии с разбором аргументов оппонента и, что немаловажно, сопровождалась вводом в научный оборот до сих пор в своем большинстве неопубликованных памятников этого исторического периода. Я имею в виду узловые для данного региона Тамышское и Бамборское поселения, большинство других поселенческих памятников Абхазии эпохи поздней бронзы – раннего железа. В противном случае, все заявления, к примеру, об единстве керамического комплекса

¹ Мошинский А.П., Скаков А.Ю. Кобано-колхидская культурно-историческая общность: внутренняя структура и отражающие её понятия // В.Ф. Миллер и актуальные проблемы кавказоведения. I Всероссийские Миллеровские чтения. Тезисы докладов. Владикавказ. 2008, с. 28–29.

² Образец таких «замечаний» можно увидеть в сб.: «Абхазоведение. Археология. История. Этнология». Вып. V–VI. Сухум, 2011, с. 9. Маситый автор замечания, не утруждая себя аргументацией, назвал данную концепцию «искусственной конструкцией».

этой эпохи в Западном Закавказье выглядят голословными, более того, имеющийся материал заставляет в них усомниться. В частности, абхазскому археологу А.Н. Габелия, считающему наши с А.П. Мошинским выводы «преждевременными»¹, хотелось бы настоятельно порекомендовать опубликовать для начала полноценный текст своей диссертации, посвященной поселениям «колхидской культуры» на территории Абхазии², а также максимально полно ввести в научный оборот материалы самих узловых для этого региона памятников, названных мною выше. Тогда, я уверен, многое прояснится и встанет на свои места. Пока что, даже спустя десятилетия после завершения масштабных раскопок Тамышского и Бамборского поселений, мы видим только предварительные сообщения (в «Археологических открытиях в Абхазии» за несколько лет), тезисы и обзорные статьи.

В этой связи гораздо более фундированным и логичным нам кажется подход, продемонстрированный в недавнем фундаментальном исследовании немецкого археолога Сабины Рейнхольд (2007). Она возвращается к понятию «кобано-колхидская культура», отмечая при этом неразработанность самой «концепции культуры» и понимая под ней в данном случае «некое единое культурное “койнэ” с тесными связями между несколькими местными группами»³.

В свою очередь, могу сделать одно замечание, также имеющее не научный, а, скорее, политический характер. Как ни странно, доминирующие среди абхазских археологов ревнители тезиса о существовании единой колхидской культуры в своих построениях полностью единодушны с господствующей в грузинской исторической науке парадигмой. А исходит эта парадигма из старого тезиса об идентичности археологической материальной культуры и этногра-

¹ Габелия А.Н. Еще раз о проблеме взаимодействия колхидской и кобанской культур // Новейшие открытия в археологии Северного Кавказа: исследования и интерпретации. XXVII Крупновские чтения. Материалы Международной научной конференции. Махачкала, 2012, с. 37.

² Габелия А.Н. Поселения колхидской культуры (на материалах Абхазии) / Автореф. ... к.и.н. М., 1984.

³ Reinhold Sabine. Die Spätbronze- und frühe Eisenzeit im Kaukasus. Materielle Kultur, Chronologie und überregionale Beziehungen. (Universitätsforschungen zur prähistorischen Archäologie. Band 144. Aus dem Institut für Prähistorische Archäologie der Freien Universität Berlin. Bonn, 2007, с. 336.

фической культуры, то есть определенного этнического образования, как правило, племенной общности. То есть Западное Закавказье (или вообще большая часть Кавказа) занята колхидской культурой, которая соответствует либо мегрело-занскому, либо сванскому этносу.

Безусловно, представление о полном совпадении ареалов археологических культур и этнических границ было связано с определенным уровнем развития науки и в настоящее время уже не может быть безоговорочно принято. Извинительная в первой половине XX в. абсолютная убежденность в полном соответствии культуры и этноса в наше время уже, как минимум, «требует серьезной аргументации» (В.Б. Ковалевская)¹. Утверждение о таком совпадении требует, по крайней мере, рассмотрения археологической культуры как реконструированной нами целостной системы, включающей информацию не только о погребальном обряде, керамическом и металлическом комплексе, домостроении и т.д., но и о целом ряде этнических критериев (язык, самосознание, мировоззрение и др.), данные о которых, как правило, нам недоступны.

В том случае, если мы и далее будем, пусть и порой не объявляя об этом во всеуслышание, приравнивать археологическую культуру к этносу, дискуссия, неизбежно, полностью потеряет научный характер и будет вестись только на одну тему: принадлежит ли тот или иной памятник гениохам, сванам или мегрелам. Тем самым археология и древняя история будет превращаться в служанку политики, реагирующую только на сиюминутные вызовы, далекие от научного дискурса. В этой связи можно привести слова Л.С. Клейна: «Политическая конъюнктура изменчива, национальные отношения тоже, а наука и её открытия остаются. Кем вы останетесь в науке, зависит от того, на что вы сделаете ставку – на суть науки или на конъюнктуру. Очень расплывчата граница между «славный» и «пресловутый» но различие столь же ясное, как между «день» и «ночь»².

Путь конструирования этнократических мифов вряд ли перспективен. Напротив, гораздо более продуктивным представляется

¹ Ковалевская В.Б. Археологическая культура – практика, теория, компьютер. М., 1995, с. 128.

² Клейн Л.С. История археологической мысли. Том I. СПб., 2011, с. 526, 527.

своего рода восхождение от частного к общему: конкретный археологический памятник – группа памятников (к примеру, памятники одного ущелья) – локальный вариант – археологическая культура – культурно-историческая общность. Такой подход должен сопровождаться тщательным выявлением всего массива связей как между отдельными памятниками, так и между их группами, локальными вариантами, культурами.

Пока что, учитывая слабую, по сравнению с соседними регионами России, изученность как древностей района Сочи, так и археологических памятников Абхазии, уверенно выделять группы памятников и локальные варианты, а, порой, и археологические культуры, а далее, при возможности, соотносить их с письменными источниками, конечно, затруднительно. Тем не менее, ставить такую цель можно и нужно, иначе кораксы, колы, гениохи, соаны и фтирофаги так и останутся для нас навсегда фантомами, не имеющими ни своей территории, ни своей истории, перемещающимися по карте в зависимости от воли исследователя, не всегда свободного от ложно понимаемого патриотизма.

На сегодняшний день можно сделать ряд предварительных выводов. Территория, занятая собственно колхами по Псевдо-Скилаку, совпадает с выделенной нами Ингури-Рионской колхидской культурой¹. Область гелонов соответствует в этом случае Бзыбской колхидской культурой, с меланхленами можно связать либо памятники типа Гагринского могильника, либо культуру, представленную обнаруженными недавно поселениями в районе Адлера². Как материальная

¹ Скаков А.Ю. Хронология могильников Колхиды раннего железного века // Степи Евразии в древности и средневековье. Материалы международной научной конференции, посвященной 100-летию со дня рождения М.П. Грязнова. Кн. II. СПб., 2003, с. 142–144; Скаков А.Ю. Проблемы выделения археологических культур эпохи поздней бронзы – раннего железа в Западном Закавказье // Современные проблемы археологии России. Материалы Всероссийского археологического съезда 23–28 октября 2006 г. Том I. Новосибирск, 2006, с. 461–463.

² Джопуа А.И., Мимоход Р.В., Скаков А.Ю., Клещенко А.А. Новые поселения эпохи бронзы – раннего железа на территории Имеретинской низменности и их место в системе поселенческих древностей Северо-западного Закавказья // Пятая Кубанская археологическая конференция. Краснодар, 2009, с. 90–93; Мимоход Р.А., Скаков А.Ю., Клещенко А.А. Новые данные о поселениях района Сочи в эпоху раннего железа (по материалам раскопок в Имеретинской низменности) // Проблемы археологии Кавказа (К 70-летию Ю.Н. Воронова). Сборник материалов Международной

культура (металлический инвентарь, керамика), так и погребальный обряд Бзыбской колхидской культуры резко отличают её от памятников соседних регионов. Племенам, проживающим, согласно Геродоту, между колхами и Кавказскими горами, принадлежат, вероятно, памятники круга могильников Шубара, Мерхеули, Джантух, Ларилари¹. Их материальная культура и погребальный обряд резко отличаются эти некрополи от памятников приморской Абхазии. Безусловно, такая корреляция между древними этнонимами и археологическими культурами не может не носить гипотетического характера. Несомненно только наличие в Северо-западном Закавказье, кроме племенной общности колхов, границы которой в середине I тыс. до н.э. доходили до Диоскурии, ещё целого ряда племен и племенных общностей. Это, кстати, соответствует утверждению Страбона о том, что в Диоскуриаду собирается если не 300, то уж не менее 70 народностей, причем «все они говорят на разных языках, так как живут врозь и замкнуто в силу своей гордости и дикости» (XI, II, 16).

Безусловно, «одушевление» такого, в самом деле, как правило, условного понятия, как археологическая культура, как и «биологизация» предметов материальной культуры, вряд ли имеет серьезную перспективу. В то же время, не стоит забывать, что за нашими абстракциями и построениями стоят жившие когда-то люди и их коллективы. В противном случае мы скатимся в банальное вещеведение, и предметом нашего исследования станет не взаимодействие групп людей в какой-либо исторический период, а «взаимоотношения» горшков и их типов, или изменение «положения лапки и хвостика» у изображенного когда-то животного. «Археологическая культура» зачастую пока ещё является условным термином и «инструментом исследования», но мы должны стремиться максимально, по мере сил, лишить её этой условности, выйти на уровень древних реалий, древнего общества, попытаться «оживить» не условный термин или венчик сосуда, а существовавший когда-то в реальности человеческий

научной конференции (10–11 мая 2011 г., Сухум). Сухум, 2011, с. 61–74.

¹ См., например: Скаков А.Ю., Джопа А.И. Джантухский могильник в Абхазии: новые открытия // Проблемы древней и средневековой археологии Кавказа. Вторая Абхазская Международная археологическая конференция (8–12 ноября 2008 г.). Посвящена памяти М.М. Трапш. Материалы конференции. Сухум, 2011, с. 132–147.

коллектив. Вещи должны заговорить с нами, но не языком вещей, а языком людей, их создавших.

К сожалению, пока что основная проблема состоит именно в «оживлении» археологических дописьменных культур. За венчиками и изображениями мы не различаем людей, за позой погребенного не видим идеологии и веры. По меткому замечанию одного английского археолога, «в конце концов мы начинаем подменять топорами и кубками живых людей»¹. Сведение археологии к «технической» науке, «обслуживающей» интересы истории, предоставляющей ей материал для «исторических» построений, не претендующей на сколь либо глобальные обобщения и выводы – это путь в никуда. Как писал Г.С. Кнабе, характеризуя т.н. «английскую школу», в ее рамках «исследование материальной культуры проводится безотносительно к её носителям и к их истории. Отсюда появляется стремление вообще освободить археологию от исторической проблематики и сблизить её с естественными и точными науками»². Показательно, что некоторые яркие адепты «технического» характера археологии, которая, якобы, не является историей, свои работы, напротив, не посвящали публикации комплексов (в том числе, раскопанных ими) и вводу их в определенный контекст, а сразу переходили к глобальным историческим выводам. То есть черновую работу, публикацию и детальную проработку археологических памятников, эти «аристократы духа» оставляют полевикам, которые не могут претендовать на звание «историка». Все это могло бы быть смешно, если бы не было так грустно: ведь и так многие наши коллеги, увязнув в новостроечных исследованиях, не успевают и не могут перейти к сколь либо фундированным обобщениям, да и зачастую не претендуют на это, не будучи в состоянии даже опубликовать сотни (если не тысячи) комплексов, раскопанных ими за десятки лет работ в поле.

Отметим и ещё одно негативное последствие археологического «изоляционизма», сведения археологии до уровня «служанки» истории, поставляющей только обработанные в соответствии с методами археологического исследования факты на стол истинных «гурманов и ценителей» – историков. Отказываясь от исторической интерпре-

¹ Кнабе Г.С. Вопрос о соотношении археологической культуры и этноса в современной зарубежной литературе // СА. 1959. № 3, с. 246.

² Там же, с. 245.

тации археологического материала, археологи полностью освобождают место историкам, открывая им возможности для анализа и обобщения. Но историки (или филологи), не умеющие применять методы археологического исследования, не чувствующие специфику археологических памятников, используют последние исключительно как средство и подручный материал для подтверждения заранее сконструированных исторических концепций. Из сотен памятников выбирается несколько наиболее ярких, лишаемых, таким образом, какого-либо контекста. Критика источника (вопрос о достоверности комплекса, об его закрытом или открытом характере) полностью отсутствует. Пример такого подхода – некоторые работы А.И. Иванчика, претендующие на синтез археологии и истории¹.

Другое дело – вопрос об этнической окрашенности терминов «археологическая культура» и «культурно-историческая общность», то есть об «этнизации» археологической культуры². Этническая принадлежность как индивида, так и человеческих групп до сих пор является определением неустойчивым, поддающимся корректировке³. Абсолютно очевидно, исходя из известных нам фактов письменной истории, что в древности картина была ещё более сложной и изменчивой. Как в свое время было отмечено И.С. Каменецким, «определение этноса в науке тоже не однозначно»⁴, а по словам Л.С. Клейна, «само понятие «этнос» оказывается чрезвычайно неопределённым»⁵.

В качестве основного определителя этноса обычно указывается «такой совершенно неуловимый на археологическом материале при-

¹ Иванчик А.И. Киммерийцы и скифы. Культурно-исторические и хронологические проблемы археологии восточноевропейских степей и Кавказа пред- и раннескифского времени // Степные народы Евразии. Том II. М., 2001; об этом подробнее см.: Скаков А.Ю., Эрлих В.Р. Ещё раз о хронологии «киммерийских» и раннескифских древностей // Древности Евразии: от ранней бронзы до раннего средневековья. Памяти В.С. Ольховского. М., 2005; Эрлих В.Р. Северо-Западный Кавказ в начале железного века. Протомеотская группа памятников. М., 2007, с. 183–187.

² Кнабе Г.С. Ук. соч, с. 243.

³ Для примера можно сравнить данные переписей населения РФ 2002 и 2010 гг. и убедиться, как неожиданно и малообъяснимо поменялась численность некоторых народов.

⁴ Каменецкий И.С. Археологическая культура – её определение и интерпретация // СА. 1970. № 2. М., с. 31.

⁵ Клейн Л.С. Проблема определения археологической культуры // СА. 1970. № 2, с. 44.

знак, как этническое самосознание»¹. Ни материалы поселений, ни комплексы погребений, ни даже сложно поддающаяся анализу стилистика и сюжетика древнего искусства не могут дать нам никакой информации об этническом самосознании носителей выделяемой нами археологической культуры. Совершенно справедливо для «археологической культуры» выделяются различные модели проявлений этнической культуры и культуры этноса². Тем не менее, и это даже парадоксально, «большинство археологов думают, что культура соответствует этносу, и уж во всяком случае все исходят из этого допущения в своей практической работе»³. Многие (все же, на наш взгляд, не большинство) археологи пытаются «внести в определение понятия археологической культуры непременное условие ее соответствия конкретной этнической общности племени или народу, а в ряде случаев понимают это как соответствие также языковой общности»⁴. В постсоветской науке до сих пор часто «археологическая культура и этнос рассматриваются как тождество»⁵. И это несмотря на то, что со времен Коссины историческая наука и, в частности, этнография, шагнули далеко вперед. Уже давно стало ясно, что «очень многие ареалы типов (даже совпадающие) не имеют этнического значения», а набор «этнических признаков», пригодных для отождествления какой-либо культуры с определенным этносом, каждым исследователем выбирается абсолютно произвольно⁶. Тем же исследователем было подробно обосновано, что «версии определения археологической культуры, основанные на идее об ее обязательном совпадении с этносом, приходится признать несостоятельными»⁷. Но все это не меняет ситуации: по-прежнему считается нормальным и научным говорить об этносе носителей кобанской, колхидской, протомеотской, дольменной и других культур. По предположению Л.С. Клейна, «суть дела, очевидно, в том, что с этническими признаками (скажем,

¹ Каменецкий И.С. 1970, с. 31.

² Яблонский Л.Т. Новое о хорошо забытом старом: некоторые теоретические подходы в современной скифо-сарматской археологии // Проблемы современной археологии. Сборник памяти В.А. Башилова. М., 2008, с. 306.

³ Каменецкий И.С. 1970, с. 35.

⁴ Клейн Л.С. 1970, с. 42.

⁵ Кнабе Г.С. Ук. соч, с. 245.

⁶ Клейн Л.С. 1970, с. 42,43.

⁷ Там же, с. 49.

с языком) в одних случаях действительно совпадает в своем ареале керамическая орнаментация, в других – техника выделки керамики, в третьих – устройство жилищ, в четвертых – способ погребения и т.д.»¹. Но где гарантия того, что исследователь правильно определил этнический признак, а не отнес, к примеру, кобанцев к индоиранцам на том основании, что кобанские женщины носили браслеты?

В свое время (более полувека назад) Г.С. Кнабе в современной зарубежной археологии были выделены два подхода к вопросу «этнизации» археологических культур. По сути, они не являются различными подходами или методами, а представляют собой лишь две последовательные ступени анализа археологического материала. Первый из них – «локалистский» метод – исходит из преемственности археологических культур на определенной территории, занятой в последующее и настоящее время определенным этносом. При этом неизбежно встает вопрос: «указывают ли сходные черты в территориально разобщенных археологических комплексах на этническую связь их создателей? Любые ли черты или только определенные указывают на это и какие именно?»². К примеру, распространение однотипных кобано-колхидских топоров и пряжек по большей части Кавказа указывает на этническое единство древнего населения этой территории или нет? А сходные и редко встречающиеся керамические формы, к примеру, птероморфные сосуды, известные от Кавказской Албании до Абхазии? На что указывает ареал их распространения? Неужели на этническое единство?

Выход из этой проблематичной ситуации пытается предложить метод «этнизирующих» признаков или «диагностических категорий», предполагающий «выделение в археологическом материале таких особенностей, связь которых с развитием производства минимальна и независимое возникновение которых, следовательно, на базе сходных социально-экономических условий практически исключено»³. К таким особенностям (признакам или категориям), как правило, относят «обряд захоронения, характер орнаментации вообще и орнаментации сосудов в особенности, реже – формы орудий,

¹ Там же, с. 45.

² Кнабе Г.С. Ук. соч, с. 248.

³ Там же.

тип жилища и некоторые другие»¹. Здесь также возникает ряд подводных камней, связанных с несовпадением границ ареалов казалось бы «этнизирующих» признаков. Возможный вариант решения был предложен Г. Чайльдом, по мнению которого «если распределение вещей интересующей нас категории существенно отличается от распределения других категорий предметов, ассоциируемых с данной, то она утрачивает право считаться диагностирующей»². Тем не менее, решение проблемы предполагает её объяснение, а не отбрасывание. Обратимся, к примеру, к границам таких вроде бы «этнизирующих» признаков культур раннего железного века Кавказа как катушковидные ажурные подвески, крестовидные подвески, полуовальные пряжки со спиральным орнаментом. Мы легко убедимся, что границы распространения этих признаков не соответствуют ни друг другу, ни границам какой-либо культурной группы, выделенной ранее или гипотетически выделяемой нами. Эти факты, безусловно, должны получить свое объяснение.

По мнению И.С. Каменецкого, «вероятность соответствия между археологической культурой и этносом повышается с древностью культур» и «в условиях первобытного общества вероятность эта настолько велика, что практически можно отождествить культуру с этносом». Тем не менее, отождествления, что признает и сам И.С. Каменецкий, остаются лишь более или менее вероятными, а для «культур, существовавших в период разложения родо-племенного строя и позднее, вероятность совпадения с этносом понижается»³. Остается два вопроса. Во-первых, насколько правильно выделена нами та или иная археологическая культура, которую мы собираемся соотнести с определенным этносом. Является ли она именно культурой, локальным вариантом культуры или явлением более высшего порядка – общностью культур? Или же: как соотносятся с этносами общности культур и локальные варианты культуры? Во-вторых, где конкретно проходят та грань, за пределами которой вероятность соотнесения культуры с этносом понижается? К примеру, можно ли соотнести с этносами культуры раннего железного века? Обоснованные сомнения в возможности соотнесения с определенным этносом

¹ Там же.

² Цитируется по Кнабе Г.С. Ук. соч, с. 250.

³ Каменецкий И.С. 1970, с. 35, 36.

носителей меотской археологической культуры были высказаны В.Р. Эрлихом и целым рядом других исследователей¹. А, например, хорошо известные в античности синды «с археологической точки зрения являются фантомом»². Сложность этого вопроса заставляет нас однозначно отказаться от попыток придать той или иной археологической культуре или той или иной древней области (территории) «этническое лицо», оставив подобные построения лингвистам. Конечно, наиболее оптимальным следует считать обращение к этой тематике с позиции синтеза наук (лингвистики, особенно, топонимии, археологии, антропологии, источниковедения и т.д.), но с непременным условием отбрасывания политических спекуляций и личных пристрастий (которые, к сожалению, назойливо сопутствуют «этнизации» археологических культур, и не только на Кавказе).

На противоречивость имеющихся сейчас подходов к использованию понятий «культурно-историческая область» и «культурно-историческая общность» уже указывалось в литературе³. В самом деле, более чем странно, когда в новейшем университетском учебнике по археологии сначала утверждается, что понятие «общность» предполагает более тесные связи, чем «область», а на следующей странице оба понятия используются как равнозначные: «общность/область». В то же время, необходимо задуматься, возможен ли прямой перенос в археологию терминов, выработанных в другой науке, имеющей дело, как раз, не с абстракциями, а с реально существующими коллективами людей. В данном случае я имею в виду использование в археологических работах терминов «историко-этнографическая провинция», «историко-культурная область» и «этнографическая общность», разработанных в теоретической этнографии. Нельзя не согласиться с указанием на то, что «общность» предполагает существование некоего человеческого единства, которое далеко не всегда можно установить только методами археологии»⁴. В то же время, общность исторических судеб, прослеживаемых нами для тех или иных регионов древнего мира, определенная общность

¹ Эрлих В.Р. 2007, с. 10,11; Горончаровский В.А., Иванчик А.И. Синды // Античное наследие Кубани. Том I. М., 2010, с. 219; Лимберис Н.Ю., Марченко И.И. Меоты // Античное наследие Кубани. Том I. М., 2010, с. 189.

² Горончаровский В.А., Иванчик А.И. Ук. соч., с. 224.

³ Яблонский Л.Т. Ук. соч., с. 302 и далее.

⁴ Там же, с. 308.

духовной культуры, определяемая, в первую очередь, с помощью археологии – все это указывает именно на «существование некоего человеческого единства», а значит, все же, на общность.

Нельзя исключить, что со временем, по мере разработки собственного понятийного аппарата, археология сможет выйти, как это уже достаточно давно сделала этнография, на уровень конкретного исторического обобщения (предполагающего, безусловно, изучение именно различных человеческих коллективов), сбросив с себя путы как «голового вещеведения», так и этногенетических построений. В этом случае, вероятно, сразу возникнет необходимость стандартизации понятийного аппарата. Используемые нами иерархические термины «культурно-историческая общность» (первый уровень) – «историко-культурная область» (второй уровень) – «археологическая культура» (третий уровень) – «локальный вариант» (четвертый уровень) полностью, по своему историческому содержанию, соответствуют предлагаемым Л.Т. Яблонским терминам «историко-культурная область» (первый уровень) – «историко-культурный район» (второй уровень) – «локальная группа памятников» или «археологическая культура» (третий уровень)¹. Кстати, остается непонятным, почему для кочевых культур неприменим термин «археологическая культура»?² Может быть, в этом виноваты не кочевые культуры, а сам термин (вернее, его наполнение), нуждающийся в корректировке?

Перевальные маршруты через Главный Кавказский хребет

Вполне понятное стремление трансформировать кобанскую и колхидскую культуры из абстрактных понятий в историческую реальность прослеживается в недавней работе Т.М. Кузнецовой, пытающейся идентифицировать именно кобанскую культуру как культуру «исторических киммерийцев», «страну Гамирра»³. В возможности оказаться «страной Гамирра» автор отказывает колхидской культуре, считая, что именно её урартские надписи определили как

¹ Там же, с. 308, 309.

² Там же, с. 310, 311.

³ Кузнецова Т.М. Были ли киммерийцы кочевниками? // Северный Кавказ и мир кочевников в раннем железном веке. Сборник памяти М.П. Абрамовой. М., 2007.

«страну Кулха»¹. Правда, исследовательница на абсолютно непонятных основаниях считает возможным уверенно отождествить историческую «Кулху», расположенную где-то в Юго-Восточном Причерноморье, с археологической культурой, южные границы которой, судя по имеющимся на сегодняшний день материалам, не заходили так далеко. Наконец, остается неясным, на каком основании, даже если принять логику автора, киммерийцы отождествляются со всеми «кобанцами», а не с, к примеру, западным вариантом кобанской культуры или протомеотской группой памятников, столь насыщенными древностями новочеркасского облика. И вообще – возможно ли прямое отождествление «страны» древних текстов с археологической культурой? Видимо, ответ на этот вопрос автор считает само разумеющимся, но это далеко не так. Локализация «страны Гамир» является более чем сложным и спорным вопросом и показательно, что занимающиеся данной проблематикой исследователи сами неоднократно меняли свое мнение, при этом, что характерно, не объясняя читателям причины своих прошлых «заблуждений» и новых «открытий»². По крайней мере, ни «северная» (со всеми ее вариациями), ни «восточная»³ гипотезы ее локализации не могут считаться сколь либо надежно аргументированными.

В период походов ранних кочевников – киммерийцев и скифов (конец VIII – VII вв. до н.э.), активно использовавших перевальные маршруты через Главный Кавказский хребет, происходит активизация связей между населением Западного Закавказья и племенами Северного Кавказа⁴. По устоявшемуся в отечественной науке представ-

¹ Там же, с. 219.

² Об этом подробнее см. Махортых С.В. Об актуальных вопросах раннескифской археологии // Скифы и сарматы в VII–III вв. до н.э.: палеоэкология, антропология и археология. М., 2000, с. 188

³ Погребова М.Н. О маршрутах первых походов киммерийцев в Переднюю Азию // «Музейні читання». Матеріали Міжнародної наукової конференції, присвяченої 90-літтю з дня народження видатного українського археолога О. І. Тереножкіна. Музей історичних кошовностей України – 3 лютого 1998 р. Київ, 1998, с. 28, 29.

⁴ Скаков А.Ю. К вопросу об использовании перевалов Западного Кавказа в эпоху раннего железа // Производственные центры: источники, «дороги», ареал распространения. Материалы тематической научной конференции. СПб. 2006, с. 80–85; Скаков А.Ю. К вопросу о функционировании перевальных коммуникаций на Западном и Центральном Кавказе в древности // Восток в эпоху древности. Новые методы исследований: междисциплинарный подход, общество и природная среда. Тезисы

лению¹ путь исторических киммерийцев в Переднюю Азию пролегал по «Меотидо-Колхидской дороге», вдоль восточного побережья Черного моря, а несколько позже за ними по этому же маршруту последовала часть ранних скифов. Нами уже обращалось внимание на труднопроходимость относительно малонаселенного в то время побережья Черного моря между Гагрой и Геленджиком². По словам Аппиана, описывающего переход Митридата из Диоскурии на Боспор через земли гениохов и ахейцев, «он совершил столь огромный путь в столь короткое время и прошел через столько диких племен и через так называемые «скифские запоры», до тех пор для всех непроходимые» (102).

О невозможности продвижения крупных конных отрядов вдоль «густо заросшего субтропическим лесом» и, добавим ещё, прегражденного до недавнего времени непроходимыми скалами, Черноморского побережья, говорил и И.М. Дьяконов³. В частности, в районе Гагр, по воспоминаниям русского офицера-разведчика первой половины XIX в. Ф.Ф. Торнау, «отвесные скалы перегораживали дорогу», «горы, примыкавшие к морю, в редком месте позволяли втащить на них лошадей», «объехать было невозможно, и мы перешли через них по головоломной тропинке, рискуя упасть сами или уронить в море наших лошадей», а «дорожка» в горы «в недалеком расстоянии делается невозможною для лошадей»⁴. Утверждение о существовании в древности так называемой «Меото-Колхидской дороги», на наш взгляд, ничем не обосновано. Отметим, что сомнения в возможности использования киммерийцами «меотидо-колхидского пути» были высказаны и Г.Т. Квирквелия⁵. По его мнению, у Геродота нигде прямо не говорится, что киммерийцы использовали именно этот

конференции. М., 2007, с. 44–45.

¹ Крупнов Е.И. О походах скифов через Кавказ // Вопросы скифо-сарматской археологии. М., 1954.

² Скаков А.Ю., Джопау А.И., Шамба Г.К. Новый могильник колхидской культуры в Бзыбской Абхазии // Материалы и исследования по археологии Северного Кавказа. Вып. IV. Армавир, 2004, с. 68, 69.

³ Дьяконов И.М. Киммерийцы и скифы на Древнем Востоке // РА. 1994. № 1, с. 108.

⁴ Секретная миссия в Черкесию русского разведчика барона Ф.Ф. Торнау. Нальчик, 1999, с. 238, 240.

⁵ Квирквелия Г.Т. К вопросу о возможности использования киммерийцами меотидо-колхидского пути // Вопросы археологии Грузии. III. Тбилиси, 1985. (На груз. яз), с. 121, 122.

путь, и более вероятным ему кажется движение киммерийцев вдоль западного берега Черного моря.

По нашему мнению, наиболее вероятны два маршрута походов ранних кочевников через Большой Кавказ в VIII–VII вв. до н.э. Первый путь через перевалы Гебеафцаг и Гурдзиафцаг соединял горную Дигорию и Рачу, второй – через Клухорский и другие перевалы связывал Абхазию и Кисловодскую котловину. В дальнейшем здесь, по мнению Ю.Н. Воронова¹, пролегли Мисимианский и Даринский «пути» эпохи раннего средневековья. «Мисимианский путь» через перевалы Баса-Чубери и Донгуз-Орунбаши соединял ущелья рек Ингури и Галидзга с верховьями Баксана и Кубани, а «Даринский путь» из Кодорского ущелья через Клухорский перевал приводил в верховья Теберды. Спустя много веков по этому маршруту прошла Военно-Сухумская дорога.

Любопытно, что сванский фольклор сохранил любопытное предание о нашествии на Сванетию неведомого северного народа, прошедшего через Главный Кавказский хребет двумя маршрутами – с верховьев Кубани по перевалу Баса-Чубери и с верховьев Теберды по Клухорскому перевалу, а далее – перевалом Хидар. Сказание уточняет, что «это не были предки нынешних карачаев, а совсем другой народ, пришедший из северных степей: язык их из сванов понимали только 15 человек»². Пришельцы разгромили богатые общества Сал и Фаж в Западной Сванетии, истребив поголовно почти всех их жителей, но были остановлены объединившимися жителями Восточной Сванетии, после чего обратились на Мегрелию и Абхазию. Здесь они не стали истреблять жителей, а ограничились захватом добычи (включая красивых девушек), с которой через «абхазские проходы» ушли обратно на Северный Кавказ. Предание настолько соответствует предположительно реконструируемым нами историческим реалиям, что вопрос о простом совпадении вряд ли может стоять. Упоминание «абхазских проходов» заставляет вспомнить о сыгравшей зна-

¹ Воронов Ю.Н. Ещё раз о раннесредневековых перевальных путях через Западный Кавказ // XVII «Крупновские чтения» по археологии Северного Кавказа (тезисы докладов). Майкоп, 1992, с. 69.

² Деген-Ковалевский Б.Е. К истории железного производства Закавказья. По материалам раскопок Чуберской железоплавильни – В. Свания // ИГАИМК. Вып. 120. Из истории древней металлургии Кавказа. М. – Л., 1935, с. 319–325.

чительную роль в раннем средневековье «абхазской дороге», проходившей через Марухский перевал.

В этой связи вспомним об упоминаемом Эсхилом в «Прикованном Прометее» пути, по которому предстоит пройти Ио. При этом путь Ио у того же Эсхила в драме «Просительницы» проходил через Фракийский Боспор. В «Прикованном Прометее» Эсхил счел возможным проложить его через Кавказ и Киммерийский Боспор («пролив Меотиды»), зная этимологию названия «Боспор» как «коровьей переправы». Автор (В.Н. Ярхо) современных комментариев к Эсхилу¹, опираясь на трактовку античным автором пути Ио как дороги из Европы в Азию, предполагает направленность этого маршрута с севера на юг, размещая, следуя данной логике, халибов в северной Скифии, а Кавказ – севернее или северо-западнее Черного моря. В этом случае географическая информация, содержащаяся в драме Эсхила, теряет всякий смысл. По нашему мнению, нет никаких оснований предполагать у Эсхила столь слабые познания в географии. Скорее всего, описание реального сухопутного маршрута через Кавказ, с юго-запада на север, от земель причерноморских халибов к Боспору Киммерийскому (Керченскому проливу), заимствованное у одного из ранних греческих географов², было поэтически обработано и вставлено в текст драмы. Небольшая путаница возникла у античного автора лишь с границами между Европой и Азией.

Это свидетельство Эсхила, на которое в свое время обратил внимание И.С. Каменецкий³, указывает на наличие древнего торгового пути, проходящего через перевалы Главного Кавказского хребта. Вероятно, это и в самом деле вошедший в драматическое произведение пересказ древнего периегеа. Берегом Черного моря, оставляя слева землю халибов, путь ведет к «Яростной реке» (реке «Буйной», «Обиде», «Громотухе»), переправа через которую затруднительна. Дорога

¹ Эсхил. Трагедии в переводе Вячеслава Иванова. М., 1989, с. 549, 550.

² Обратим внимание на помещение Эсхилом (709–715) скифов в районе Западного Закавказья, южнее побережья Черного моря и земли халибов. Вероятно, здесь мы сталкиваемся с отголоском того исторического периода, когда скифы находились в Передней Азии. То есть данный источник Эсхила относится к VII в. до н.э.

³ Каменецкий И.С. Меоты и греческая колонизация // Местные этно-политические объединения Причерноморья в VII–IV вв. до н.э. Материалы IV Всесоюзного симпозиума по древней истории Причерноморья. Цхалтубо-Вани, 1985. Тбилиси, 1988, с. 84.

идет вдоль течения этой реки, доходя до её истоков и вершин Главного Кавказского хребта, и через перевал приводит в страну амазонок, а оттуда ведет к Киммерийскому перешейку и Меотиде (712–735). Очевидно, что, несмотря на мнение авторов древних схолий к Эсхилу, под рекой Буйной следует подразумевать не Аракс, а Риони, Ингур или Кодор.

Торговый путь, связывающий Колхиду и Центральный Кавказ в направлении юго-запад – северо-восток, шел, по нашему мнению, по ущелью реки Галидзга (мимо изучаемого нами в последние годы Джантухского могильника), далее, через небольшой перевал Ходжал (Ченчели), переходил в ущелье реки Ларакваква (приток Ингури), а затем – реки Ингури. Вдоль реки Ингури, несколько севернее её, шла хорошо известная и интенсивно используемая до недавнего времени дорога. Здесь маршрут разветвлялся: одно его ответвление по ущелью реки Ненскра выводило к перевалам Баса-Чубери (Джибер) и Чаперазау (Чипер), а далее приводило, соответственно, к верховьям Кубани и Баксана, другое – по ущелью реки Накра – вело к перевалу Донгуз-Орунбаши и приводило в Баксанское ущелье, куда можно было перейти также перевалами Бечо, Джан-Туган и Гарваш, третье – перевалами Местиа, Лехзырским, Твибер и Китлод – выходило в ущелье Чегема, четвертое – через перевал Цаннер – позволяло выйти в ущелье Череха Безенгийского. Наконец, двигаясь на восток вдоль Главного Кавказского хребта с верховьев Ингури перевалом Загар, не составляло труда перейти на верховья Цхенисцкали, далее перевалы Вацицвера и Сасвано вели в верховья Риони. Оттуда перевалами Шариавцаг (Шаривцек) и Гезевцек можно было перейти на верховья Череха Балкарского, перевалы Гебеафцаг и Гурдзиафцаг вели в Дигорское ущелье, а Мамисонский перевал позволял выйти в Алагирское ущелье. Вплоть до недавнего прошлого наиболее удобными на Главном Кавказском хребте считались перевалы Баса-Чубери, Донгуз-Орунбаши, Твибер, Шариавцаг, Гурдзиафцаг, Мамисонский. Нельзя исключать и маршрутов, начинавшихся в Кодорском ущелье (Абхазия), выводивших далее через перевалы Клухорский и Нахар в верховья Теберды и Учкулана, или же позволяющих через перевал Хидар перейти в ущелья Ненскры и Ингури. Впрочем, археологический материал, свидетельствующий о бытовании в эпоху

раннего железного века торгового пути Кодор – Теберда и Учкулан – Кубань, пока сравнительно немногочислен.

На наш взгляд, сводить характер контактов между племенами Западного Закавказья и Центрального Кавказа к торговым связям было бы упрощением. Торговля продукцией скотоводства и земледелия, рабами, солью и т.д., безусловно, имела место. Археологический материал позволяет предполагать также миграции отдельных групп населения. В некоторых случаях появление серий предметов, выполненных в подражание чужеродным образцам, можно объяснять существованием моды. При этом по обе стороны Главного Кавказского хребта в довольно значительном количестве встречаются являющиеся безусловным импортом предметы, как правило, имеющие не утилитарный, а церемониальный или парадный характер. Вряд ли можно предполагать, торговлю, к примеру, орнаментированными топорами или зооморфной пластикой. Вероятно, появление таких предметов в памятниках местного населения связано с существовавшей здесь в древности системой обмена дарами, напоминающей изученный в свое время Б. Малиновским институт «кула», аналоги которого были проанализированы М. Моссом¹.

Находки предметов, происходящих из Бзыбской Абхазии или Центральной Колхиды, в археологических памятниках Черноморского побережья Кавказа от Сочи до Анапы подтверждают сведения античных авторов о пиратстве племен, проживавших в то время между современными Сочи и Новороссийском. Так, в «Политике» Аристотеля говорится о склонности гениохов и ахейцев к убийству и людоедству (VIII, III, 4). Согласно Страбону (XI, II, 12), ахейцы, зиги и гениохи «обрабатывая скудную землю» «живут морским разбоем»; снаряжая флотилии «камар» и «нападая то на купеческие корабли, то даже на какую-нибудь страну или город, они господствовали на море» и занимались работорговлей. Аппиан в «Митридатовых войнах» (102) отмечает, что ахейцы всех эллинов, которых брали в плен, убивали «по обычаю скифов, - сначала в гневе, всех, с течением же времени только самых красивых из них, а потом тех, на кого падет жребий». Овидий в «Посланиях с Понта» (IV, 10) также рисует непри-

¹ Малиновский Б. Избранное: Аргонавты западной части Тихого океана. М., 2004; Мосс М. Очерк о даре // Мосс М. Общества. Обмен. Личность: Труды по социальной антропологии. М., 1996.

влекательный образ гениехов и ахейцев: «Какой бы лай ни подняли чудовища из обрубленного паха Сциллы, все же гениеховские корабли причинили морякам больше вреда. Ты не можешь сравнить и Харибду с враждебными ахейцами, хотя она трижды изрыгает трижды выпитую морскую воду. Хотя [эти племена] свободнее плавают в правой части [Понта], и эта сторона небезопасна от них».

Греческая колонизация Восточного Причерноморья

Важной вехой, во многом определившей дальнейшее развитие региона, стала греческая колонизация. Как правило, и не без оснований, выделяется доколониционный период в контактах местного населения с древними греками. Рассуждая о нем большинство исследователей, к сожалению, опирается не на археологические находки, а на хорошо известный миф об аргонавтах, посетивших, якобы, Колхиду с целью возвращения золотого руна. Самое удивительное, что эллинистическая поэма III в. до н.э. Аполлония Родосского «Аргонавтика» используется при этом для реконструкции социальной истории колхов конца II – начала I тыс. до н.э. Мифические события¹ реконструируются настолько уверенно, что Ясон и Медея становятся реальными историческими личностями, а поход аргонавтов получает достаточно твердую дату – до 40-х или 30-х гг. XIII в. до н.э., «за поколение до Троянской войны», XIII–XII вв. до н.э., рубеж XIII–XIV вв. до н. э. Таким образом, появление греков на берегах Колхиды значительная часть исследователей (в первую очередь, грузинских) относит к микенской эпохе, то есть к позднеэлладскому III периоду². Излишне, видимо, говорить, что никаких археологических

¹ Подробнее см. Андреев Ю.В. Поэзия мифа и проза истории. Л., 1990, с. 144–176.

² И если подобная «доверчивость» по отношению к мифу и стремление датировать мифические события простительны для любителей (см., к примеру: Войнович П. Бессоница. Гомер. Тугие паруса (Исследование мифа о золотом руне). М., 2008), то от профессиональных историков хочется ждать профессионального подхода, предполагающего историзм, а не слепое следование мифологическому или просто фольклорному сюжету (см., в частности, Федорова Е.В., Мифы и реальность Древней Греции. М., 2005, с. 281 и далее; Пospelов Д.В. К вопросу о начале греческой колонизации Черного моря // Вопросы подводной археологии. М., 2011, с. 67–73). Подобные подходы, позволяющие признать реальное существование и златоурунного барана, переносающего героев из Беотии в Колхиду, ничем не отличаются от подходов того же Страбона, ищущего реальную основу в мифе о золотом руне (XI, II, 19). Как в свое время говорил Ю.В. Андреев (1990, с. 106), то, что было простительно

свидетельств столь раннего знакомства греков с Колхидой не обнаружено. Кратко проанализировав доступные материалы, А.И. Иванчик пришел к выводу, с которым нельзя не согласиться: «по прежнему нет достаточных оснований для предположений о существовании регулярных связей между микенскими греками и побережьями Черного моря...»¹. Конечно, можно уповать на то, что со временем, во время новых археологических исследований, такие основания будут обнаружены, но здесь мы вступаем уже в сферу фантазий, не имеющих ничего общего с фактами и наукой.

Как обосновано исследователями², в песнях X–XII гомеровской «Одиссеи» используется материал более древней эпической поэмы об аргонавтах, при этом часть географических (или мифологических) реалий (Планкты, Симплегады, остров Кирки, страна лестригонов, источник Артакия) приурочена к востоку, то есть к Черному морю, которое отождествлялось с Океаном. В «Одиссее» упоминается корабль «Арго», а в «Илиаде» – Ясон. Вроде бы, Колхиду как цель путешествия аргонавтов впервые называет Евмел Коринфский (конец VIII – начало VII вв. до н.э.), но поэмы, известные под его именем, были записаны только во второй половине VI в. до н.э. и содержат значительное количество поздней информации³. Первое упоминание Колхиды в связи с аргонавтами следует поэтому связывать с Эпименидом Критским (вероятно, последняя треть VII в. до н. э.), но этот автор, очевидно, являлся уже современником греческой колонизации Причерноморья. Как отмечает А.И. Иванчик, «наиболее вероятно, что отождествление мифической Эи с Колхидой, общепринятое в позднее время, является одним из ... поздних элементов»⁴.

для Шлимана, «оставшегося, как бы то ни было, дилетантом в науке, едва ли можно простить современному историку или археологу, приступающим к решению тех же вопросов, казалось бы, во всеоружии новейших методов исследования древнейших памятников человеческой культуры, будь то эпическая поэма или же заброшенное городище, но тут же сворачивающих на проторенный ещё античными историками путь наивно-рационалистического истолкования мифа или легенды».

¹ Иванчик Аскольд И. Ук. соч, с. 107.

² Иванчик Аскольд И. Ук. соч, с. 59-63, 82-85.

³ Там же, с. 63, 83.

⁴ Там же; Джаксон Т.Н., Калинина Т.М., Коновалова И.Г., Подосинов А.В. «Русская река»: Речные пути Восточной Европы в античной и средневековой географии. М., 2007, с. 20.

А.И. Иванчик ошибается¹, говоря об упоминании Колхиды в связи с аргонавтами в «Каталоге женщин» Гесиода (фр. 241). Здесь нет упоминания Колхиды и, как и в «Теогонии» (340) говорится лишь о реке Фасис, которая первоначально локализовалась на севере, возможно, отождествлялась с Доном², и лишь затем была связана с р. Риони.

Мы также не можем согласиться с А.И. Иванчиком, связывающим отождествление мифической Эи и Колхиды со временем, не позднее второй половины VIII в. до н. э., так как позже, якобы, она была разрушена киммерийцами³. Это утверждение основано на излишнем доверии к чисто гипотетическим построениям некоторых исследователей (Т.К. Микеладзе⁴ и др.), абсолютно не подкрепленным фактами. На самом деле, у нас нет никакой внятной информации, тем более, «данных археологии», как о существовании государства (а не объединения племен) Кулха, так и о его разрушении киммерийцами. Поэтому не исключено, что Эпименид Критский и его современники первыми отождествили Эю (первоначально помещаемую в Океане) с Колхидой, сразу приурочив её к восточному побережью Черного моря, где её и размещала античная традиция в дальнейшем. Но итоговый вывод А.И. Иванчика не вызывает сомнений: «миф об аргонавтах не может использоваться как аргумент в пользу существования древних контактов между Эгеидой и Кавказом. Эя древнейших версий аргонавтик не локализовалась на Кавказе»⁵.

Абсолютно убедительно обосновано, что «Эя первоначально мыслилась как страна на берегу Океана или остров в Океане»⁶. Согласно одной из гипотез, «первоначально цель похода аргонавтов находилась гораздо ближе к Греции, может быть где-то на фракийском или малоазиатском побережье Понта»⁷, согласно другой – земля Ээта древних свидетельств была на севере Адриатики⁸. Опять же,

¹ Иванчик Аскольд И. Ук. соч, с. 63.

² Джаксон Т.Н. и др. Ук. соч, с. 34.

³ Иванчик Аскольд И. Ук. соч, с. 63.

⁴ Микеладзе Т.К. Исследования по истории древнейшего населения Колхиды и Юго-Восточного Причерноморья. Тбилиси, 1974, с. 186–191.

⁵ Иванчик А.И. Ук. соч, с. 84.

⁶ Там же, с. 82.

⁷ Андреев Ю.В. Поэзия мифа и проза истории. Л., 1990, с. 148.

⁸ Грейвс Р. Мифы древней Греции. М. 1992, с. 433, 434, 450.

можно согласиться с выводом о том, что локализации мифической Эи «отражают расширение греческого географического кругозора. Эта страна оказывалась каждый раз локализованной в самой удаленной точке известного мира»¹. Отметим также убедительно отмеченные параллели между Эей аргонавтик и «миром мертвых», Ясоном и образом колдун-шамана и т.д.².

На самом деле, следы первых путешествий гомеровских греков к берегам современной Абхазии крайне немногочисленны. На сегодняшний день они ограничиваются находками нескольких фибул конца геометрической – начала архаической эпохи (VIII в. до н.э.) в селениях Новый Афон, Псырцха, Абгархук³. Наиболее ранние находки греческой керамики в Северо-Западном Закавказье, относящиеся, вроде бы, к концу VII в. до н.э., встречены на Красномаяцком поселении на территории современного Сухума⁴. Впрочем, так как материалы Красномаяцкого поселения остаются практически неопубликованными, эта дата, очевидно, нуждается в уточнении. К этому же времени, концу VII – началу VI вв. до н.э., относятся находки греческой керамики в Батумской крепости⁵.

Следует отметить, что и для других колонизуемых греками регионов прослеживается период доколониционной торговли. Так, эгейская продукция среднего геометрического II периода (ок. 800 – ок. 750 гг. до н.э.) встречается в Этрурии, Кампании и Сицилии, но при многолетних исследованиях греческих колоний на территории

¹ Иванчик Аскольд И. Ук. соч, с. 83.

² Андреев Ю.В. Ук. соч, с. 160–170; Иванчик А.И. Ук. соч, с. 82, прим. 76.

³ Скаков А.Ю. Фибулы древней Колхиды: происхождение, типология, хронология // *Revista Arheologică* (Археологический журнал). Serie noua. Vol. IV. nr. 2. Chişinău. (Кишинев), 2008, с. 80; Сулава Н. Фибулы в Колхидской и Кобанской культурах: ареальная дистрибуция и хронология // Международная научная конференция «Археология, этнология, фольклористика Кавказа». Сборник кратких содержаний докладов. Тбилиси, 25–27 июня 2009 года. Тбилиси, 2010, с. 267.

⁴ Воронов Ю.Н. Археологическая карта Абхазии. Сухуми, 1969, с. 50; Воронов Ю.Н. Рецензия на Онайко Н.А. Архаический Торик. Античный город на северо-востоке Понта. М., 1980 // СА. 1984. № 2, с. 262.

⁵ Кахидзе А.Ю., Хухутайшвили Д.А. Материалы древней истории Батуми // Памятники Юго-Западной Грузии, XVIII. Тбилиси, 1989, с. 126; Высокий М.Ф. Греческая колонизация Восточного Причерноморья: итоги и перспективы исследования // Проблемы истории, филологии, культуры. Вып. XIV. Москва – Магнитогорск, 2004, с. 401.

Италии не обнаружен материал ранее позднего геометрического I периода (ок. 750 – 725 гг. до н.э.)¹. О начале греческой колонизации побережья Абхазии мы можем относительно уверенно говорить применительно к первой половине VI в. до н.э., учитывая находки античной керамики этого времени в слоях Гюэноса (Очамчир) и Эшерского городища, а также поселения местного населения на Холме Верещагина². К середине VI в. до н.э. вроде бы (если верить публикаторам) относятся единичные фрагменты импортной греческой керамики из расположенного относительно далеко от моря в горной части Абхазии могильника Джантух³.

Во второй половине VII – первой половине VI вв. до н.э. (своего рода «смутное время») материальная культура региона сильно меняется. Сложившаяся в VI в. до н.э. местная культура настолько значительно отличалась от своей предшественницы, как по погребальному обряду, так и по керамике, оружию, украшениям, что есть все основания трактовать её не как хронологический этап, а как новую культуру, хотя и генетически связанную с более ранними памятниками. Причиной кардинальных изменений стал целый ряд факторов: затронувшие Колхиду и имевшие, вероятно, разрушительные последствия неоднократные «походы» ранних кочевников – исторических киммерийцев и скифов, демографический кризис (часть населения, вероятно, уходит вместе с пришельцами, часть – погибает, в результате в середине – второй половине VII в. до н.э. на территории современной Абхазии сокращается число могильников и поселений), начало греческой колонизации. Для второй половины VII – первой половины VI вв. до н.э. в регионе зафиксировано заметно меньше погребальных памятников, чем для более ранней эпохи. Таким образом,

¹ Грэхэм А.-Дж. Колониальная экспансия Греции // Кембриджская история древнего мира. Том III. Часть 3. Расширение греческого мира. VIII – VI века до н.э. М., 2007, с. 117.

² Джопуа А.И., Ксенофонтова И.В., Эрлих В.Р., Шамба Г.К., 2004. Новые находки архаической греческой керамики из района Диоскурии // Боспорский феномен: проблемы хронологии и датировки памятников. Материалы международной научной конференции. Часть II. СПб., с. 51–56; Шамба Г.К., Эрлих В.Р., Джопуа А.И., Ксенофонтова И.В. Исследование Эшерского городища в Абхазии в 2003 г. // Абхазоведение. История. Этнология. Археология. Вып. III. Сухум, 2004, с. 60–74.

³ Кобахия Б.С., Шамба Г.К., Шамба С.М. Раскопки и разведки в Сухуми, Эшера и Ткварчели // Археологические открытия 1983 года в Абхазии. Тбилиси, 1987, с. 17.

греческие пришельцы увидели в некоторой степени опустевшие земли, что облегчило процесс колонизации.

На территории современной Абхазии находились, по меньшей мере, три греческих города, хорошо известных в античном мире. Это Диоскурия (Диоскуриада), Гиенос (Гиен, Гюэнос, Гиэнос) и Питиунт. Споры, периодически возникающие по поводу характера данных поселений, времени их основания, соотношения в них местного и греческого населения, обусловлены слабой археологической изученностью этих памятников. «Великий Питиунт» впервые упоминается Страбоном (XI, II, 14), ссылающимся на Артемидора Эфесского (II в. до н.э.), но при начавшихся в 1952 г. раскопках найдены лишь слои II–VI вв. н.э., и только единичные находки относятся к II–I вв. до н.э.¹. Вероятно, отсутствие эллинистических слоев связано с переносом Питиунта после его разорения гениохами, о котором упоминает Плиний Старший (VI, 16). Предположительно, это разорение «богатейшего города» произошло в первой половине I в. н.э.². Очевидно, город предшествующего периода до сих пор не найден археологами.

Гиенос, возникший, судя по археологическому материалу, не позднее первой половины VI в. до н.э.³, исследовался лишь эпизодически, а его большая часть уничтожена при строительстве Очамчирского порта. Неоднократно отмечалось, что Псевдо-Скилак Кариандский, хорошо отличающий «полис», «греческий полис», «греческий акрополь», «большой варварский полис» и «гавань»⁴, называет Гиенос, как и Фанагорию, Кепы, Синдскую Гавань, Патунт, Торик, Фасис, «греческим полисом» (81), а Диоскурию – просто «полисом». Предполагается также, что именно Гиенос Помпоний Мела в своем «Землеописании» называет Кикном, т. е. «Лебедем» (I, 110): «В начале берегового изгиба находится город, который, как рассказывают, основали греческие торговцы, назвавшие его Кикном, потому что, когда буря носила их во тьме [по морю] и они не знали, где находят-

¹ Апакидзе Андриа. «Великий Питиунт». Археологические раскопки в Пицунде // Великий Питиунт. Том III. Тбилиси, 1978, с. 16, 93.

² Подосинов А.В., Скржинская М.В. Ук. соч, с. 317, 318.

³ Шамба С.М. Гюэнос-I. Тбилиси, 1988, с. 50, 63, 64.

⁴ Об этом см. подробнее: Каухчишвили Т.С. Письменные источники по вопросу «колонизации» Восточного Причерноморья // Проблемы греческой колонизации Северного и Восточного Причерноморья. Материалы I Всесоюзного симпозиума по древней истории Причерноморья. Цхалтубо – 1977. Тбилиси, 1979, с. 296 и далее.

ся земля, крик лебедя подал им знак»¹. Следуя логике текста, Кикн находится относительно недалеко от Фасиса, а за ним, при движении против часового круга, следуют меланхлены, тореты, «шесть Колик», кораксы, фтирофаги (!), гениохи, ахеи, керкеты, синды. В принципе, последовательность перечисления племен, за незначительным исключением, в этом тексте соблюдена, следовательно, соотносению Кикна с Гиеносом ничего не мешает². Аргументы М.П. Инадзе, размещающей Кикн ближе к Фасису, в пределах Рионской низменности, вряд ли можно считать убедительными, её ссылка на Плиния Старшего не решает ситуации³. Плиний Старший называет город Кигн два раза в одном и том же регионе, что само по себе свидетельствует о путанице в источниках. Первый раз Кигн оказывается у него вместе с Тиндаридой (возможно, Диоскуриада) на берегах Фасиса, причем оговаривается, что в настоящее время этих городов уже не существует (VI, 13), второй раз (VI, 14) географ помещает его за апсилами, Себастополисом и санигами, но до гениохов и Колики, то есть на морском побережье северо-западнее современного Сухума. Обе локализации, скорее всего, основаны исключительно на стремлении автора примирить основательно перепутанные источники. При анализе данных Плиния по соседним регионам Причерноморья уже отмечалось, что «многочисленные случаи противоречий и несоответствий ... заставляют осторожно относиться к его данным»⁴. Предполагается, что с Гиеносом связаны и упоминаемые Стефаном Византийским «города колхов» Пиенида и Тиенида, впрочем, напомним, что Плиний Старший недалеко от Кигна называет «реку и город Пеней», то есть, скорее всего, Питиунт (VI, 14). Не исключено, что все эти названия все же могут быть связаны между собой, впрочем, рассуждения на этом поле лучше оставить филологам.

На территории современного Сухума, где большинство ученых помещает основанную жителями Милета (не позднее 520-х гг. до н.э.) Диоскурию, четко выраженных слоев не только архаического,

¹ Подосинов А.В., Скржинская М.В. Ук. соч, с. 49.

² Локализация Кикна на Эшерском городище или, тем более, в Пичвнари, не кажется нам убедительной (см. Подосинов А.В., Скржинская М.В. Римские географические источники: Помпоний Мела и Плиний Старший. Тексты. Перевод. Комментарий. М., 2011, с. 91, прим. 120).

³ Инадзе М.П. Причерноморские города древней Колхиды. Тбилиси, 1968, с. 124.

⁴ Каменецкий И.С. 2011, с. 173.

но и классического периодов при ведущихся там многолетних раскопках не обнаружено. Крайне сомнительно, что весь древний город уничтожен наступающим морем или погребен на дне Сухумской бухты. Тем более что римские и византийские остатки бесспорно находившегося здесь Себастополиса сохранились относительно неплохо. По расчетам Ю.Н. Воронова, «ширина полосы, отнятой за последние 2 тыс. лет морским прибоем у суши, не превышает 100 м»¹. Трудно себе представить, что размеры античного полиса, обладающего значительной по своим размерам хорой², составляли в ширину всего лишь 100 или чуть более метров.

Единственным косвенным указанием на наличие древнего города в Сухумской бухте является находка знаменитой надгробной стелы в устье реки Беслетки³. Впрочем, не исключено, что погребение со стелой находилось на одном из некрополей хоры древней Диоскуриады, которая, судя по распространению археологических находок, занимала достаточно значительную территорию. Недаром Дионисий Перизетет, опирающийся на ранние источники, говорит о стране тиндаридов, то есть, скорее всего, жителей Диоскуриады. Другое столь же косвенное указание – находка в кладке раннесредневековой стены фрагмента резного киматия (карниза) храмовой постройки, датированного III-II вв. до н.э.⁴ И, опять же, храм этого времени вполне мог находиться на хоре античного города, а не в его центральной части.

По нашему предположению, в какой-то исторический период, возможно, с конца IV в. до н.э., «акрополь» древней Диоскуриады находился на месте Эшерского городища. Раскопки, начатые в 1967 г., с несомненностью указывают, что Эшерское городище представляет собой остатки крупного поселения, возникшего, судя по находкам импортной керамики, в первой половине VI в. до н.э. По мнению исследователей памятника, «в архаический период это могла быть усадьба представителя местной знати..., который состоял в тор-

¹ Воронов Ю.Н. Диоскуриада-Себастополис-Цхум. М., 1980, с. 25.

² В частности см. Сапрыкин С.Ю. Греческие полисы Причерноморья (эпоха архаики и ранней классики) // Античный полис. Курс лекций. М., 2010, с. 83–85.

³ Трапш М.М. Труды. Том II. Древний Сухум, с. 227, 229. Рис. 42.

⁴ Воронов Ю.Н. Абхазская Атлантида. Сухум, 2010, с. 26. Рис. 7.

говых или обменных отношениях с греками»¹. Вполне возможно, что «Эшерское городище в VI в. до н.э. является хорионом (усадебой, входившей в сельскую округу Древней Диоскуриады)»². Но уже в IV в. до н.э. «памятник представляет собой поселение городского типа, где ведется монументальное строительство и проживает греческое население»³. Мы видим здесь мощные оборонительные сооружения, общественное здание, водопровод, сравнительно многочисленные архитектурные детали (капитель, обломки сложнопрофилированных карнизов, фрагменты колонн, кровельный материал)⁴, наконец, надпись конца IV – начала III вв. до н.э. на бронзовой плите, исполненную на «безукоризненном греческом языке» и прямо говорящую о полисе⁵. Это, безусловно, признаки уже не «хориона», по крайней мере, хорионы с такими особенностями в Причерноморье нам неизвестны. Таким образом, в эпоху эллинизма на месте Эшерского городища находился город с греческим населением. В то же время, ни о каком городе в столь непосредственной близости от Диоскуриады (принимая версию о её местонахождении в центре современного Сухума) античные источники не сообщают. Не исключено, что после разрушения Эшерского городища в I в. до н.э. город был перенесен на хору Диоскуриады, в центр современного Сухума, где к тому времени уже существовало значительное поселение. Другой вопрос – где находилась основанная в VI в. до н.э. выходцами из Милета Диоскуриада до конца IV в. до н.э. Перенос античного города на новое место, пусть и в пределах своей хоры – явление достаточно распространенное.

У Плиния Старшего, как известно, упоминаются и Диоскуриада (VI, 15–16), и Себастополь (VI, 14, 16), но это противоречие, свойственное данному автору, объясняется, скорее всего, наличием двух

¹ Правда, на соседней странице тот же автор предполагает нахождение здесь в данный период «торговой фактории, через которую осуществлялся обмен» (Джопуа, 2009, с. 19).

² Там же, с. 4 (От издателей).

³ Джопуа А.И. Центральная Абхазия в I тысячелетии до н.э. по археологическим памятникам села Эшера (Абхазия). Автореферат дис. ... к.и.н. М., 2009, с. 20.

⁴ Воронов Ю.Н. Об Эшерском городище // СА. 1972. № 1, с. 104, 114–116, Рис. 3, 33, 35.

⁵ Каухчишвили Т.С. Греческая надпись Эшерского городища // Источниковедческие разыскания. 1982. Тбилиси, 1985; Виноградов Ю.Г. Бронзовая плита с надписью из Вани // ВДИ. 1995. № 3, с. 66–70.

разновременных источников. А учитывая наличие ещё и города Тиндарида (тиндаридами иногда называли сыновей Тиндарея Диоскуров) на берегу Фасиса, близ Кигна (VI, 13), количество источников, упоминающих Диоскурию – Себастиополис и использованных Плинием Старшим, может быть увеличено до трех. Аналогичную ситуацию у Плиния Старшего мы видим и с Питиунтом – Питиусом, который упоминается то как Пеній (находится на одноименной реке между Себастиополем, санигами и Кигном, с одной стороны, и гениохами, с другой) (VI, 14), то как Питиус (VI, 16). Очевидно, здесь мы опять имеем дело с использованием этим автором двух источников.

Основанный милетянами во главе с Фемистагором Милетским Фасис уверенно локализуется в районе современного Поты, хотя остатки древнего города до сих пор не найдены. Фасис упоминается и в греческой надписи на серебряной фиале, найденной в Зубовском кургане, выполненной на ионийском диалекте в V–IV вв. до н.э. Существует предположение о неоднократном переносе древнего Фасиса. Скорее всего (Фр. Дюбуа де Монпере, С.Н. Джанашиа, И.А. Джавахишвили), Фасис находился на левом берегу р. Риони, восточнее Поты. Единственным указанием на нахождение Фасиса на правом берегу Риони является свидетельство Псевдо-Арриана. Археологически изучены лишь раннеантичные и эллинистические поселения¹. Н.Ю. Ломоури отождествлял с древним Фасисом окруженную болотом крепость «Наджихури», находящуюся между рекой Риони, озером Палеостоми и каналом Недаарти². Можно допустить, что, действительно, как предполагает М.Ф. Высокий, «римские крепости и формировавшиеся вокруг них поселения располагались несколько в стороне от старого греческого города»³.

Отсутствие следов греческого полиса (а именно о полисе говорят источники, и не только аристотелевская «Полития фасиан», дошедшая в пересказе Гераклида) затрудняет любые попытки реконструировать его историю. Отметим лишь, что источники не дают абсолютно никаких оснований для предположения о том, что «в существую-

¹ Качаравა Д.Д., Квирквелия Г.Т. Города и поселения Причерноморья античной эпохи. Малый энциклопедический справочник. Тбилиси. 1991, с. 289, 293.

² Ломоури Н.Ю. Из исторической географии древней Колхиды // ВДИ. 1957. № 4, с. 99.

³ Высокий М.Ф. Ук. соч, с. 403.

щем поселении, городе (Фасисе), поселились милетяне»¹. В данном Помпонием Мелой описании «самого острого угла Понта» говорится лишь: «Здесь живут колхи, сюда изливается р. Фасис, тут же находится соименный реке город, основанный Фемистагором Милетским, тут же храм и роща Фрикса, прославленная древним сказанием о золотом руне» (1, 108). Как видим, ничего о предшествующем поселении здесь не говорится и ничего не подкрепляет сделанный на основании этого текста (причем, в используемом этом авторе переводе) вывод Т.С. Каухчишвили: «Следовательно, автор знает о том, что названное им поселение известно ещё с времен похода аргонавтов, где впоследствии милетянин Фемистагор «основал» город. Получается так, что известное, т.е. уже основанное, основывают еще раз»². Поражает стремление увидеть в источнике то, что очень хочется увидеть!

Несмотря на культурное воздействие со стороны греческого полиса, культура местных племен в V-IV вв. до н. э. сохраняла свою самобытность. Заметим, что, в целом, уровень знаний греков о Колхиде и, тем более, об её внутренних районах, был невысок. Неслучайным в этой связи выглядит и весьма незначительное количество находок в Колхиде монетных импортов классического и эллинистического периодов. Вплоть до походов Помпея внутренние районы Западного и Центрального Закавказья оставались *terra incognita* для античных купцов и географов.

Только не ранее V-IV вв. до н.э., можно проследить, опираясь на археологический материал, начало процесса интенсивного социального расслоения среди древних жителей Абхазии. Для более раннего периода мы видим однородное в социальном и имущественном плане общество, в котором каждый взрослый мужчина являлся воином, а община состояла из равноправных малых семей. И только после начала греческой колонизации и, возможно, не без влияния античного социума, появляются погребения вождей, резко отличные от погребений рядовых общинников. К этому же времени относятся и первые достоверные сведения о возникновении в Западном Закавказье царской власти. Так, в 401-400 гг. до н.э., стратеги-спутники Ксенофонта собирались «плыть к Фазису и захватить страну фазиян.

¹ Каухчишвили Т.С. 1979, с. 298.

² Там же.

Там царствовал тогда потомок Аэта» (VI, 36–37). Значительно позже, согласно источникам, царская власть утверждается у племен, занимающих побережье Черного моря между современными Новороссийском и Адлером. Страбон, напомним, упоминает четырех царей гениохов и подвластных своим царям или тиранам «скептухов» у ахейцев и зигов (XI, II, 12–13). Такая же, судя по всему, достаточно слабая царская власть в сочетании с разделением страны на «скептухий», отмечается Страбоном у собственно колхов. По сообщению Геродота, колхи и их северные соседи были данниками персов (III, 97), а Страбон говорит об их вхождении в державу Митридата Понтийского (XI, II, 18) и управлении «наместниками» или «правителями» царя. В 83 г. до н.э. колхи восстали против наместников и потребовали от Митридата назначения его сына царем Колхиды. Царство Митридата Филопатора-Филадельфа было недолгим, уже в 80 г. он был обвинен, возможно, не без оснований, отцом в сепаратистских стремлениях и казнен. Соаны Страбона управлялись царем и советом из 300 человек (XI, II, 19), то есть царская власть у них также была ограничена. Известны базилевс Ака (190-е – 180-е гг. до н.э.) и поставленный в 63 г. до н.э. Помпеем правителем Колхиды Аристарх (App., Mithr., 114), причем и тот и другой чеканили свою монету. Считающийся, вслед за Аппианом (117), скиптроносцем колхов Олтак, он же Олкаба, Олкабанта (Секст Юлий Фронтин), согласно Плутарху (Лук., 16), происходил из правителей жившего по берегам Метиды племени дандариев, то есть, очевидно, не являлся ни скифом, ни колхом. Несмотря на прямое указание Плутарха, некоторые исследователи продолжают считать Олтака колхом, делая вывод об имевшем место, якобы, сражении Помпея с «каким-то отдельным колхским династом»¹.

Впрочем, и в начале новой эры царская власть установилась не у всех племен Восточного Причерноморья. В частности, Арриан (15 (10 Н)) отмечает отсутствие царской власти у саннов.

Здесь мы не будем подробно вдаваться в дискуссионный вопрос о месте чеканки серебряных колхидок (конец VI – середина V вв. до н.э. – конец IV – начало III вв. до н.э.), столь многочисленных в Западном Закавказье. Часть исследователей, на наш взгляд, обоснован-

¹ Дреер Мартин. Помпей на Кавказе: Колхида, Иберия, Албания // ВДИ. 1994. № 1, с. 28.

но, местом их чеканки считает античный полис Фасис¹, часть – какие-либо центры Колхидского царства². В какой-то степени, обе эти гипотезы могут не противоречить друг другу. Не исключено, что в какой-либо период античный полис Фасис стал столицей полуварварского Колхидского царства. В таком случае было бы понятно, почему Ксенофонт считает правившего в это время потомка Аэта царем не колхов, а фасиан. Косвенным указанием на чеканку монет именно в Фасисе является наличие на некоторых колхидках, монете Аристарха и золотых подражаниях статерам Лисимаха изображения хорошо известной античным авторам фасианской богини³. Кроме того, и это неоднократно отмечалось исследователями, изображаемый на колхидках лев являлся символом Милета, выходцы из которого основали Фасис⁴.

Логично предположить, что на территории приморской части современной Абхазии царская власть возникла раньше, чем у более отсталых пиратских племен гористого побережья или у горцев-соанов. В этой связи обратим внимание на монеты базилевса Аки, имя которого полностью соответствует абхазскому названию г. Сухум – Акуа⁵. В отличие от Г.Ф. Дундуа⁶, это совпадение нам не кажется случайным. Напомним также, что Псевдо-Скилак Кариандский (81) Гиен и Фасис, в отличие от Диоскуриады, называет «городами эллинскими». Возможно, в какой-то момент Диоскуриада действительно перестала быть греческим полисом, став резиденцией варварского правителя. Традиция чеканки монеты в Диоскуриаде была продолжена при Митритате Понтийском.

События второй половины IV в. до н.э.

Во второй половине IV в. до н.э. на территории Абхазии происходят какие-то катастрофические события, связанные с проникновением сюда, скорее всего, через перевалы Главного Кавказского хреб-

¹ Дундуа Г.Ф. Ук. соч, с. 17-33.

² Капанадзе Д., Голенко К. К вопросу о происхождении колхидок // ВДИ. 1957. № 4; Лордкипанидзе Отар. Ук. соч, с. 250-255.

³ Дундуа Г.Ф. Ук. соч, с. 30-32.

⁴ Дундуа Г.Ф. Ук. соч, с. 19, 20.

⁵ Капанадзе Д.Г. О достоверности имени, выбитого на статере базилевса Аки // ВДИ. 1949. № 1, с. 164, 165.

⁶ Дундуа Г.Ф. Ук. соч, с. 98.

та, меотского воинского контингента из Прикубанья, прекращением жизни на городище Гюэнос, появлением конских жертвоприношений по меотскому обряду¹. В это же время, напомним, меняется, судя по имеющемуся археологическому материалу, местоположение Диоскуриады – город переносится на нынешнее Эшерское городище.

Любопытна локализация меотских комплексов и отдельных находок в Абхазии – подавляющее большинство из них сосредоточено в районе Сухуми, между Диоскуриадой и устьем реки Кодор (Гюэнос, Алексеевское ущелье, устье реки Келасури, Агудзера, Ахулбаа, замок Баграта, парк Н.Н. Смецкого, Хипста). Кроме того, меотские мечи найдены в погребениях Гуадику и Сухумской горы. Почти все эти пункты, кроме находящегося несколько южнее Гюэноса (г. Очамчира в Абжуйской Абхазии) и значительно севернее Хипсты (район Гудауты) сосредоточены в районе Сухуми, между Диоскуриадой и устьем реки Кодори. Во-первых, этот район находился в предшествующее время на стыке двух культур (бзыбской и ингурионской), в своего рода пограничной зоне. Во-вторых, именно сюда по Кодорскому ущелью выходит одна из основных дорог, связывающих через сравнительно легко проходимые перевалы Северо-западный Кавказ и Западное Закавказье. Не исключено, что именно через эти перевалы меотский воинский контингент проник на территорию Абхазии.

О каких-то крупных военных столкновениях говорится и во фрагментах надписи из Эшерского городища, относимой к концу IV – началу III вв. до н.э.². Возможно, на стабильность ситуации в регионе повлияли также действия боспорского царя Эвмела (310/309–304/303 гг. до н.э.), успешно боровшегося с пиратством гениохов и ахеев и поставившего своей целью покорение племен, населявших Черноморское побережье Кавказа. В это же время, отметим, прекращается и чеканка колхидок.

М.Ф. Высокий, в отличие от В.Р. Эрлиха³, не связывает появление конных отрядов из Прикубанья с запустением городища Гюэноса, обращая внимание на то, что «жизнь на городище прекращается, судя по археологическим данным, самое позднее – в начале IV в. до

¹ Эрлих В.Р. Меотское святилище в Абхазии // ВДИ. 2004. № 1.

² Высокий М.Ф. Ук. соч., с. 406, 418, 419.

³ Эрлих В.Р. Ук. соч., с. 171, 172.

н.э., в то время как захоронения конских черепов сам автор датирует второй половиной IV в. до н.э., так что разница между этими событиями – лет 40–50»¹. Кроме того, исследователь отмечает «отсутствие следов насильственного разрушения (пожара, пр.) на городище Гюэноса в указанную эпоху (начало IV в. до н.э.)»². Как представляется, оба автора не совсем правы. В начале IV в. до н.э. происходит запустение поселения только на изученным относительно недавно и относительно хорошо восточном холме. Как в свое время совершенно справедливо и осторожно оговаривал автор раскопок С.М. Шамба, «данное положение распространяется пока что лишь на восточный холм»³. Что же касается двух других холмов и поселения вокруг – там хорошо представлены материалы IV–III и даже III–I (особенно, к северу от западного холма) вв. до н.э.⁴ Во-вторых, во рву западного холма во время работ 1935–1936 гг. были засвидетельствованы следы сильного пожара, предположительно, вызванного нападением врага и имевшего место примерно в то время, о котором идет речь⁵. Речь идет о «мусоре пожарища, одновременно выброшенном с площадки в ров»⁶. Таким образом, имели место как разрушение города, так и запустение его части, причем эти события могли быть не одновременными. После этого город был восстановлен, хотя и, очевидно, в меньших размерах. Вполне логично было бы попытаться как-то связать эти события с появлением здесь воинского отряда из-за гор, с Прикубанья.

С чем же связано (кроме активности пиратов и борьбы с ними) осложнение ситуации в регионе и появление меотского воинского контингента на южных склонах Главного Кавказского хребта, в таком отдалении от родной для них Кубани? Наши работы (2006–2011) на Джантухском могильнике в горной части Восточной Абха-

¹ Высокий М.Ф. Ук. соч, с. 404.

² Там же.

³ Шамба С.М. Ук. соч, с. 64.

⁴ Качарава Д.Д. Город Гюэнос в античную эпоху. (К истории городов Восточного Причерноморья). Историко-археологическое исследование. Автореферат диссертации канд. ист. наук. Тбилиси. 1972. С. 15, 20, 21; Воронов Ю.Н. Гиенос // СА. 1976. № 4, с. 47–52. Рис. 2–5.

⁵ Качарава Д.Д. Ук. соч, с. 15.

⁶ Соловьев Л.Н. Энеолитическое селище у Очамчирского порта в Абхазии // Сборник материалов по истории Абхазии. I. Сухуми. 1939, с. 20.

зии позволяют ставить вопрос о выделении яркого и своеобразного локального варианта Ингури-Рионской колхидской культуры. К нему, кроме Джантухского некрополя (г. Ткуарчал), относятся могильники Шубара-2 (бассейн Гумисты) и Ларилари (Сванетия).

В позднеколхидский период, в VI–II вв. до н.э., преемственность погребального обряда прослеживается только на периферии Ингури-Рионской культуры, в горах и предгорьях. Именно здесь, о чем свидетельствуют могильники Джантух и Ларилари, формируется своеобразная материальная культура, в наибольшей степени связанная с кобано-колхидскими традициями. Обращает на себя внимание «пережиточный» облик ряда типов инвентаря, характерных для этих могильников. Таким образом, в горных районах Западного Закавказья сохраняются архаические черты как в погребальном обряде, так и в материальной культуре. Еще одна особенность этих могильников – наличие заметной группы предметов, связанной с культурой ранних кочевников.

Наличие как «кобанских», так и «колхидских» черт, а также предметов, связываемых с культурой ранних кочевников и античного импорта, объясняется местоположением могильника на древнем торговом пути, связывающем Колхиду и Центральный Кавказ по ущельям рек Галидзга, Лараквакв, Ингури, Накра¹ и получившем позднее название Мисимианского². Население, оставившее Джантухский могильник, обеспечивало функционирование важнейших для того времени торговых маршрутов, связывающих Западное Закавказье и Северный Кавказ. Учитывая все это, можно говорить о существовании в рамках позднеколхидской Ингури-Рионской культуры своеобразного Джантухско-Лариларского локального варианта. Вероятно, к данному варианту относятся также могильники Шубара-2 (бассейн Гумисты) и Усахело, в таком случае, очевидно, что племена, оставившие эти памятники, контролировали практически все перевальные пути между Колхидой и Северным Кавказом.

¹ Скаков А.Ю. 2007.

² Воронов Ю.Н. 1992, с. 69.

Г.К. Шамба, как уже отмечалось нами, связывал Джантухский могильник с племенем колов, а Шубару-2 – с племенем кораксов¹. При таком отождествлении опять же не учитывалось, что список этнонимов, приводимый Псевдо-Скилаком Кариандрским, представляет собой перипл, то есть описание побережья Черного моря и перечисление проживающих на нем племен. То есть искать в этом списке информацию о населении горных ущелий нет никаких оснований. Кроме того, перечисление живущих по берегам Понта племен у Псевдо-Скилака идет по часовому кругу, кораксы и область Колика упоминаются задолго до Диоскуриады и Гиэноса, отделенные от них племенами гелонов и меланхленов, соответственно, следуя логике текста, их можно локализовать в районе современного Лазаревского - Сочи. Ничем не противоречит этой локализации и упоминание кораксов и колов Гекатеем Милетским, также указывающим на их проживание рядом друг с другом.

Обратим внимание на упоминание Геродота (III, 97) о племенах, проживающих между колхами и Кавказским хребтом. Кроме того, Страбон говорит о племенах фтирофагов и соанов, живущих «над» колхами (XI, II, 14; XI, II, 19), о «народностях», живущих выше Диоскуриады (XI, II, 16). Соаны «господствуют над всеми народностями вокруг них, занимая вершины Кавказа, возвышающиеся над Диоскуриадой». По нашему мнению, именно с фтирофагами и соанами Страбона можно связывать племена Джантухско-Лариларского варианта. Соответственно, «могущество» соанов, о котором говорит Страбон, было обусловлено их господством над основными перевальными маршрутами через Главный Кавказский хребет.

Такая трактовка памятников типа Джантух и Ларилари позволяет предложить гипотезу, объясняющую появление на территории Абхазии во второй половине IV в. до н.э. меотских комплексов. Как предполагает М.Ф. Высокий, контингенты представителей меотской культуры выполняли функции пограничной охраны, будучи нанятыми на службу Диоскурией². Было бы логично допустить, что расширение зоны контроля населения, оставившего Джантухский могиль-

¹ Шамба Г.К. Освещение некоторых вопросов истории раннеабхазских племен в сборнике грузинских авторов («Разыскания по истории Абхазии/Грузия». Тб., 1999) // Вестник Академии наук Абхазии. № 1. Сухум, 2005.

² Высокий М.Ф. Ук. соч., с. 404, 405.

ник, на всю территорию горной части Северо-западного Закавказья (в частности, район Шубары в предшествующий исторический период относился к Бзыбской колхидской культуре, теперь же культурная принадлежность этого могильника меняется) и установление его господства над перевальными коммуникациями серьезно беспокоило как Диоскурию, так и местных правителей и, возможно, стало причиной прекращения жизни на восточном холме городища греческого полиса Гизноса в начале IV в. до н.э. Именно в связи с этим происходит приглашение на территорию современной Абхазии меотского воинского контингента, при том, что меотские племена Северо-западного Кавказа, бесспорно, сами были заинтересованы в бесперебойном функционировании перевальных коммуникаций. Отметим сразу, что данная гипотеза ни в коей мере не исключает более длительной истории взаимоотношений между древним населением центральной/северо-западной Колхиды и меотскими племенами, на что вполне справедливо обращает внимание В.Р. Эрлих¹. Именно наличие устойчивых коммуникаций между Северо-западным Кавказом и Западным Закавказьем могло побудить меотов отправить некий воинский контингент для защиты приморских поселений Колхиды. Опасное усиление племен Джантухско-Лариларского варианта объясняет и другой факт, уже привлекавший внимание исследователей: необычную для Западного Закавказья насыщенность оружием захоронений местного населения в районе современного Сухума (Эшера, Гуадику, Красный Маяк)². При этом, что также указывает на конфронтационный характер отношений между двумя группами древнего населения Абхазии, в многочисленных погребениях этого времени в районе современного Сухума полностью отсутствуют какие-либо предметы, связанные своим происхождением с Джантухско-Лариларским вариантом.

Этническая номенклатура региона в начале нашей эры.

В начале нашей эры этническая номенклатура региона у античных авторов кардинально меняется. Как отмечалось выше, Плиний в

¹ Эрлих В.Р. Узда Колхиды и Центральной Грузии античной эпохи: к проблеме выделения традиций // Археология и палеоантропология евразийских степей и сопредельных территорий. М., 2010, с. 101, 102.

² В частности, см. Сапрыкин С.Ю. Ук. соч, с.83, 84.

своем описании Западного Закавказья, вероятно, опирался на несколько разновременных источников. Согласно более ранним из них, на побережье находились область Колика, племена меланхленов, кораксов и город Диоскуриада, далее проживали ахейцы, марды, керкеты, сераки, тореты и синды (VI, 15–17). Как видим, часть этнонимов повторяет сведения Псевдо-Скилака Кариандского, но последовательность перечисления племен нарушена. Возникает впечатление, что здесь мы имеем дело с двумя периплами, причем в первом из них перечисление племен идет с северо-запада на юго-восток, заканчиваясь Диоскуриадой, а во втором, затрагивающем этническую номенклатуру лишь северо-восточной части побережья, напротив, с юго-востока на северо-запад. Первый источник фиксирует перемещение кораксов в район Диоскуриады. Именно с этим предполагаемым передвижением этнонима мы связываем получение современной рекой Кодор названия Корак¹. Показательно, что кораксы и меланхлены выступают при этом парой, а их названия имеют практически одинаковое значение. «Кораксы» – «черные как вороны», «меланхлены» – «люди в черных плащах».

Следуя другому источнику, Плиний перечисляет область Эгритику (Кегритику), племя абсиров, крепость Севастополь, племя санигов, нелокализуемые уверенно города Кигн и Пеней, племена гениохов, «различающиеся многими названиями» (VI, 14). В данном случае географом соблюдена правильная последовательность, а используемый им источник соответствует ситуации рубежа эр, вместо города Диоскуриады упоминается её преемник – крепость Севастополис. Появляются новые этнонимы, что, конечно, не означает смены населения в регионе. На территории современной Абхазии фиксируются два племенных, или скорее раннегосударственных образования – «племена» абсиров и санигов (санегов), граница между которыми проходила в районе Севастополиса. Санеги впервые упоминаются Мемноном (из XVI книги, LIV (2) в связи с событиями 70 г. до н.э., когда к ним бежали отчаявшиеся сторонники Митридата Понтийского из Синопы.

Племена и царства (вернее, раннегосударственные образования) Восточного Причерноморья, как указывает Иосиф Флавий (I в. н.э.) подчиняются Римской империи, хотя и сохраняют в большинстве

¹ Бутба В.Ф. Ук. соч, с. 82, 83.

случаев свою автономию («Иудейская война», II, 16, 4). В 131/132 гг., во время путешествия Арриана (15 (10 Н), 26 (18 Н), здесь, кроме римских крепостей в Апсаре, Фасисе и Севастополе находились царства гениохов (на территории современной северо-восточной Турции), лазов (бывших колхов), апсилов, абасков, санигов и зилхов (вероятно, тождественны более ранним зигам). При этом, как уточняет Арриан, цари лазов, апсилов, абасков, санигов и зилхов «получили власть» от римского императора, то есть являлись вассалами империи. Здесь впервые появляются абаски (абазги), вклинивающиеся между апсилами и санигами, причем именно на земле санигов находился Севастополь. Обозначить для этого времени южную границу царства апсилов, мы, к сожалению, не можем из-за отсутствия источников. Попытка провести такую границу по реке Эгрис-цкали¹, которая, якобы, соответствует Галидзге, не может считаться основательной². Связь этнонимов «абазги» и «апсилы» с абхазским этносом сейчас уже, практически, ни у кого не вызывает сомнений³. Напротив, этническая принадлежность санигов до сих пор остается спорной. Действительно, их связь с позднейшими садзами не может считаться доказанной, но это не является основанием для причисления их к картвельским племенам «скорее всего, мегрело-чанского происхождения», никаких аргументов для этого нет⁴. Возможность проживания в данном регионе отдельных картвельских племен нельзя априорно отрицать, одним из таких племен могли бы быть свано-колхи Птолемея, но, пока что, аргументов для таких утверждений, мягко говоря, недостаточно.

В дальнейшем этнонимы несколько смещаются на северо-восток. По данным армянской географии «Ашхарацуйц», восходящим, вероятно, к первой половине V в. н.э.⁵, абазги и апсилы совместно владеют Себастополисом. В то же время, их юго-восточная граница, из-за невозможности уверенно идентифицировать реку Дракон, опять же остается неизвестной. Тем не менее, есть основания предполагать их некоторое оттеснение на северо-запад под давлением Лазского цар-

¹ Ломоури Нодар. 1997, с. 18.

² Бутба В.Ф. Ук. соч, с. 85, 86.

³ Ломоури Нодар. 1997, с. 19.

⁴ Там же, с. 20.

⁵ Бутба В.Ф. Ук. соч, с. 105, 106.

ства, подчинившего себе царство апсилов и сделавшего своими подданными сохранивших у себя царскую власть (двух правителей, разделивших страну на две части) абазгов. Севастополис в VI в., во времена Прокопия Кесарийского, находится уже в земле апсилов, а их граница с абазгами проходит теперь в районе Нового Афона (абазгской крепости Трахеи). Ослабление Лазского царства и поддержка со стороны Византии привели к возвышению в наибольшей степени сохранившего свой потенциал и традиции независимости царства абазгов, в рамках которого началась этническая консолидация древнеабхазских племен.

* * *

В эпоху античности, а затем и раннего средневековья, на территории как Колхиды в целом, так и Абхазии сложился и успешно функционировал симбиоз, основанный на взаимодействии интернационального, античного в своей основе города и многоликой, самобытной варварской периферии. Таким образом, была заложена основа формирования полиэтничного абхазского общества. Сформировались устойчивые племенные объединения, связанные, с одной стороны, с передовыми достижениями греко-римско-византийской цивилизации, с другой – находящиеся на перекрестке торговых путей и поддерживающиеся активные связи со своими соседями по обе стороны Главного Кавказского хребта. Отметим, что уже в древности наблюдаются серьезные различия как в этнонимах, так и в материальной культуре между Северо-западной (Бзыбской) и Юго-восточной (Абжуйской) Абхазией. Наконец, культура местного населения на протяжении всего данного периода сохраняла преемственность по отношению к своим предшественникам, что исключает возможность резкой смены населения, хотя, как видим, некоторые миграции внутри относительно единого культурного ареала, безусловно, имели место.

Апсилы и Апсилия в историографии последних десятилетий

Проблема изучения политической, экономической, социальной истории древней Апсилии, находившейся в юго-восточной части современной Республики Абхазия, имеет особое значение не только для абхазоведов, но и для всех кавказоведов, посвятивших свою жизнь изучению древней истории Западного Кавказа. Своё отражение она получила в фундаментальном труде Ю.Н. Воронова «Древняя Апсилия», издание которого стало возможным только в 1998 г.¹ Это своего рода книга-энциклопедия. В ней содержится полный свод всех литературных источников по апсилам и Апсилии, доведённый автором до самого конца 90-х годов XX в., начиная с того времени, когда предки апсиров фиксируются в самых ранних письменных источниках, т. е., с конца II тыс. до н.э.

В последние два десятилетия появилось, в результате продолжающихся изысканий по этой теме, немало новых научных работ, в целом значительно повысился интерес к древностям этого региона Абхазии. Вместе с тем, к сожалению, археологические исследования в местах исторического проживания апсиров (Мархяул, Цабал, Амткял и др.), прерванные грузино-абхазской войной (1992–1993), в это время не проводились. Тем не менее, тот широкий объём работы, который был проделан, в частности, археологической экспедицией под руководством Ю.Н. Воронова и О.Х. Бгажба в районе Цебельдинской долины, позволяет и сегодня нам обращаться к добытому вещевому материалу, тем более, что не все результаты работ были опубликованы, их издание стало возможным только недавно. Это касается, например, монографий Ю.Н. Воронова «Колхида на рубеже средневековья» (1998) и «Могилы апсиров» (2003)². Последний труд

В.А. Ньюшков – кандидат исторических наук, научный сотрудник отдела истории АБИГИ им. Д.И. Гулиа АН Абхазии.

¹ Воронов Ю.Н. Древняя Апсилия. Сухум, 1998.

² Воронов Ю.Н. Колхида на рубеже средневековья. Сухум, 1998; Воронов Ю.Н. Могилы апсиров. Пуццо, 2003.

представляет собой полную публикацию археологических материалов, выявленных на группе могильников с пятьюстами захоронениями у главной крепости крупнейшего древнеабхазского политического образования Апсолии – Цибилиума. Большим подспорьем для изучения апсолийских древностей являются сегодня также переизданные и собранные вместе (пока три тома) основополагающие труды Ю.Н. Воронова¹.

Как известно, происходившие в начале 90-х годов XX века политические и социальные процессы резко обострили этнополитическую ситуацию внутри распадавшегося Советского Союза, спровоцировав войны. Для абхазской историографии это было время перехода к новому осмыслению тех узловых проблем, которые на всём протяжении существования СССР зачастую рассматривались односторонне, сквозь призму грузинской исторической национальной школы. В этой связи, знаковым событием конца советского периода стал выпуск учебного пособия «История Абхазии», увидевшего свет в 1991 г. и переизданного в 1993 году². Представленная в нём концепция развития древнеабхазского народа получила своё дальнейшее историко-культурное освещение в изданной в 2007 году книге О.Х. Бгажба и С.З. Лакоба «История Абхазии с древнейших времен до наших дней»³. Основная часть раздела о древнем периоде в «Истории Абхазии», где имеются важные выводы по всем аспектам истории апсолов и Апсолии и по вопросу её взаимоотношений с Римской и Византийской империями, была написана Ю.Н. Вороновым. В книге содержится ряд принципиально новых оценок нашего исторического прошлого и настоящего, основанных на материалах, которые ранее попросту игнорировались ввиду запрета или интерпретировались односторонне, с пристрастием. Спустя почти десять лет грузинские историки (М. Инадзе, Н. Ломоури, Д. Мухелишвили, М. Лордкипанидзе и др.) отреагировали на учебное пособие «История Абхазии» в своём пространном сборнике статей под общим названием «Разыскания по истории Абхазии/Грузия» (1999), в котором утвер-

¹ Воронов Ю.Н. Научные труды. Том первый. Сухум. 2006; Воронов Ю.Н. Научные труды. Том второй. Сухум. 2009; Воронов Ю.Н. Научные труды. Том третий. Сухум, 2010.

² История Абхазии. Учебное пособие. (гл. ред. С.Лакоба). Сухум, 1991, 1993.

³ Бгажба О.Х., Лакоба С.З. История Абхазии с древнейших времён до наших дней. Сухум, 2007.

ждается тезис о целостности Грузии чуть ли не с эпохи камня, а принадлежность апсилов к предкам абхазов ставится под сомнение¹. Появление данного труда стало ещё одним доказательством того, что и грузинские, и абхазские исследователи по-прежнему по-разному смотрят на древнюю, средневековую и современную историю Абхазии.

Таким образом, в постсоветский период (начало 90-х гг. XX в. – начало XXI в.) продолжилось интенсивное изучение истории Абхазии, в частности, апсилов и их региона проживания. Наконец появилась возможность, не опасаясь существовавшего до этого запрета из Тбилиси, высказывать своё мнение по многим проблемам, связанным с историей Абхазии в статьях и монографиях. Тому яркий пример – книга Ш.Д. Инал-ипа «Ступени к исторической действительности», изданная перед самым началом войны в 1992 г. Исследователь в ней критикует тех грузинских кавказоведов, которые возмутительным образом искажают этническую историю абхазского народа².

Характерной чертой рассматриваемого нами периода является углубленная разработка наиболее важных проблем исторического развития Юго-Восточной Абхазии в ранневизантийскую эпоху. Научные исследования ведутся по пяти направлениям: по изучению этнополитической истории, христианизации и церковного зодчества, периодизации, материальных памятников, экономики и хозяйства. Важное место в работах кавказоведов по изучению этнополитической истории древней Апсолии заняли такие актуальные проблемы, как определение северо-западной и юго-восточной границы Апсолии, участие апсилов в войнах на стороне Римской и Византийской империй, маршруты прохождения торговых путей.

Проблема определения восточных границ абасгов и апсилов на основе источниковедческого анализа «Армянской географии VII века» («Ашхарацуйц») была рассмотрена в книге В.Ф. Бутба «Племена Западного Кавказа по «Ашхарацуйцу» (в основе которой лежит кандидатская диссертация, подготовленная в 1991 г.), вышедшей в свет в 2001 г. в Сухуме и переизданной с дополнениями в 2005 г.³ Углуб-

¹ Разыскания по истории Абхазии/Грузия. Тбилиси, 1999.

² Инал-ипа Ш.Д. Ступени к исторической действительности. Сухум, 1992, с. 10–22.

³ Бутба В.Ф. Племена Западного Кавказа по «Ашхарацуйцу» (сравнительный анализ). Сухум. 2001; Бутба В.Ф. Труды. Сухум, 2005.

лѐнное исследование по уточнению границы между Апсилией и Лазикой по древнегрузинскому источнику было предпринято, вслед за Ю.Н. Вороновым, О.Х. Бгажба в статье «Где проходила «Клисура» Джуаншера?». В работе отмечается, что, благодаря неправильной трактовке данного источника некоторыми исследователями, на основании созвучия названий связываются Клисура с р. Келасур, а это приводит фактически к ликвидации целого древнеабхазского раннеклассового образования V–VIII вв. (т.е. Апсилии). По этой логике «получается, что граница между Абхазией и Грузией должна была бы проходить в то время по р. Келасур, тем самым часть Апсилии отходила Грузии, другая же – Абхазии (Абасгии)». В то же время, по мнению О.Х. Бгажба, Клисура и Келасур – это не одно и то же, «Клисура Джуаншера не имеет никакого отношения к Апсилии, а значит и к территории нынешней Абхазии»¹. Характеризуя этнополитическую ситуацию на Западном Кавказе, Г.Д. Гумба, в результате анализа различных письменных источников, выдвинул версию, что Джуаншер усматривал под Клисурой реку Техури, служившую западной границей Лазики в V веке². В следующей своей работе, посвящённой ранним этапам этнической истории абхазов, О.Х. Бгажба южную этнополитическую границу между древнеабхазскими племѐнами апсиров и мисимиан и древнекартвельским племенем лазов в VI в. проводит по р. Ингур. По этой же реке граница проходила и в VII в., на что указывают поздние византийские источники (Максим Исповедник, Феофан Хронограф) и Армянская география «Ашхарациуйц», а верховья Ингура «до крепости Бухлоон в тот период были включены в политические границы Алании»³.

Довольно широкое освещение в ряде работ получает тема военной истории апсиров. Проблеме участия апсиров в военных кампа-

¹ Бгажба О.Х. Где проходила «Клисура» Джуаншера? // Абхазоведение. История. Археология. Этнология. Вып. 2. Сухум, 2003, с. 64–67.

² Гумба Г.Д. Об истоках исторической концепции грузинского историка XI века Леонтия Мровели // Абхазоведение. История. Археология. Этнология. Вып. II. Сухум, 2003, с. 124; Гумба Г.Д. К вопросу идентификации р. Эгрис-цкали Джуаншера Джуаншерияни // Абхазоведение. История. Археология. Этнология. Вып. III. Сухум, 2004, с. 88.

³ Бгажба О.Х. Ранние этапы этнической истории абхазов // Археология, этнография и фольклористика Кавказ: Материалы Международной научной конференции «Новейшие археологические и этнографические исследования на Кавказе». Махачкала, 2007, с. 113.

ниях Рима в самом начале II в. н.э. посвящена статья М.К. Хотелашвили (Инал-ипа) «Страницы военной истории абхазов». Заметив, что в источниках нет прямых указаний на то, что военные отряды апсилов могли участвовать в войнах Рима, исследователь предположил, что если римский император Траян (начало II в.) после войны с Парфией, по сведениям римских историков, ряд кавказских племён принимает в подданство и некоторым даёт царя, а царь апсилов Юлиан получает от него римское гражданство, «то становится ясным, что именно он участвовал на стороне Рима в войне с Парфией». Поэтому можно сделать вывод, что «апсилы принимали участие в римско-парфянской войне»¹.

Интересная мысль о роли абазгов и апсилов была высказана в монографии адыгского исследователя С.Х. Хотко «Очерки истории черкесов». Охарактеризовав сначала этнополитическую ситуацию до конца VIII в. и указав, что такие государственные образования, как Абасгия, Санигия, Зигия и Апсилия находились в номинальной зависимости от римских императоров, а позже под влиянием Византии, автор далее предполагает, что воинственность горцев Западного Кавказа (абасгов, апсилов) использовалась для определенных целей, они назначались наместниками «в картвельские провинции Византии, получали там поместья, и они же являются родоначальниками едва ли не всех княжеских родов Грузии»². Правда, автор не использовал при этом для подтверждения своих выводов необходимую доказательную базу. Привлекает внимание также работа другого адыгского исследователя Н.Г. Ловпаче «Абазино-абхазский компонент в погребальной культуре раннесредневековых адыгов Закубанья». В ней автор стремится обосновать раннюю датировку появления абазинского населения в предгорьях Северного Кавказа и объяснить само нахождение абазин в Закубанье, полагая, что они попали туда благодаря миграции апсилов, абасгов и санигов в VIII веке. Причину этого он видит в их нежелании «принять христианство, усиленно распростра-

¹ Хотелашвили (Инал-ипа) М.К. Страницы военной истории абхазов // Абхазоведение. История. Археология. Этнология. Выпуск III. Сухум, 2004, с. 159, 160.

² Хотко С.Х. Очерки истории черкесов. От эпохи киммерийцев до Кавказской войны. СПб., 2001, с. 29.

няемое в то время среди апсиров, абасгов и санихов» и, возможно, в увеличении численности населения, которому «стало тесно в горах»¹.

Свое развитие получает в абхазских и российских исследованиях также такая проблематика, напрямую имеющая отношение к Северо-западному и Южному Кавказу, как идентификация торговых путей (Мисимианского и Даринского) на территории Апсолии. По этому вопросу имеются различные точки зрения, что делает данную тему в историографии актуальной. На основании анализа письменных источников (Менандр Протектор, Феофан Византиец, Прокопий Кесарийский), а также вещественного материала, О.Х. Бгажба, вслед за Ю.Н. Вороновым, в своих работах, увязав локализацию Мисимианского пути, а затем и Даринской дороги с локализацией самих мисимиан (близкородственного к апсилам племени) и их центров (Бухлон и Тцахар), приходит к обоснованному выводу, что Мисимианский путь должен был пролегать вдоль Ингурского ущелья, тогда как Даринский путь, соответственно, уже вдоль Кодорского ущелья². Этой же концепции придерживается и В.Б. Ковалевская, считая, что Даринский путь следует связывать с самым легко проходимым перевалом Западного Кавказа – Клухорским, а дорогу – с Военно-Сухумской³. В тоже время с данной локализацией не согласны А.А. Иерусалимская, В.А. Кузнецов и ряд других авторов. Говоря об алано-апсильско-мисиминских связях в книге «Очерки истории алан», В.А. Кузнецов, в частности, интерпретируя сведения Менандра, предположил, что перевальная дорога, которую тот именует дорогой миндиминанов, проходила там, где сегодня располагается Военно-Сухумская дорога, Даринский же путь кавказовед поместил западнее территории мисимиан, т. е., в Бзыбскую Абхазию, связанную с Северным Кавказом Санчарским перевалом⁴. По мнению же

¹ Ловпаче Н.Г. Абазино-абхазский компонент в погребальной культуре раннесредневековых адыгов Закубанья // Первая Абхазская международная археологическая конференция. Сухум, 2006, с. 56,59.

² Бгажба О.Х. Абхазия и Великий шёлковый путь // Труды АГУ. Часть III. Сухум, 2003, с. 23–25; Бгажба О.Х. Абхазия и Алания в I тысячелетии // Абаза. №1. Сухум, 2010, с. 87.

³ Ковалевская В.Б. Даринский путь и связи Византии, Апсолии и Алан // Первая Абхазская международная археологическая конференция. Сухум. 2006, с. 34.

⁴ Кузнецов В.А. Очерки истории алан. Орджоникидзе, 1984, с. 60; Кузнецов В.А. О создании природно-ландшафтного и историко-археологического музея-заповедника федерального значения в верховьях Кубани // Проблемы хронологии и периодизации

О.Х. Бгажба, «Менандр сохранил конкретное указание на то, что Даринский путь проходил западнее Мисимианского и выводил прямо в Апсилию»¹. При описании истории дорог, использовавшихся для торговли с такими далёкими странами, как Китай, и маршрута прохождения Великого шёлкового пути, в работе Ю.А. Прокопенко «История северо-кавказских торговых путей IV в. до н.э. – XI в. н.э.», прослеживается поддержка выводов В.А. Кузнецова, касающихся локализации Мисимианского и Даринского путей². В своей статье «Каменные крепости алан» И.А. Аржанцева также полагает, что Мисимианский путь шёл в Апсилию через Клухорский перевал³. Однако проведённое исследование археологических материалов V–VI веков в регионе Кавказских минеральных вод, Балкарии и Верхней Кубани показало «полное отсутствие византийских импортов ранее VII в. в горных районах к западу от линии Теберда-Кубань»⁴, т. е. там, где реконструируется трасса Даринской дороги А.А. Иерусалимской, В.А. Кузнецовым и др. В то же время там, где она действительно, согласно Ю.Н. Воронову, О.Х. Бгажба, В.Б. Ковалевской и др., могла пролегать, имеется вещественный доказательный материал, например, каменная бусина с китайским иероглифом «бень» («император») времён династии Суй (VI в.), янтарь и сердолик⁵. При изучении торговых путей в Западной Алании в V–VI вв. А.В. Мастыкова и М.М. Казанский, ссылаясь на логику рассказа Менандра, полагают, что Даринская дорога была более западной по отношению к Мисимианской», при этом «имеются основания сопоставить с ней наметченную по археологическим источникам кубанскую трассу, как это уже было сделано Ю.Н. Вороновым»⁶.

археологических памятников и культур Северного Кавказа. XXVI «Крупновские чтения» по археологии Северного Кавказа. Тезисы докладов. Магас, 2010, с. 216.

¹ Бгажба О.Х. Абхазия и Великий шёлковый путь // Труды АГУ. Часть III. Сухум, 2003, с. 23.

² Прокопенко Ю.А. История северо-кавказских торговых путей IV в. до н.э. – XI в. н.э. Ставрополь, 1999, с. 106.

³ Аржанцева И.А. Каменные крепости алан // РА. №2. 2007, с. 87.

⁴ Мастыкова А.В., Казанский М.М. Центры власти и торговые пути в Западной Алании в V–VI века // XXI «Крупновские чтения» по археологии Северного Кавказа. Кисловодск, 2000, с. 101.

⁵ Воронов Ю.Н. Тайна Цебельдинской долины. М., 1975, с. 82.

⁶ Мастыкова А.В., Казанский М.М. Ук. соч, с.101.

За минувшие два десятилетия активно велась работа по изучению религиозной истории древней Апсии и раннехристианской культуры на её территории. В первую очередь следует отметить работы Г.А. Амичба «Культура и идеология раннесредневековой Абхазии (V–X вв.)» (1999 г.), Е.К. Аджинджал «Из истории христианства в Абхазии» (2000 г.), Иеромонаха Дорофея (Дбар) «История христианства в Абхазии в первом тысячелетии» (2005 г.). Надо заметить, что во всех трёх работах ставится проблема хронологии ранней истории христианства в Абхазии. На основании трактовок письменных данных и археологических раскопок был сделан вывод, что официальное введение христианства в VI в. было осуществлено в два этапа, при чем отмечалось, что и после этого языческие дохристианские обряды продолжали сохраняться в нагорной и предгорной зоне, в том числе, в Апсии и Мисиминии¹. Развивая тему христианизации абасгов и апсиров, Е.К. Аджинджал считает, что в VI в. древнеабхазские народности – апсилы, абасги и другие племена – принимают официально христианство в качестве государственного культа, но уже вторично, после того как с апостольских времён они были приобщены к христианству². В этом отношении особого внимания заслуживает сравнительно недавно изданная монография иеромонаха Дорофея (Дбар). Сам характер работы предполагает новые интерпретации важнейших сообщений византийских авторов, касающихся религиозной жизни древних абхазов. Подробно исследовав процесс появления и дальнейшего распространения христианства, в том числе и у апсиров, автор приходит к выводу, что уже в первой половине VI в., «происходит окончательное утверждение христианства среди абхазских субэтнических групп: апсиров, мисимиан и др.»³.

Вместе с тем, учитывая результаты археологических раскопок, можно утверждать, что апсилы и после официального принятия и утверждения христианства ещё долго продолжали сохранять традиционные верования и обычаи⁴. Цибилиумский могильник яркий тому

¹ Амичба Г.А. Культура и идеология раннесредневековой Абхазии (V–X вв.). Сухум, 1999, с. 29.

² Аджинджал Е.К. Из истории христианства в Абхазии. Сухум, 2000, с. 63.

³ Дорофей иеромонах (Дбар). История христианства в Абхазии в первом тысячелетии. Новый Афон, 2005, с. 179.

⁴ Бгажба О.Х., Воронов Ю.Н. Два всаднических захоронения апсиров из Цебельды // Труды АГУ. Т.6. Сухуми, 1987.

му пример. Исследование Ю.Н. Воронова и О.Х. Бгажба анализирует археологический материал, выявленный в окрестностях Цибилиума, свидетельствующий «о христианизации внутренней Апсилии». На основании этого материала было выделено 5 этапов:

1) «Доюстиниановская эпоха, археологически иллюстрируемая с V в. н.э.»;

2) «Раннеюстиниановская эпоха», «официальное принятие христианства» и «начало широкой христианизации рядовых общинников»;

3) Эпоха персо-византийских войн за Колхиду (541–556 гг.);

4) «Позднеюстиниановская эпоха», «дальнейшее расширение христианизации всего населения»;

5) «Послеюстиниановская эпоха, включая и VII век»¹.

В тоже время, в некоторых исследованиях предлагается более узкая дата христианизации апсиров, абазгов, мисимиан, санигов. IV веком датирует Р.М. Барциц в своей кандидатской диссертации «Абхазский религиозный синкретизм в культовых комплексах и современной обрядовой практике» принятие Абхазией христианства в качестве официальной религии и окончание процесса консолидации близкородственных племён абхазо-адыгской группы – апсиров, абазгов, мисимиан, санигов – в крупные этнополитические образования². О распространении христианства через территорию Апсилии и Клухорский перевал в Аланию говорится в книге В.В. Гудакова «Северо-Западный Кавказ в системе межэтнических отношений с древнейших времён до 60-х годов XIX века». Согласно этому автору, «почти два столетия понадобилось византийским миссионерам, чтобы преодолеть Клухорский перевал от Цибилиума до верховьев Кубани, обращая по пути местное население в христианскую веру»³.

Широкое историко-типологическое толкование даётся раннехристианским памятникам Восточного Причерноморья (IV–VII вв.) на фоне распространения христианства в монографии Л.Г. Хрушковой. Изложение в книге строится по историко-географическому

¹ Воронов Ю.Н., Бгажба О.Х. 2007, с. 234, 244.

² Барциц Р.М. Абхазский религиозный синкретизм в культовых комплексах и современной обрядовой практике. Автореф. кандид. диссертации. Нальчик, 2008, с. 18.

³ Гудаков В.В. Северо-Западный Кавказ в системе межэтнических отношений с древнейших времён до 60-х годов XIX века. СПб., 2007, с. 103.

принципу, особое внимание уделяется крупным центрам, например, приморским городам Севастополю (совр. Сухум), Гизносу, а также Драндскому храму и ранним церквям нагорной Апсилии в районе Цебельды, в том числе, в крепости Цибила. Здесь же хотелось бы обратить внимание на некоторые сделанные исследователем выводы. Так, автор, отстаивая мысль о том, что апсиды рано приобщились к христианству, в частности, описывая церковь № 3, отмечает, что её апсида имела полуциркульную форму и не была пятигранной¹.

Ю.Н. Вороновым и О.Х. Бгажба в результате дальнейших раскопок в Цибилиумском церковном комплексе были внесены существенные коррективы в отношении гранности внешней стороны апсиды церкви № 3. Датировка Цибилиумской крепости, построенной в эпоху Юстиниана в течение нескольких лет (Ю.Н. Воронов, О.Х. Бгажба), исследователем поставлена под сомнение. Аргументируется это тем, «такая и точная и узкая дата не находит подтверждения в письменных источниках»². В то же время, в условиях нарастания византийско-иранских противоречий, появление оборонительной системы в Цебельде и в других крепостях Апсилии в период правления Юстиниана, как показал предложенный Ю.Н. Вороновым и О.Х. Бгажба анализ археологических материалов (закладных монет, фибул, обломков стеклянных сосудов, керамики и т.д.), объясняет нам предназначение всех этих объектов³. Рассмотрев политическое, социально-экономическое и культурное положение древней и средневековой Абхазии по данным археологии и нумизматики, С.М. Шамба также датировал крепость Цибилиум 529–541 гг., т.е. VI веком⁴.

Большое значение имеет тема хронологии некрополей Цебельды, ставшая в последние десятилетия в российской историографии предметом специального исследования. Отмечается стремление разбить её на ряд локальных временных периодов с привязкой к европейской

¹ Хрушкова Л.Г. Раннехристианские памятники Восточного Причерноморья (IV–VII вв.). М., 2002, с. 315.

² Хрушкова Л.Г. Там же, с. 318.

³ Воронов Ю.Н., Бгажба О.Х. Крепость Цибилиум – один из узлов Кавказского лимеса Юстиниановской эпохи // Византийский временник. Том 48. М., 1987, с. 131.

⁴ Шамба С.М. Политическое, социально-экономическое и культурное положение древней и средневековой Абхазии по данным археологии и нумизматики (VI в. до н.э. – XIII в. н.э.). Автореф. докторск. диссертации. Ереван, 1998, с. 66.

хронологии. Для определения датировки цебельдинских некрополей О.А. Гей и И.А. Бажан в работе «Хронология эпохи «готских походов» (на территории Восточной Европы и Кавказа)» обращаются к началу Великого переселения народов, которые были ориентированы на Рим и «вовлечены в общий поток ключевых исторических событий на западных и восточных границах империи, отразившихся и в памятниках археологии». Как отмечают исследователи, «это даёт уникальную возможность привязать к разработанной по материалам цебельдинских некрополей непрерывной шкале III–VI вв. н.э. не только некоторые кавказские памятники, но также крымские, черняховские и вельбарские, а полученную систему в целом – синхронизировать с системой европейской хронологии Г.Ю. Эггерса – К. Годловского»¹. В откорректированной форме реконструируется на фоне исторических событий эволюция некрополя в Цибилиуме (II–VII вв.) М.М. Казанским и А.В. Мастыковой в соответствии с датами центрально и западноевропейских, а также северопонтийских древностей. Для датировки закрытых комплексов исследователи привлекают хронологию абхазских древностей, разработанную О.А. Гей и И.А. Бажаном. Погребения Цибилиума ими были соотнесены с 11 хронологическими периодами, объединёнными в четыре стадии. Наиболее ранняя стадия относится к 170/200 – 330/340 гг., а поздняя – к 450–640/670 гг. Поздняя при этом разделяется на периоды 9 (450–550 гг.) и 10–11 (530/550–640/670 гг.), которые в хронологии восточноевропейских древностей соответствуют постгуннскому периоду и горизонту геральдических поясов².

Значительное место в публикациях уделяется изучению цебельдинской (апсильской) культуры. В статье О.Х. Бгажба «Цебельдинская экспедиция Ю.Н. Воронова» внимание акцентируется на выводах, сделанных Ю.Н. Вороновым во время проведения Цебельдинской экспедиции. Так, например, «через сопоставление археологических данных и скупых летописных строк удалось подойти к решению важнейших вопросов истории Апсолии». Это редкая в археоло-

¹ Гей О.А., Бажан И.А. Хронология эпохи «готских походов» (на территории Восточной Европы и Кавказа). М., 1997, с. 52.

² Казанский М.М., Мастыкова А.В. Эволюция некрополя Цибилиум (II–VII вв.) // Отражение цивилизационных процессов в археологических культурах Северного Кавказа и сопредельных территорий. XXV «Крупновские чтения». Владикавказ, 2008, с. 173.

гии удача, отмечает автор, когда Ю.Н. Воронов с помощью раскопок доказал достоверность сообщения Прокопия Кесарийского о сражении между оккупировавшими летом 550 года крепость персами и восставшими апсилами¹. «Что же касается апсиров, то на примере общины крепости Цибилиума археологически установлена преемственность её носителей на более чем 1500-летнем континуитете культуры (VIII в. до н.э. – VI в. н.э.)», – отмечается в другой работе, посвящённой ранним этапам этнической истории абхазов².

Коснувшись преемственности апсильской культуры с предшествующими колхидской и кобанской культурами, Г.К. Шамба обратил внимание на то, что «в истории археологии имеется много тому примеров, когда наблюдается возврат к более ранним формам орудий и оружия. Так, раскопки памятников Апсильи (I–VII вв.) показали, что основные руководящие формы этой вновь открытой культуры по существу есть почти повторение (или реплика) местных изделий более раннего периода, т.е. эпохи поздней бронзы – раннего железа»³. Более подробно Г.К. Шамба останавливается на анализе истории апсиров и их культуры в имеющей полемический характер статье «Освещение некоторых вопросов истории раннеабхазских племён в сборнике грузинских авторов (Разыскания по истории Абхазии/Грузия. Тб., 1999). В контексте критического анализа статей М.В. Барамидзе и М.П. Инадзе, исследователь, в частности, в ответ на тезис М.П. Инадзе о сильном влиянии культуры лазов на культуру и язык апсиров, указал, что «в развитии материальной культуры среди племён Кавказского Причерноморья выдающихся успехов добились апсиро-абазгские племена»⁴.

Изучению метательного оружия (лук и стрелы, самострел) у абхазов и абазин в прошлом, а также анализу развития технологии изготовления собственного ратного оружия у абазгов, апсиров, миси-

¹ Бгажба О.Х. Цебельдинская экспедиция Ю.Н. Воронова // Литературная Абхазия. Сухум, 1998, с. 176.

² Бгажба О.Х. 2007, с. 113.

³ Шамба Г.К. Древний Сухум. Сухум, 2005, с. 41.

⁴ Шамба Г.К. Освещение некоторых вопросов истории раннеабхазских племён в сборнике грузинских авторов («Разыскания по истории Абхазии/Грузия», Тб., 1999. // Вестник Академии наук Абхазии. № 1. Сухум, 2005, с. 92.

миан, зиков посвящена тезисная заметка Н.К. Шенкао¹. Исследованию пряжек и поясных наборов Едысского могильника (VI–VII вв. н.э.) на фоне их распространения в Европе и Азии уделил внимание в своей статье Р.Г. Дзаттиаты. Изучая связи раннесредневекового населения Абхазии с северо-кавказскими народами, с восточными и южными соседями, автор заметил, что «среди вещевого материала Цебельды и других памятников Абхазии выделяются поясные наборы, аналогичные нашим материалам». Особое внимание уделено влиянию кочевых народов Причерноморья на Цебельду, при этом автор ссылается на работы Ю.Н. Воронова, В.А. Кузнецова, М.М. Трапш².

Материалы цебельдинской культуры получают освещение и в статьях И.О. Гавритухина, А.В. Пьянкова и Р.М. Рамишвили в коллективной монографии «Крым, Северо-Восточное Причерноморье и Закавказье в эпоху средневековья (IV–XIII вв.)». Основной упор здесь делается на связь населения Цебельдинской культуры в III–IV вв. с населением Сочинского района. Об этом позволяют говорить доступные отрывочные материалы из района Сочи, свидетельствующие о сохранении этих связей и в VI веке. Отмечается значимость Цебельдинского комплекса памятников в проводимом Р.М. Рамишвили сравнении многочисленных некрополей столицы апсидов и её окружи с Самтаврским могильником. Говорится о международном торговом маршруте, находясь на котором Цебельда со своей округой широко пользовалась привозными предметами, что и отражается в погребальных комплексах (II–VIII вв.). Правда, Р.М. Рамишвили обходит молчанием, как бы умышленно, тему этнической принадлежности выделенной при анализе археологического материала цебельдинской (апсидийской) культуры, видимо, полагая, что её носителями должны были быть западногрузинские племена, тем более, что автор стремится в своей статье отразить самостоятельную историю

¹ Шенкао Н.К. К вопросу изучения метательного оружия (лук и стрелы, самострел) у абхазов и абазин в прошлом // Тезисы докладов научной конференции, посвящённой 80-летию со дня рождения выдающегося историка-кавказоведа З.В. Анчабадзе. Сухум, 2000, с. 11.

² Дзаттиаты Р.Г. Пряжки и поясные наборы Едысского могильника (VI–VII вв. н.э.) // Аланы: история и культура. III. Владикавказ, 1995, с. 121.

абхазского народа как часть общегрузинской истории¹. Кстати, этому периоду была посвящена работа Ю.Н. Воронова «Археологические древности и памятники Абхазии (V–XIV вв.)» (2002 г.), которая, как предполагалось, будет напечатана в книге «Крым, Северо-Восточное Причерноморье и Закавказье в эпоху средневековья (IV–XIII вв.)», но была отклонена по каким-то причинам².

Отдельной научной проблеме посвящена работа М.М. Казанского и А.В. Мاستыковой «Погребения коней в Абхазии в позднее римское время и в эпоху Великого переселения народов». Акцентируя внимание на хронологии захоронений коней у апсильов, авторы отмечают, что исчезновение конских погребений происходит в VI веке, возможно, из-за ускоренной христианизации абхазского населения. Появление конских захоронений у апсильов, особенно у привилегированной части населения, исследователями связывается с погребальным обрядом воинской элиты и с влиянием степных кочевых народов в гуннскую эпоху³. Это в своё время отметили Ю.Н. Воронов и О.Х. Бгажба⁴. О проблеме изучения культурных связей населения северо-западной Колхиды в эпоху бытования здесь цебельдинской культуры (II–VII вв.) говорится в работе С.С. Пигаря «Об одной группе всаднических погребений Цебельды»⁵. Своё дальнейшее развитие данная тематика получает в следующей работе С.С. Пигаря «К вопросу об этнических контактах населения Западной Колхиды (Апсильи) и Северного Кавказа в середине I тыс. н.э.». В ней доказывается наличие этнических контактов между апсилами и аланами в V–VI вв. на основе обряда деформации черепов, имеющегося у этих

¹ Крым, Северо-Восточное Причерноморье и Закавказье в эпоху средневековья (IV–XIII вв.). Археология. М., 2003.

² Воронов Ю.Н. Археологические древности и памятники Абхазии (V–XIV вв.) // Проблемы истории, филологии и культуры. Т. XII. М. – Магнитогорск. 2002.

³ Казанский М.М., Мастыкова А.В. Погребения коней в Абхазии в позднеримское время и в эпоху Великого переселения народов // Пятая Кубанская археологическая конференция. Материалы конференции. Краснодар, 2009, с. 152.

⁴ Бгажба О.Х., Воронов Ю.Н. 1987. Ук. соч.

⁵ Пигарь С.С. Об одной группе всаднических погребений Цебельды // Археология, этнография и фольклористика Кавказ: Материалы Международной научной конференции «Новейшие археологические и этнографические исследования на Кавказе». Махачкала, 2007.

групп населения¹. Говорится о том, что цебельдинская (апсильская) культура I–V веков была вовлечена в общий поток тех культурных импульсов, что исходили главным образом от Римской империи, т.е. в одну общую культурную среду позднеантичной цивилизации римско-византийского образца².

Необходимо отметить работы, посвященные истории хозяйства и социально-экономических отношений апсиль в VI–X вв. Проведя серьезное исследование на основе обширного материала (археологического, этнологического, фольклорного, сообщений письменных источников) Г.А. Амичба уделил большое внимание жизни древних цебельдинцев и хозяйственному развитию самой Апсильи, а также её экономике, находившейся в то время на подъёме. Затрагивая тему цебельдинских материалов и находок из некрополя Ахаччараху, он отметил, что они «позволяют археологам говорить, что у апсиль этих мест на рубеже античности и средневековья были широко развиты скотоводство, земледелие, различные ремёсла, охота, военное дело и т.д.»³.

В контексте предполагаемой этнической преемственности кораксов и апсиль раскрываются основные аспекты истории апсиль и мисимиян в монографии О.В. Маана. Исследователь приходит к заключению о том, что Апсилья была не только «крупной в экономическом отношении областью на торговом пути», но также «являлась важным духовно-религиозным центром Абхазии – здесь располагался крупнейший Драндский собор, где находилась резиденция архиепископа Себастополя»⁴.

Особо следует выделить работу В.Е. Кварчия «Историческая и современная топонимия Абхазии (Историко-этимологическое исследование)». На основе изучения топонимии Абхазии автор, в частности, исследует, что для нас очень важно, происхождение историче-

¹ Пигарь С.С. К вопросу об этнических контактах населения Западной Колхиды (Апсильи) и Северного Кавказа в середине I тыс. н.э. // Пятая Кубанская археологическая конференция. Материалы конференции. Краснодар, 2009, с. 308.

² Нюшков В.А. Цебельдинская (апсильская) культура в общеисторическом и культурном контексте позднеантичного мира // Проблемы хронологии и периодизации археологических памятников и культур Северного Кавказа. XXVI «Крупновские чтения» по археологии Северного Кавказа. Тезисы докладов. Магас. 2010.

³ Амичба Г.А. Абхазия в эпоху раннего средневековья. Сухум, 2002, с. 178.

⁴ Маан О.В. Абжуа. Историко-этнологические очерки. Сухум, 2006, с. 511.

ских названий поселений, рек, гор, в том числе и на территории исторической Апсолии и Мисимии (Атара, Бухлоон, Герзеул, Тусуме, Цибилиум и др.), соотнося их с историческими событиями¹.

Также необходимо отметить коллективный труд – монографию «Абхазы» (2007 г.), где отражены важнейшие этапы этнической истории абхазов, формирования этноса и т.д. В ряде глав этой монографии анализируются сведения об апсилах и Апсолии, об их этнополитической, социально-экономической и культурной истории (О. Бгажба «Ранние этапы этнической истории». Г. Амичба «Средневековый период (IV–XVIII вв.)», О. Дзидзария «Средства сообщения и передвижения», С. Сакания «Культовое зодчество средневековой Абхазии»)².

Отдельного внимания заслуживают работы грузинских исследователей с противоположной концепцией исторического процесса на территории Юго-Восточной Абхазии. Они исходят, в первую очередь, из ошибочного тезиса об Абхазии как исконной части Грузии, что и порождает их тенденциозные выводы. Упорно доказывая, что Абхазия исторически принадлежит Грузии, тбилисские историки, в большинстве своём, ничего нового не говорят. В их исследованиях чаще всего делается безосновательная попытка втиснуть картвельский этнический массив на территорию, где с древнейших времён фиксируются только абхазо-адыгские племена. Изучая вопросы грузино-абхазских взаимоотношений, специально останавливаясь на проблемах этнической истории абхазов, включая сюда санигов, абасгов, апсиров и мисимиян, Г.З. Анчабадзе верно характеризует современное положение грузинской историографии. По его словам, большая часть современных грузинских историков «придерживается концепции, получившей в публицистике название «теория двуаборигенности». Это означает, что её сторонники на территории Абхазии признают два автохтонных этноса – грузинский и абхазский»³.

К сожалению, приходится констатировать, что грузинская национальная историческая школа становится ещё более предвзятой, примером тому является коллективная монография, вышедшая в

¹ Кварчия В.Е. Историческая и современная топонимия Абхазии (Историко-этимологическое исследование). Сухум, 2006.

² Абхазы. М., 2007.

³ Анчабадзе Г.З. Вопросы грузино-абхазских взаимоотношений. Тб., 2006, с. 59.

2009 году под названием «Очерки из истории Грузии. Абхазия с древнейших времён до наших дней». В ней авторы освещают историю Абхазии сквозь призму небезызвестной «ингороквовской теории», критикуя даже своих собственных коллег (Н. Ломоури, М. Инадзе) за их приверженность к «теории двуаборигенности»¹. В работе Н.Ю. Ломоури «Абхазия в античную и раннесредневековую эпохи» признаётся проживание абхазских племён на территории Колхидского царства в VI–I вв. до н.э., но, вместе с тем, утверждает, что они в это время ещё не фигурируют в письменных источниках и что первое конкретное упоминание абхазских племён в прибрежной полосе Северо-Западной Колхиды относится к I–II вв. н.э. Подводя итог, исследователь отмечает, что «в первых веках н.э. на территории Северо-Западной Колхиды, от р. Галидзга до р. Шахе проживали как абхазские племена — апсилы и абасги, так и картвельские — саниги и суанно-колхи, т.е. как мегрелочанские, так и сванские этнические группы. При этом грузинское население занимало обширную территорию, значительно превышающую ареал расселения апсилов и абасгов»².

Не менее предвзятую позицию в отношении этнического происхождения абхазского народа, а конкретно, апсилов или «апшилов», как их он называет, занял Г. Гасвиани. Апсилы у него в результате политико-культурного и языкового взаимодействия «оказались под колхско-лазским влиянием и вследствие долгого совместного проживания фактически слились с лазами (грузинами)». Данный вывод он пытается подкрепить указаниями на древнейшие топонимы, сохранившиеся в местах их расселения, а также их материальной культурой и историей³.

Хочется также отметить работу З. Папаскири «О национально – государственном облике Абхазии/Грузия. С древнейших времен до 1993 г.». Придерживаясь точки зрения об абхазо-адыгском происхождении абазгов и апсилов, автор, в то же время, подчёркивает, что с первых веков до VIII в. «большую часть территории современной Абхазии занимали картвельские племена санигов, лазов и мисимян»,

¹ Очерки из истории Грузии. Абхазия с древнейших времён до наших дней. Тб., 2009.

² Ломоури Н.Ю. Абхазия в античную и раннесредневековую эпохи. Тб., 1997.

³ Гасвиани Г. Абхазия. Древние и новые абхазы. Тб., 2000, с. 29.

отдавая при этом коренному населению Абхазии незначительную территорию для проживания. «Что же касается собственно абхазских племен: абазгов и апсиров, то на первом этапе (в I–II вв. н.э.) они ориентировочно населяли территорию между реками Галидзга и Келасури. Позже, уже к V–VI вв., они переместились на север и заняли область между рек Кодори (или Келасури) и Бзыби»¹.

Своей информированностью в отношении истории Абхазии и абхазов отличается труд Г.В. Цулая. Несмотря на то, что исследователь также местами проводит мысль о нахождении картвельских племён на территории Абхазии (лазы и сваны) и об их этнических контактах, в частности, с апсилами, он пишет, что лазам не удалось «абсорбировать апсиров и распространить на них своё название»², что имела место взаимная этническая инфильтрация не только между лазами и апсилами, но и между последними и сванами³. Автор пишет об этнокультурном влиянии со стороны сванов, игнорируя при этом известные ему исследования абхазских археологов М.М. Трапш, Ю.Н. Воронова, О.Х. Бгажба и др. Им утверждается, что «этнокультурное превосходство апсиров в Цибилиуме могло быть обусловлено непосредственным соседством с ними колхов, их влиянием на различные стороны жизни и быта апсиров»⁴. Тем не менее, исследователь стремится как можно объективнее представить ход исторических событий, предлагая при этом свою их интерпретацию.

Интересную параллель проводят грузинские археологи А. Кахидзе, Ш. Мемуладзе между исследованными ими погребениями раннесредневекового периода в Пивчнари и памятниками цебельдинской культуры. По их мнению, по ряду признаков (ориентировка, размеры, расположение инвентаря) публикуемые погребения обнаруживают сходство с соответствующими памятниками Петра-Цихисдзири и цебельдинской культуры⁵. Очевидно, авторы стремятся таким образом доказать единство грузинской культуры в рамках

¹ Папаскири З. О национально-государственном облике Абхазии/Грузия. С древнейших времен до 1993 г. Тб., 2003, с. 11,12.

² Цулая Г.В. Абхазия в контексте истории Грузии. Домонгольский период. Краткие очерки. М., 1995, с. 15.

³ Там же, с. 20.

⁴ Там же, с. 22.

⁵ Кахидзе А., Мемуладзе Ш. Погребения раннесредневекового периода из Пивчнари // РА. №1. 2001. М., с. 78.

Лазского царства, охватившего районы проживания лазов, сванов, а также, на их взгляд, апсилов, абасгов, мисимиан¹.

В завершение историографического обзора, посвящённого истории Юго-Восточной Абхазии, хотелось бы заметить, что специальные исследования, посвящённые изучению апсилов и их культуры, опубликованные за эти десятилетия, не исчерпываются той информацией, которая была представлена в данной работе. Мы смогли отразить только те работы, которые оказались нам доступны. Также хотелось бы выразить надежду на то, что интерес к истории апсилов и Апсилии не только не угаснет, но ещё и больше возрастет в связи с новыми результатами археологических раскопок, которые будут, в конце концов, продолжены на более высоком уровне в районе Цебельды и в других местах исторического проживания древнеабхазских племён – апсилов и мисимиан. Так, ещё до грузино-абхазской войны на базе Цебельдинской экспедиции в Абхазском институте языка, литературы и истории (ныне Абхазский институт гуманитарных исследований им. Д.И. Гулиа АН Абхазии) была создана творческая группа «Цебельда». Планировалось вести фундаментальные исследования в области апсилийской археологии, антропологии и металлографии с дальнейшим изданием ряда монографий по названным направлениям.

¹ Там же, с. 86.

К вопросу об изучении христианского искусства Абхазского царства

Настоящая статья¹ призвана дополнить и развить историографическую часть уже опубликованных рассуждений по проблеме исследования христианского искусства Абхазского царства². Там же была обоснована правомерность употребления этого понятия применительно к христианским памятникам VIII–XI вв. на территории Западного Закавказья с определением его географических границ, источниковедческой базы и описанием исторического фона, на котором оно возникает³.

Как уже отмечалось⁴, при анализе исследовательской литературы, касающейся соотносимых с территорией Абхазского царства памятников средневекового искусства, целесообразно руководствоваться принципом разделения на регионы, согласно современной географической номенклатуре. Так, определенно можно выделить три отдельных пласта научных работ: те, что касаются древностей, расположенных на территории современной Абхазии; труды по археологии Сочинского района Краснодарского края и исследования по памятникам Тао, Кларджетии и других регионов Западной Грузии (ныне, частично, Турции). Для того, чтобы представить уровень изученности рассматриваемого вопроса, приведем краткие историографические очерки по каждому из вышеозначенных регионов.

Е.Ю. Ендольцева – кандидат искусствоведения; docteur en histoire de l'art et archeologie de l'universite de Paris X–Nanterre, France; старший научный сотрудник Санкт-Петербургского отделения Российского института культурологии.

¹ Исследование проводилось на средства гранта РГНФ 10-04-00581 а/А.

² Ендольцева Е.Ю. Христианское искусство Абхазского царства: предварительные рассуждения // Христианство в регионах мира. (Христианская архаика). Вып. 3. СПб., 2011, с. 351–362.

Автор благодарит за помощь в подготовке данного материала сухумского археолога и историка-краеведа А.С. Агумаа, а за консультации – Д.В. Белецкого.

³ Там же, с. 351–353.

⁴ Там же, с. 353.

История изучения средневековых древностей Абхазии достаточно богата¹. Как известно, основы научного подхода к этому сюжету были заложены еще в первой половине XIX века учеными-путешественниками. Ценность их трудов заключается прежде всего в качественной фиксации тогдашнего состояния впервые описанных ими памятников². Эру археологического изучения памятников не только Абхазии, но и Закавказья в целом открывают систематические экспедиции П.С. Уваровой, организованные при содействии Московского археологического общества³. Благодаря самоотверженному труду этой женщины в научный оборот были введены многие средневековые памятники не только архитектуры, но и каменной пластики Абхазии⁴. В данной работе также участвовали сухумский краевед В.И. Чернявский⁵, академик архитектор А.М. Павлинов⁶ и археолог В.И. Сизов⁷. В деле описания, фиксации и первичного анализа форм христианских храмов Абхазии принимал участие и знаменитый архимандрит Леонид (Кавелин)⁸. Особенно интересно составленное им первое подробное описание древностей города-крепости Анакопия⁹. Средневековая храмовая архитектура Абхазии привлекала внимание и Н.П. Кондакова¹⁰. Тогда же были сделаны

¹ Хрушкова Л.Г. Раннехристианские памятники Восточного Причерноморья. М., 2002, с. 13–15.

² Dubois de Monpéroux F. Voyage autour du Caucase chez les Tcherkesses et les Abkhases en Colchide, en Géorgie, en Arménie et en Crimée. Paris, 1839; Atlas. Neuchatel, 1843; Brosset M. Rapports sur un voyage archéologique dans la Géorgie et dans l'Arménie, exécuté en 1847–1848. Rapports 4–12. Spb., 1851.

³ Уварова П.С. Кавказ (Абхазия, Аджария, Шавшетия, Псховский участок). Путевые заметки. Т.4. М., 1891.

⁴ Уварова П.С. Христианские памятники Кавказа // МАК. Вып. IV. М., 1894.

⁵ Чернявский В.И. Записка о памятниках Западного Закавказья, исследование которых наиболее настоятельно // Протоколы Подготовительного комитета V Археологического съезда в Тифлисе. М., 1879.

⁶ Павлинов А.М. Путевые заметки (экспедиция на Кавказе 1888) // МАК. Вып. III. М., 1893.

⁷ Сизов В. Восточное побережье Черного моря // МАК. Вып. II. М., 1889.

⁸ Леонид [Кавелин Л.А.]. Абхазия и ее христианские древности. М., 1887.

⁹ Леонид [Кавелин Л.А.] Абхазия и в ней Ново-Афонский Симоно-Кананитский монастырь. М., 1885.

¹⁰ Кондаков Н. П. Древняя архитектура Грузии // Труды МАО. VI. М., 1876, с. 6.

первые попытки монографического изучения архитектурных памятников¹.

Археологическое изучение средневековых древностей Пицунды и Нового Афона было продолжено в первые послереволюционные годы². После окончания Великой Отечественной войны начался период особенно интенсивного археологического изучения памятников этого исторического периода, что стало возможным во многом благодаря деятельности известного абхазского археолога М.М. Трапш. Именно он в полевой сезон 1957–1958 гг. возглавлял работы по археологическому изучению крепости Анакопия. Несмотря на то, что основным объектом исследования были оборонительные сооружения крепости, ученый внес серьезный вклад в изучение древней истории этого города-крепости, а также открыл и зафиксировал руины нижней церкви³. Не менее важную роль в истории изучения средневекового искусства Абхазии сыграл выдающийся искусствовед и археолог Л.А. Шервашидзе. Этот человек внес серьезный вклад в изучение архитектуры Абхазского царства и ввел в научный оборот отдельные культовые памятники⁴, а также стал автором первого обобщающего

¹ Ермолаева О.О Бедийском храме. Сухум, 1913.

² Башкиров А.С. Археологические изыскания в Абхазии летом 1925 года // ИАНО. Т. IV. Сухуми, 1926, с. 3–60.

³ Трапш М.М. Материалы по археологии средневековой Абхазии // Труды. Т. 4. Сухуми, 1975, с. 49–61.

⁴ Шервашидзе Л.А. Церковь в с.Акапа (Одиши) около Сухуми // Труды АБИЯЛИ. Т. XXX. Сухуми, 1959, с. 115–120; Шервашидзе Л.А. Мапаш Охуаме в с. Царче // Тезисы докладов на XVII научной сессии АБИЯЛИ. Сухуми, 1966, с. 11–12; Шервашидзе Л.А. Цкелкари (Ацкар) // Материалы по археологии Абхазии. Тб., 1967, с. 39–64; Шервашидзе Л.А. Неизвестный храм на горе Амбара Гудаутского района около села Хуап // XVII научная сессия Абхазского института. Тезисы докладов. Сухуми, 1969, с. 19–20; Шервашидзе Л.А. Резные камни церкви на холме Арасарху близ Цебельды // Известия АБИЯЛИ. Т. IV. Тб., 1975, с. 81–99; Шервашидзе Л.А. Археологические раскопки в крепости Абаанта // ПАИГ в 1976 г. Тб., 1979, с. 43–45; Шервашидзе Л.А. Исследование средневекового храма Ауахуамахуы в с. Октомбери Абхазской АССР // Материалы сессии, посвященной итогам археологических и этнографических исследований 1964 в СССР. (Тезисы докладов). Баку, 1965, с. 145–146; Шервашидзе Л.А. Церковь св. Николая в с. Хуап Гудаутского р-на // Доклады на всесоюзной сессии археологов и этнографов. М., 1968, с. 23–24; Шервашидзе Л.А. Отапский храм // Тезисы докладов, посвященных итогам полевых археологических исследований в 1970 г. в СССР. Тб., 1971, с. 219–220; Шервашидзе Л.А. Аилага–Абыху. Средневековый монастырский комплекс в с. Бамбора // IV международный симпозиум по грузинскому искусству. Тб., 1983, с. 8.

труда по монументальной живописи рассматриваемого региона¹. Им также были предложены варианты атрибуции отдельных скульптурных фрагментов². В это же время начинается археологическое изучение Моквского собора, а также продолжается процесс открытия и изучения новых памятников средневековой храмовой архитектуры³. Продолжаются исследования памятников монументальной живописи⁴. Раскопки позднеантичных слоев комплекса Пицундского храма⁵ стимулировали изучение и его средневековой части⁶. Процесс накопления материала по единичным памятникам⁷ приводит к попыткам систематизации и анализа, которые начинаются десятилетие спустя. Так, Л.Д. Рчеушвили публикует обобщающий труд, касающийся средневековых купольных церквей Абхазии⁸. Тогда же появляется исследование по скульптуре этого региона⁹.

Процесс плодотворного изучения средневековых христианских древностей в Абхазии, достигший своего расцвета в 60–80-е годы XX века, был прерван из-за военного грузино-абхазского конфликта (1992–1993). Эти события привели к трагическим последствиям. Погибли ценнейшие архивные материалы, пострадали многие памятники.

В последние годы возобновились археологические исследования средневековых церквей. Силами сотрудников АБИГИ и Управления охраны историко-культурного наследия Республики Абхазия изуча-

¹ Шервашидзе Л.А. Средневековая монументальная живопись в Абхазии. Тб., 1980.

² Шервашидзе Л.А. Столб из села Анухва // Труды АГМ. Вып. IV. Сухуми, 1974, с. 176–185.

³ Кацян А.К. Памятники архитектуры в долине Цкуара // Материалы по археологии Абхазии. Тб., 1967, с. 65–90; Пачулия В.П., Кацян А.К. Моквский собор (968–1968). М., 1968; Кацян А.К. Илори. Сухуми, 1963.

⁴ Шмерлинг Р.О. К вопросу датировки росписи храма Бедия // САНГ. Т. XVIII. Тб., 1957, № 4.

⁵ Агрба З.В., Лордкипанидзе Г.А. Раскопки на территории комплекса Пицундского храма // Археологические открытия 1980 года в Абхазии. Тб., 1982, с. 26–31.

⁶ Якобсон А.Л. О дате большого храма в Пицунде (Абхазия) // КСИА. Вып. 132. М., 1972.

⁷ Бгажба О.Х., Воронов Ю.Н. Исследования средневековых памятников в Цебельде // Археологические открытия в Абхазии 1981–1982 гг. Тб., 1985, с. 27–34.

⁸ Рчеушвили Л.Д. Купольная архитектура VIII–X вв. в Абхазии. Тб., 1988.

⁹ Хрушкова Л.Г. Скульптура раннесредневековой Абхазии: V–X века. Тб., 1980.

ются и вводятся в научный оборот ранее неизвестные объекты¹. Возобновилось археологическое изучение Моквского собора². Началось полевое исследование Бедийского храма³. Активно обсуждаются теоретические и концептуальные проблемы средневекового христианского искусства Абхазии⁴.

Л.Г. Хрушковой была сделана попытка обобщить накопленный материал⁵, однако в ее монографии, опубликованной на французском языке, основной акцент сделан на позднеантичные памятники. Средневековая часть представлена, как нам кажется, слишком обоб-

¹ Агумаа А.С., Бжания В.В., Бжания Д.С., Хондзия З.Г., Сакания С.М., Канделаки Д.А. Остатки храма в селе Микельрипш // 50-я итоговая научная сессия (25–27 апреля). Тезисы докладов. Сухум, 2006, с. 23–24; Барцыц Р.М., Агумаа А.С. Археологические исследования в селе Лдзаа // АО 2007 года. М., 2010, с. 560; Барцыц Р.М. Охранные археологические исследования в с. Лдзаа Гагрского района // Вторая Абхазская международная археологическая конференция (8–12 ноября 2008 г.). Посвящена памяти М.М. Трапш. Проблемы древней и средневековой археологии Кавказа. Материалы конференции. Сухум, 2011, с. 215–217; Бжания В.В., Агумаа А.С., Барцыц Р.М., Бжания Д.С., Бирюков Ю.Д., Канделаки Д.А., Сакания С.М., Хондзия З.Г. Исследования Управления охраны историко-культурного наследия // АО 2006 года. М., 2009, с. 716–721; Сакания С.М. Кячский храм // Тезисы докладов научной сессии АГМ. Сухум, 1988, с. 16–17; Сакания С.М. Храм в с. Пшоухва // 50-я итоговая научная сессия (25–27 апреля). Тезисы докладов. Сухум, 2006, с. 44–45; Сакания С.М. Притвор залной церкви в с. Джал // Проблемы хронологии и периодизации археологических памятников и культур Северного Кавказа. XXVI «Крупновские чтения» по археологии Северного Кавказа. Магас. 26–30 апреля 2010 года. Тезисы докладов. с. 317–319.

² Бгажба О.Х., Сакания С.М. Результаты археологических раскопок в Моквском храме 2006 г. // Юбилейные XXV «Крупновские чтения» по археологии Северного Кавказа. Тезисы докладов. Владикавказ, 2008, с. 35–41.

³ Агумаа А.С., Бгажба О.Х., Сакания С.М. Археологические работы в Бедийском храме в 2011 году // Третья Абхазская Международная археологическая конференция, посвященная памяти Г.К. Шамба «Археология и охрана наследия Восточного Причерноморья и сопредельных территорий», 28 нояб.–1 дек. 2011 г. (в печати); Агумаа А.С., Бгажба О.Х., Сакания С.М. Археологические раскопки в Бедийском храме в 2011 году // АО 2011 года (в печати).

⁴ Сакания С.М. Бзыбский храм и происхождение крестово-купольной формы // Тезисы докладов АБИГИ. Сухум, 2001; Сакания С.М. Хронологические параллели Лыхненского и Зеленчукского храмов // Древний Кавказ: ретроспекция культур. Международная научная конференция, посвященная 100-летию со дня рождения Е.И. Крупнова. (XXIII Крупновские чтения по археологии Северного Кавказа). Тезисы докладов. М., 2004, с. 177–178.

⁵ Khroushkova L. Les monuments chrétiens de la côte orientale de la mer Noire. Abkakhzie IV–XIV siècles. Turnhout, 2006.

щенно, единым блоком, без учета особенностей отдельных исторических периодов¹. К тому же предложенные варианты датировки некоторых объектов вызывают серьезные возражения². Прежде всего это касается вопроса об идентификации и определении исторического контекста лапидарной коллекции, собранной в алтаре церкви св. Феодора в цитадели крепости Анакопия. В недавно опубликованном сборнике³, посвященном Анакопийской крепости, изложены, в частности, результаты комплексного анализа её архитектурной пластики (в основу этого исследования легли некоторые статьи прошлых лет)⁴. Сделанные выводы базируются также и на результатах недавних локальных археологических исследований, проводившихся на территории крепости⁵. Весь собранный материал свидетельствует в пользу того, что рельефы коллекции составляют однородную группу, которую можно датировать XI в. (за исключением двух надгробных плит, относящихся скорее к IX в.)⁶. Никаких следов раннехристианских памятников, как это предполагала Л. Г. Хрушкова, обнаружено не было.

¹ Там же, с. 89–157.

² Ендольцева Е.Ю. Рельефы Анакопии и архитектурная пластика Абхазского царства: к постановке проблемы // Византийский временник. Том 68(93). М., 2009; Ендольцева Е.Ю. Об изображениях пророчества Исайи (11:6–9). Рельеф из Абхазского государственного музея в г. Сухуме // Проблемы хронологии и периодизации археологических памятников и культур Северного Кавказа. XXVI «Крупновские чтения» по археологии Северного Кавказа. Магас. 26–30 апреля 2010 года. Тезисы докладов. с. 129–132.

³ Искусство Абхазского царства VIII–XI веков. Христианские памятники Анакопийской крепости. Отв. ред. и сост. Е.Ю. Ендольцева. СПб., 2011.

⁴ Ендольцева Е.Ю. Об одном мотиве украшения алтарных преград в Западном Закавказье // Вторая Абхазская международная археологическая конференция (8–12 ноября 2008 г.). Посвящена памяти М.М. Трапш. Проблемы древней и средневековой археологии Кавказа. Материалы конференции. Сухум, 2011, с. 127–130; Ендольцева Е.Ю. Изображение рыбы в фасадной пластике Абхазского царства: символика образа // Проблемы археологии Кавказа (к 70-летию Ю.Н. Воронова). Сборник материалов Международной научной конференции, посвященной 70-летию Ю.Н. Воронова (10–11 мая 2011 г., г. Сухум). Сухум, 2011, с. 170–178; Endoltseva E. Image of Afterlife in Medieval Plastic Art of Abkhazia // Iconography of death. IKON. Journal of iconographic studies/ ed. M. Vicelja – Matijašić. Vol. 4. Rijeka, 2011, P. 19–27.

⁵ Агумаа А.С., Бражба О.Х., Сакания С.М., Сангулия Г.А. Охранные археологические работы в Новом Афоне в 2011 году // АО 2011 года (в печати).

⁶ Искусство Абхазского царства..., с. 87–209.

Наряду с этим стало возможным, благодаря привлечению эпиграфических данных и дополнительному анализу конструктивных особенностей, уточнить датировки некоторых памятников (к примеру, храма Айлага-Абыку в с. Бамбора)¹. Активное внедрение естественнонаучных методов делает возможным в перспективе уточнить датировки и других средневековых объектов².

Начальный этап фиксации и открытия христианских средневековых памятников Сочинского района Краснодарского края хронологически совпадает с аналогичным этапом изучения древностей Абхазии. Более углубленное археологическое изучение объектов связывают с именем Ю.Н. Воронова³. В последние годы можно констатировать усиленное внимание исследователей к изучению храмов этого района⁴. Делаются попытки сопоставления архитектурных форм храма в Лоо с абхазскими соборами того же времени⁵. В связи с подготовкой к Олимпиаде в Сочи в 2014 году ведется активное археологическое исследование церквей Сочинского района⁶. В рамках

¹ Белецкий Д.В., Виноградов А.Ю. Бомборский храм – «купольный зал» и царский заказ // Новейшие открытия в археологии Северного Кавказа: исследования и интерпретации. XXVII Крупновские чтения. Материалы международной научной конференции. Махачкала, 2012, с. 271–273.

² Требелева Г.В., Юрков Г.Ю. Цвинария И.И., Агумаа А.С., Кайтан Ш.Г. Средневековые памятники Абхазии: попытка применения естественнонаучных методов (химанализа) для решения проблемы датировки // Материалы III (XIX) Всероссийского археологического съезда 24–29 октября 2011. Т. 2. Великий Новгород – Старая Русса, 2011, с. 409–410.

³ Воронов Ю.Н. Древности Сочи и его окрестностей. Краснодар, 1979.

⁴ Овчинникова Б.Б. Средневековый храм в поселке Лоо, город Сочи // Проблемы на прабългарската история и култура. 4–1. София, 2007; Цокур И.В. О реставрации фундаментов христианских храмов у х. Ильич в Отрадненском районе // Археологические исследования на новостройках Краснодарского края. Вып. 1. Краснодар, 2001.

⁵ Бирюков Ю.Б. Кафедральный собор в Пицунде и его место в архитектуре Абхазского царства // Архитектурное наследство. Вып. 49. Москва, 2008, с. 25–47.

⁶ Василенко Д.Э. Олимпиада 2014 г. и памятники археологии эпохи средневековья вья междуречья Псахо и Кудепсты (г. Сочи): исследование, консервация, реставрация с целью использования в культурном туризме // Отражение цивилизационных процессов в археологических культурах Северного Кавказа и сопредельных территорий. (Юбилейные XXV «Крупновские чтения» по археологии Северного Кавказа). Тезисы докладов. Владикавказ, 2008, с. 75–80; Василенко Д.Э., Хрушкова Л.Г. Новый памятник раннесредневековой архитектуры Кавказского Причерноморья: базилика близ Адлера // Отражение цивилизационных процессов в археологических

исследовательского проекта по изучению христианских памятников этого региона под руководством московского археолога Е.А. Армарчук проводится планомерная работа по анализу накапливаемого материала¹.

Как и в предыдущем случае, начальный этап накопления знаний о средневековых христианских памятниках Западной Грузии в целом совпадает с тем, что было сказано относительно Абхазии. Зачастую эти два региона рассматривались в рамках одного и того же исследования. Одна из первых обобщающих работ на эту тему, в которой приводятся также точные сведения о каждом из памятников – это труд Н.П. Северова². Проработав продолжительное время профессором архитектуры в Тбилисской Академии художеств (1922–1948 гг.), исследователь основал школу научного изучения памятников средневековой архитектуры Грузии. Его совместные работы с Г.Н. Чубинашвили, классиком грузинского искусствоведения, заложили основы типологического анализа памятников архитектуры этого региона³. Примечательны также монографическое исследование Г.Н. Чубинашвили, касающееся храма в Чкондиди (Мартвили)⁴, и его труд, по-

культурах Северного Кавказа и сопредельных территорий. (Юбилейные XXV «Крупновские чтения» по археологии Северного Кавказа). Тезисы докладов. Владикавказ, 2008, с. 81–84; Армарчук Е.А. Раскопки христианского храма на г. Сахарная Головка под Адлером // Отражение цивилизационных процессов в археологических культурах Северного Кавказа и сопредельных территорий. (Юбилейные XXV «Крупновские чтения» по археологии Северного Кавказа). Тезисы докладов. Владикавказ, 2008, с. 11–12; Армарчук Е.А. Черепица из раскопок средневекового храма на г. Сахарная Головка в окрестностях Адлера // Материалы и исследования по археологии Северного Кавказа. Вып. 10. Армавир, 2010, с. 81–98; Василенко Д.Э. О времени возведения церкви у родника Крион Нерон (с. Лесное, Адлерский район г. Сочи) (к вопросу о генезисе храмов плана «сroix libre» на Северном Кавказе) // Проблемы хронологии и периодизации археологических памятников и культур Северного Кавказа. XXVI «Крупновские чтения» по археологии Северного Кавказа. Магас. 26–30 апреля 2010 года. Тезисы докладов, с. 76–78.

¹ Армарчук Е.А. Памятники Северо-Восточного Причерноморья X–XIII вв. // Археология: Крым, Северо-Восточное Причерноморье и Закавказье в эпоху средневековья. IV–XIII вв. М., 2003, с. 209–212, табл. 94.

² Северов Н.П. Памятники грузинского зодчества. М., 1947.

³ Северов Н.П., Чубинашвили Г.Н. Памятники грузинской архитектуры. Кумурдо и Никорцминда. М., 1947.

⁴ Чубинашвили Г.Н. Памятники типа Джвари. Тб., 1948.

священный чеканному искусству Грузии¹, где исследователь устанавливает связь между чеканными узорами и архитектурным орнаментом.

Среди последователей и учеников Н.П. Северова – профессора Р.С. Меписашвили и В.Г. Цинцадзе². Совместно они написали исследование о соборе в Кутаиси³. В. Цинцадзе исследовал также и архитектурные особенности некоторых памятников Верхней Рачи⁴. Несколько примечательных статей, касающихся памятников X века в этом регионе, принадлежат перу Л.Д. Рчеушвили⁵. Другой ученик Н.П. Северова В. Беридзе опубликовал исследование о памятниках Тао-Кларджети, среди которых он рассматривает и собор в Кумурдо⁶. Интересным опытом обобщения сведений по архитектурным особенностям памятников, в том числе и Западной Грузии, стал труд Д.М. Мшвениерадзе⁷. Среди исследований живописных ансамблей Западной Грузии следует упомянуть коллективную работу по живописи Сванетии⁸ и альбом Т.С. Шевяковой⁹.

III. Амиранашвили в своей «Истории грузинского искусства» рассматривает памятники как Грузии, так и Абхазии, считая послед-

¹ Чубинашвили Г.Н. Грузинское чеканное искусство. Исследование по истории грузинского средневекового искусства. Тб., 1959.

² Цинцадзе В.Г. Краткий очерк по руководству работами консервации храма Баграта в Кутаиси и некоторые вопросы научного его исследования // *Ars Georgica*. Разыскания Института истории грузинского средневекового искусства. Т. 5. Тб., 1959, с. 111–123.

³ Меписашвили Р.С., Цинцадзе В.Г. Кутаиси. Гелати. Гегути. Тб., 1977.

⁴ Цинцадзе В.Г. Архитектурный памятник в сел. Земо-Крихи // *Ars Georgica*. Разыскания Института истории грузинского средневекового искусства. Т. 6. Тб., 1963, с. 102 (резюме на русском яз.).

⁵ Рчеушвили Л.Д. Один из памятников X в. в Триалетском эриставстве // *Ars Georgica*. Разыскания Института истории грузинского средневекового искусства. Т. 6. Тб., 1963, с. 180 (резюме на русском яз.); Рчеушвили Л.Д. Постройка эристава эриставов Рати в Триалетском Ахалкалаки // *Ars Georgica*. Разыскания Института истории грузинского средневекового искусства. Т. 7. Тб., 1971, с. 127 (резюме на русском яз.).

⁶ Беридзе В. Место памятников Тао-Кларджети в истории грузинской архитектуры. Тб., 1981.

⁷ Мшвениерадзе Д.М. Строительное искусство в древней Грузии. Тб., 1959.

⁸ Аладашвили Н.А., Алибегашвили Г.В., Вольская А.М. Живописная школа Сванетии. Тб., 1983.

⁹ Шевякова Т.С. Монументальная живопись раннего Средневековья Грузии. Альбом. Тб., 1983.

ние «абхазской школой грузинской архитектуры»¹. Подобного взгляда придерживалась и Р. Шмерлинг при анализе памятников каменной пластики². Это мнение разделяет большая часть грузинских и и европейских исследователей. Таковы труды Н. Аладашвили, где подробно описывается репертуар сюжетов, использовавшихся в фасадной пластике храмов³, и обобщающее исследование А. Альпаго-Новелло⁴. К сожалению, в последние годы некоторые интересные исследования по истории архитектуры этого региона публикуются почти исключительно на грузинском языке, что часто затрудняет знакомство с ними⁵. Счастливым исключением является недавно вышедший в свет труд французской исследовательницы грузинского происхождения Н. Яманидзе⁶. Развивая идеи и методы, предложенные еще Р. Шмерлинг, автор, помимо прочего, реконструирует некоторые алтарные преграды грузинских средневековых храмов и предлагает свои версии их датировки.

Рассуждая о современном уровне изученности проблемы, нельзя не отметить, что в большинстве работ памятники рассматриваются по региональному принципу. При этом чаще всего учитываются современные политические границы, а не те государственные образования, которые существовали в изучаемый период. Отрадно отметить некоторый всплеск в последние годы археологической активности на территории Республики Абхазии и в Сочинском районе Краснодарского края, благодаря чему выявлено и введено в научный оборот некоторое количество ранее неизвестных церквей. Учитывая накопленные сведения, кажется необходимым написание обобщающего труда, в котором рассматривались бы памятники не в соответствии с современными политическими границами, а в связи с тем государством, которое существовало на территории трех вышеозначенных ре-

¹ Амиранашвили Ш. История грузинского искусства. М., 1963.

² Шмерлинг Р. Грузинский архитектурный орнамент. Тб., 1954; Шмерлинг Р. Малые формы в архитектуре средневековой Грузии. Тб., 1962.

³ Аладашвили Н. Монументальная скульптура Грузии. Фигурные рельефы V–X веков. М., 1977.

⁴ Alpago–Novello A. Art and Architecture in Medieval Georgia. Louvain la Neuve (Belg.), 1980.

⁵ Хоштария Д. Церкви и монастыри Кларджети. Тб., 2005. (на груз. яз.).

⁶ Iamanidzé N. Les installations liturgiques sculptées des églises de Géorgie (VI–XIII siècles). Turnhout, 2010.

гионов с VIII по XI века. В связи с этим целесообразно, в первую очередь, четко определить круг рассматриваемых памятников.

Кроме того, при изучении христианского искусства Абхазского царства необходимо, прежде всего, определить характер культурных контактов внутри него, а также рассмотреть особенности его взаимодействия с ближайшими соседями и с более отдаленными могущественными державами. Отдельные попытки такого рода уже предпринимались¹. В частности, примечателен опыт сопоставления некоторых особенностей абхазской культовой средневековой архитектуры и зодчества Алании, проделанный Д.В. Белецким и А.Ю. Виноградовым². Перспективным кажется и изучение характера культурных контактов Абхазского царства с соседними княжествами, прежде всего, Тао и Кларджети³. Последние исследования показали также, что корни некоторых изобразительных сюжетов связаны с Арменией и, в более отдаленном прошлом, с Палестиной⁴. В неожиданном свете предстают некоторые зооморфные образы и изображения крестов, происходящие из лапидария на Анакопийской горе. Дело в том, что многие из них, как оказалось, имеют иконографические параллели с группой живописных изображений на территории Каппадокии⁵.

Определяющим также стало влияние культуры Византии. Зачастую отдельные памятники и художественные явления в искусстве рассматриваемой территории могут быть сопоставлены с деятельностью определенных государственных деятелей Византийской империи. Так, важно рассмотреть работы, проводившиеся в крепости Анакопия в 40-е годы XI века, в контексте строительной деятельности императора Константина IX Мономаха, следы которой известны

¹ Перфильева Л.А. К вопросу о генезисе купольных храмов западной Алании X века // Традиции и современность: актуальные проблемы изобразительного искусства и архитектуры. М., 1989, с. 3–16; Перфильева Л.А. К вопросу о византийском влиянии на культовую архитектуру Северо-Западного Кавказа X–XI вв. // Аланы: Западная Европа и Византия. Владикавказ, 1992, с. 180–201.

² Белецкий Д.В., Виноградов А.Ю. Нижний Архыз и Сенты: древнейшие храмы России. Проблемы христианского искусства Алании и Кавказа. М., 2011, с. 255–325.

³ Ендольцева Е.Ю. Рельефы Анакопии..., с. 220–225.

⁴ Ендольцева Е.Ю. Об изображениях пророчества Исайи (11:6–9)...

⁵ Ендольцева Е.Ю. Западное Закавказье и Каппадокия: некоторые иконографические параллели в период Македонской династии. Звери и кресты // РА. 2012. (в печати).

в разных частях его империи. Таким образом, постановка вопроса об изучении такого феномена, как искусство Абхазского царства, видится правомерной. Предложенная выше стратегия может помочь в раскрытии новых сторон уже известных художественных явлений, а также обнаружить пока еще неизвестные их стороны.

Из истории социальных отношений в Абхазии

Политические, социально-экономические, культурно-психологические, идеологические и иные процессы, происходившие в Абхазии и вокруг неё, ставят перед абхазоведением и, в частности, перед исторической наукой, задачу более глубокого и всестороннего изучения абхазского этноса как такового. Ибо именно абхазский народ, как государствообразующая нация, являющаяся главной движущей силой во всех этих процессах, в настоящее время решает сложные задачи, связанные со строительством независимого, правового, демократического государства. Изучение и обобщение опыта, веками накопленного народом в области государственности, в сфере демократии, права, уклада жизни, культуры и т.д., несомненно, даст новый импульс в деле возрождения абхазского этноса и его государственности.

В этом отношении, на наш взгляд, особое внимание следует уделить исследованию традиционной социальной структуры и своеобразие общественной жизни народа. Известно, что уровень и своеобразие социального строя общества играют важнейшую роль в формировании и функционировании самобытной этнической культуры народа.

В первой половине XIX века историческая Абхазия в политическом отношении делилась на две части – на «Большую», или «Внутреннюю Абхазию» и «Малую», или «Внешнюю Абхазию». «Большая Абхазия» занимала территорию между реками Ингуром и Бзыбью, на которую и распространялась власть владетельных князей Абхазии Чачба, а «Малая Абхазия» простиралась от реки Бзыбь до реки Хоста (Хамыш). Сюда в первой половине XIX века власть владетельных князей Абхазии фактически не достигала. Эту часть страны чаще называли Садзен или же Джигетией.

Т.А. Ачугба – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник АБИГИ им. Д.И. Гулиа АН Абхазии, профессор АГУ.

«Большая Абхазия» подразделялась на несколько регионов. В частности, земли *Бзыбь* занимали территорию между реками Бзыбью и Гумистой; *Гума* – между Гумистой и Кодором; *Абжуа* – между Кодором и Охурей; *Самурзакан* – между Охурей и Ингуром. Кроме названных регионов, за пределами прибрежной «Большой Абхазии», в горной части, находились номинально зависимые от владетельской власти Абхазии регионы *Цабал* (Цебельда) и *Дал* – по среднему и верхнему течению р. Кодор и в ближайших к ней ущельях, а также *Псху* – по верхнему течению р. Бзыбь. Жители этих земель и регионов Абхазии в народе и по сегодняшний день именуются соответственно – *бзыбаа* (бзыбцы), *гумаа* (гумцы), *абжуаа* (абжуйцы), *мырзаканаа/самырзаканаа* (мурзаканцы/самурзаканцы), *цабалаа* (цабальцы, цебельдинцы), *далаа* (далцы), *псхуаа* (псхувцы).

Садзен или «Малая Абхазия» делилась на несколько общин: приморские – *Цандрипш*, *Геч*, *Ард*; горские – *Ахчипсоу*, *Айбга*, *Цвидж* и др. Что касается этнического состава населения как «Малой», так и «Большой» Абхазии, то, вплоть до массовой депортации абхазов, он практически оставался мононациональным.

Каждая из названных административно-территориальных единиц исторической Абхазии, как правило, делилась на *акыта* – села. Акыта, по своему устройству, являлась сельской общиной, куда входило несколько поселков – *ацута*, *ахабла*¹. Ацута в редких случаях могло быть представлено и патронимическим поселением, но акыта-село традиционно являлось полигенным поселением. Абхазская сельская община, что весьма примечательно, объединяла все социальные слои населения, представляющие своеобразную иерархию со значительным числом ступеней. В частности, это князья – *ах*, те же – *атауад*, или же *аамстаду* у абазин; дворяне – *аамста*; крестьяне – *анхаю*, *ахоую* (*ахуюы*), *ахашвала* и др. Термин «атауад» вошел в абхазскую лексику из грузинского языка в начале XIX века². Грузинский историк С. Какабадзе распространение данного термина связывает с женой владетельного князя Абхазии Георгия Чачба Тамарой Дадияни и

¹ Дзидзария Г.А. Народное хозяйство и социальные отношения в Абхазии в XIX веке (до крестьянской реформы 1870 г.). Сухуми, 1958, с. 16–17; Инал-ипа Ш.Д. Абхазы. Сухуми, 1965, с. 364–365; Чанба Р.К. Земледелие и земельные отношения в дореволюционной Абхазии. Тбилиси, 1977, с. 89–91.

² Лавров Л.И. Абазины // КЭС. Вып. I. М., 1955, с. 20.

её «дворовыми людьми» («шинакмеби»), привезенными из Мегрелии¹.

Промежуточное положение между дворянами и крестьянами занимали *ашнакума* – представители свободных крестьян, находившиеся на службе в качестве охранников у владельца Абхазии и у некоторых других влиятельных князей. Это термин тоже грузинского происхождения (от вышеупомянутых «шинакмеби»), время его распространения в Абхазии также относится к началу XIX века². Число ашнакума в Абхазии в 1865 г. составило 910 человек, но к 1869 году, перед самой крестьянской реформой, для сохранения и умножения своего богатства и, соответственно, прав, на этот титул претендовало до 1800 человек³.

Самым многочисленным слоем населения страны являлись крестьяне. По данным 1865 г., они составляли около 92 % от общей численности населения. Крестьяне, в свою очередь, по характеру отношения к средствам производства, по своему имущественно-правовому положению, в основном делились на «анхаю», «ахоую» и «ахашвала». Преобладающее большинство крестьян, и, тем самым, всего населения Абхазии, составляли анхаю. В Самурзакане их называли также «пиош», а среди абазин они были известны как «ахаю» (ахаюи). По данным конца 60-х годов XIX века, численность анхаю составляла 47 тыс. человек, то есть более 70 % общего количества (65 тыс. чел.) населения Абхазии⁴.

Немногочисленную категорию «ахоую», именуемую также «агруа» (мегрел), в Абхазии представляли собственно крепостные крестьяне. Имея земельный участок во владение по наследственному праву, ахоую был обязан феодалу отрабатывать в его поместье и платить ренту натурой, а иногда и деньгами.

Еще более низкую прослойку крестьянства составляли крепостные «*амацуразку*» – «обязанные служить» и «*азаты*». Они были весьма малочисленны и малозначимы в обществе.

В социальной жизни Абхазии были зафиксированы также домашние слуги из пленных, взятых во время набегов или войн. Они

¹ Какабадзе С. История Грузии. 1783–1921 гг. Тбилиси, 1997, с. 165.

² Там же.

³ Дзидзария Г.А. Ук. соч, с. 177.

⁴ Там же, с. 182.

были известны под названиями *ахашвала*, *атвы*. Спустя определенное время им выделялись земельные участки и, тем самым, их переводили в категорию крепостных крестьян. По некоторым данным, в конце 60-х годов XIX века общее количество ахашвала в Абхазии составило всего 1300 человек.

Несмотря на противоречивость в характеристике имущественно-правового положения крестьян, многие авторы, в том числе и те, которые специально занимались исследованием их положения в период накануне крестьянской реформы, пришли к выводу, что крестьяне в Абхазии, особенно из категории анхаю, составлявшей приблизительно две трети населения страны, фактически являлись свободными людьми. «Анхае (пиош), – констатировала Сухумская сословно-поземельная комиссия, – суть люди совершенно свободные, пользующиеся в полной мере своими личными и имущественными правами»¹. Поэтому некоторые авторы именовали их не «крестьянами» в обычном понимании этого слова, а «поселянами» или же просто «вольными жителями» и т.п. По выражению А.П. Черепова, анхаю это есть «соль земли абхазской»². А сын последнего владельца Абхазии, писатель Г.М. Чачба (Шервашидзе), называя анхаю «свободными фермерами», подчеркивал, что в прошлом «дворянство и крестьянство жили дружно, при взаимном уважении»³. Вместе с тем, нельзя отрицать, что часть из них все же имела определенные обязательства перед феодалами в виде различных повинностей и «добровольных приношений», перенятые у Турции и России⁴. Но этого, по утверждению А.Н. Введенского, отчасти касавшегося «Большой Абхазии», нельзя было сказать в отношении приморских садзов, псхувцев и ахчипсувцев, которые не отбывали никаких повинностей и являлись «образцами строя жизни обществ абхазского племени»⁵. В той же «Большой Абхазии» от всяких повинностей были свободны анхаю, так называемые «чистые крестьяне» – анхаюцкьа. Более того,

¹ Фадеев А.В. Абхазия в первой четверти XIX века // Труды Одесского государственного университета. Т. I. Одесса, 1939, с. 121.

² Дзидзария Г.А. Ук. соч, с. 182.

³ Шервашидзе Г.М. Открытое письмо агроному Гудаутского участка генералу Ефремову // Сухумский вестник. 29 марта 1917 г., № 62.

⁴ Дзидзария Г.А. Ук. соч, с. 183.

⁵ [Введенский А.Н.] Абхазцы (Азег), по поводу сочинения г. Дубровина «Очерк Кавказа и его населяющих» // ССКГ. Вып. VI. 1872. отд.1, с. 22. прим. 26.

они в ряде случаев сами являлись владельцами крепостных крестьян (анхаюы-хьыпшы).

Сельскую общину возглавлял *ахылапшы* – «покровитель», «патрон». Должность «покровителя» занимали как представители абхазских феодальных и дворянских фамилий, так и представители свободных общинников. Не случайно «Сухумская сословно-поземельная комиссия», разработавшая проект крестьянской реформы в Абхазии на 1870 год, отмечала, что абхазское слово «акыта» означало одновременно и село, и общину «с преобладающим влиянием и значением одного какого-либо лица, одной какой-либо фамилии, тавада или аамиста». Председатель данной комиссии А.П. Черепов считал, что ахылапшы был «обязан собирать сходки (аибабара) для обсуждения мер по охранению союза (ажвлар), предводительствовать в набегах», организовывать народный суд и т.д. Но вместе с тем, что очень важно, права ахылапшы, представителя даже самого высшего сословия, были ограничены, так как он, хотя и являлся первым лицом в акыта, но только «первым между равными»¹.

Поэтому та же Поземельная комиссия с удивлением отмечала, что в Абхазии власть высшего сословия, в том числе, владельца, ограничивалась «общественным устройством», которое было выработано «опытом жизни» народа. «С одной стороны, – говорится в документе, – стояла владетельская власть и иерархия сословий, что придавало феодальный характер учреждениям страны, с другой – являлось выработанное опытом, жизнью народа, противоречащее феодализму общественное устройство, ограничивавшее его, поставлявшее пределы власти владельца и произволу высших сословий...»². Вместе с тем, по данным источников, между сельскими общинами все же прослеживались определенные различия в сфере управления и принятия решения на собраниях. Очевидно, поэтому С.М. Броневский абхазские общины делил на «аристократические» и «демократические» – «вольные общества»³. Хотя вице-адмирал Л.М. Серебряков в начале 50-х годов XIX века форму управления всех без исклю-

¹ Дзидзария Г.А. Ук. соч, с. 143.

² Там же, с. 141.

³ Броневский С.М. Новейшие географические и исторические известия о Кавказе. М., 1823, с. 39–40.

чения абхазских регионов характеризует как «аристократическую», а убыхов и адыгов – как «демократическую»¹.

В первой половине XIX в., вплоть до реформенного периода, акыта являлось своеобразным мини-административным, социально-экономическим и культурным ядром общественного устройства страны в условиях «горского феодализма»². Основой такого объединения и «щадящих» взаимоотношений между различными слоями населения являлась общинная форма землепользования: в частности, общее пользование для всех слоев населения общинными пастбищами и лесами, с одной стороны, и наличие на правах наследственного владения у подавляющего большинства населения приусадебных, пахотных и сенокосных земель – с другой. И, что самое главное, принадлежавшие «поселянину» эти подворно-участковые владения переделу не подлежали³.

Неслучайно отмечалось очевидцами, что в Абхазии не существовало феодальной собственности на землю, а свободные крестьяне – анхаю – являлись фактическими собственниками приусадебных земельных участков. Примечательно, что традиционное право абхазов считало неприкосновенным имущество каждого человека. «Имущество каждого считалась неприкосновенным. Ни владелец, ни владельцы не имели права лишать имущества своих подвластных за какое бы то ни было преступление. Имущество переходило во всяком случае к наследникам, хотя бы они были и самые далекие родственники», – писал Ф. Завадский⁴. Иными словами, крепостное право, как таковое, т.е. в классическом понимании, в Абхазии не существовало⁵. А в смягчении сословных противоречий, равноправии и объединении членов общества в единое целое немаловажную роль играли традиционная для сельской общины соседская взаимопомощь, а также молочное родство между феодалами и крестьянством – аталычество. По словам академика Г.А. Меликишвили, «горские феодалы не владели

¹ АКАК. т. X, с. 233.

² Анчабадзе З.В., Робакидзе А.И. К вопросу о природе кавказского горского феодализма // Иберийско-кавказское языкознание. Т. XVIII. Тбилиси, 1973, с. 111–127.

³ Фон-Дервиз Н.В. Сухумский округ. (Записки бывшего лесничего), с. 30.

⁴ Завадский Ф. Абхазия и Цебельда // Кавказ. 1867, № 60.

⁵ Авалиани С.Л. Крестьянский вопрос в Закавказье. Одесса, 1913. II, с. 70; Лакоба С.З. Лик абхазской жизни // История Абхазии. Учебное пособие. Сухум, 1991, с. 163.

землями и «душами», а в первую очередь осуществляли военные и управленческие функции»¹.

Более или менее равное и справедливое распределение средств производства, в первую очередь, земли, создало в Абхазии довольно устойчивое социально ориентированное общество, сформировало совершенно уникальные взаимоотношения между членами общины, где на первом месте стояли права, честь и достоинство человека. Людей ценили не по социальному происхождению, а по образу жизни, по заслугам. Неслучайно современники отмечали, что в Абхазии «особенным влиянием пользуются лица, заслужившие уважение личными заслугами, достоинством, умом или по своим летам и опытности, – так что голос старика-крестьянина стоит выше голоса молодого, неопытного князя»².

В основном из крестьянского сословия пожизненно избирались медиаторские судьи – *аныха-зфаз* – т.е. «давшие присягу», «известные по своему красноречию, уму, беспристрастию и пользующиеся добрым мнением народа». Эти почитаемые люди, избранные на общем народном собрании, разбирали и принимали решения, как по уголовным, так и по гражданским делам. Все общественные дела обсуждались на народных собраниях, в которых участвовали и представители низшего сословия.

Активное участие в жизни сельской общины представителей практически всех слоев населения, объективное и беспристрастное служение избранников народа, приверженность и глубокое уважение самого народа к своим традициям и нравам, обычному праву предков, во многом обусловили правопорядок в обществе и высокую нравственную чистоту его членов. «В отношении гражданского быта абхазцы держатся преданий старины и укоренившихся обычаев. В нравственном отношении абхазцы отличаются воинственностью, гостеприимством...»³. Примечательно, что пока «коренные абхазские законы... не начали терять свою силу, воровство в Абхазии считалось пороком... случалось редко»⁴.

¹ Меликишвили Г.А. К вопросу о характере древних закавказских и средневековых северокавказских горских классовых обществ // История СССР. 1974, № 6, с. 51.

² Чернышев К. Еще об Абхазии // Кавказ. 1854, № 83.

³ См.: газета «Русский инвалид», 10/22 сентября 1866 г.

⁴ Чернышев К. Ук. соч.

В области прав и свобод членов «акыта» и в целом абхазского общества привлекает внимание почетное положение женщины, образ которой ассоциировался с Матерью-Родиной¹. Женщина, наравне с мужчинами, принимала участие в решении семейных и общественных проблем. «Мало где женщина пользуется таким уважением и такой самостоятельностью, как здесь... Кроме исполнения прямой своей обязанности – поддержания семейного порядка, она всегда принимала участие в политической и общественной жизни своего народа»². Как полагал Ф. Васильков, «в обращении с женщиной и детьми абхазы не только отличаются среди всех народов Кавказа, но, пожалуй, среди многих цивилизованных жителей Европы. Ни одна женщина в мире не пользуется таким уважением, как абхазская»³.

Заслуживает также внимание выработанная веками толерантность абхазов к носителям как традиционной религии, являющейся по своей сути монотеистической⁴, так и христианской и мусульманской религий. Совсем не случайно абхазов некоторые авторы именовали «христиано-магометано-язычниками»⁵. «Абхазцы, – сообщалось в 1866 г. в газете «Русский инвалид», – говорят языком общим абазинскому племени, который отличается от других горских наречий и исповедуют магометанство и отчасти православную веру, придерживаясь в то же время языческих обрядов... Религия ни в коем отношении не налагает различия между жителями Абхазии. Часто в одном семействе находятся христиане и магометане и живут между собою в совершенном согласии»⁶.

Сам факт отсутствия в Абхазии смертной казни, как формы наказания⁷, говорит также о гуманности абхазского общества в целом и и его обычного права, в частности.

В течение многовековой истории народ вырабатывает традиции, которые лежат в основе его культуры, в основе его обычаев и обря-

¹ Из письма К. Чернышева к А.П. Берже «Еще раз об Абхазии» // Кавказ. 1854, № 82.

² В.Ч. Абхазская женщина // Кавказ. 1885, № 62.

³ Васильков Ф. Кавказ и его обитатели. М., 1919, с. 54.

⁴ Крылов А.Б. Религия и традиции абхазов. М., 2001, с. 341.

⁵ Мачавариани К.Д. Сухум и Абхазия // Тифлисский вестник. 1879, № 250.

⁶ См.: газета «Русский инвалид», 10/22 сентября 1866 г.

⁷ Чернышев К. Еще об Абхазии // Кавказ. 1854, № 82.

дов¹. Созданные на реальной социальной почве, испытанные веками национальные обычаи, обряды, традиции стали основой формирования абхазского образа жизни (*абзазашьа*), известного в народе под термином – *апсуара*. В обществе и, особенно, в семейном быту, апсуара, как универсальный и всенародно почитаемый феномен, выполнял и по сию пору играет ведущую роль в воспитании молодого поколения, в сохранении и развитии абхазской этнической идентичности, абхазского национального самосознания². По Т. Лапинскому, характер цивилизации абхазцев подтверждает родство абхазов с индоевропейцами: «они сохраняют личное достоинство и свою независимость, сердечность семейных отношений, привязанность к родной земле, высокую храбрость и отвращение к ненужному кровопролитию...»³.

Что касается «горского феодализма», в частности, отсутствия крепостничества в классическом понимании, как в Абхазии, так и в других горных регионах Кавказа в целом, это следует объяснить тем, что именно такой «незавершенный», «застывший» или же «демократический феодализм» был затребован в той экстремальной военно-политической ситуации, в которой находились на протяжении многих столетий защищавшие себя от внешних угроз горские народы Кавказа. Итальянский автор XVII века Арканджело Ламберти писал: «Абхазы в ожидании нападения обыкновенно спят одетые в броню, с пикой в руках, щит кладут под голову, а оседланную лошадь привязывают у своего ложа»⁴. «Постоянная готовность абхаза с оружием в руках встретить врага или самому напасть, мешает и его мирному течению жизни, и обычным занятиям, которые всегда могут быть нарушены каким-нибудь неожиданным событием...», – писала газета «Черноморский вестник»⁵.

¹ Чибиров Л.А. Традиционная духовная культура осетин. Под редакцией Ю.Ю. Карпова. М., 2008, с. 594.

² Подробнее см.: Инал-ипа Ш.Д. Изучение абхазского народного кодекса «апсуара» // Абза. 1996, № 2; Куправа А.Э. Апсуара – традиционная культура абхазов. Краснодар, 2002.

³ Лапинский Т. Горные народы Кавказа в освободительной войне против России. Личный архив проф. Г.А. Дзидзария. ЦГИА СССР. Ф.833. №10. лл. 106–110. 1940.

⁴ Арканджело Ламберти. Описание Мегрелии. Перевод с итальянского на груз. яз. А. Чкония. Тбилиси, 1938. Изд. второе, с. 168. (на груз. яз.).

⁵ Кровная месть. Из судебной хроники // Черноморский вестник. 1899, № 2.

Слабость, иной раз номинальность владетельской власти в тех или иных регионах Абхазии, вынуждала население страны «к объединению своих прав к ограждению внутренней и внешней безопасности посредством соединения жителей в союзы или общины (акыта), жившие своей особою внутреннею жизнью на основании издавна установившихся взаимных отношений между членами общины»¹. Другими словами, в отличие от крепостного строя, где отношения между членами общества, в том числе, в сфере самообороны, в основном строились на страхе и насилии со стороны феодалов, более или менее равные права и материальные условия жизни людей в обществе «горского феодализма» создавали благоприятный социально-экономический и морально-психологический фон для эффективной коллективной защиты членов этого общества, их семей и в целом народа от внешнего врага. Обычно, в нужное время, каждая абхазская семья, без всякого принуждения, выставляла одного или двух воинов, поскольку защита родины для абхаза считалась первейшим, самым почетным и святым делом. «Абхаз, – писал П.Г. Чарая, – до самозабвения любит свою действительно прекрасную страну... По понятиям абхаза, лучше, чем Апсны, нет другой страны в мире. «Боже сохрани Апсны», – постоянно звучит в устах абхаза и в радости, и в горе»². По информации О. Спенсера, черкесы и абхазы «духом никогда не падают, их подкуп не имеет перспективы, они ни на что не меняют независимость своей Родины». Далее он продолжал: «Они высоконравственны и гостеприимны, но вместе с тем зорко следят за тем, чтобы на их свободу никто не покушался»³.

Первым и главным требованием для водворившегося нового члена общины было принятие присяги, суть которой заключалась в соблюдении общинных правил, защите союза и праве самому пользоваться защитой. При этом община, обычно, шла на увеличение членов своего сообщества за счет «беглых и недовольных», чтобы умножить военную мощь, усилить боевые отряды – «амцахара» из членов общины.

¹ Дзидзария Г.А. Ук. соч, с. 142.

² Чарая П.Г. Абхазия и абхазы (Этнографическое описание) // Иверия. 1888, № 167. (на груз. яз.).

³ Известия К. Коха и О. Спенсера о Грузии и Кавказе. Тбилиси, 1981 (Перевод с нем. на груз. яз.), с. 14.

Проф. Г.А. Дзидзария обращает внимание на роль внутренних факторов в сохранении общинных порядков. Например, отгонного скотоводства: весенние и осенние перегоны скота на большие расстояния по горным дорогам, охрана стад на отдаленных от селений высокогорных пастбищах требовали общинного объединения жителей¹. В этих условиях без общины горец становился совершенно беззащитным, что и являлось «одной из главных причин живучести общинных порядков у кавказских горцев», – писал А.В. Фадеев².

В этом отношении примечателен зафиксированный в Обращении Черкесского меджлиса (с активным участием абхазов) к западным странам от 5 августа 1861 года термин «аррархейская власть», где по определению Ш.Д. Инал-ипа, абх. «ар» означает «войско», «армия», «арра» – досл. «армейское», «армейство», «хы» («ахы») – «голова», «предводитель». Видимо, как предполагал ученый, речь шла о восстановлении абхазской традиции управления страной, когда в одном лице сочетались политическая и военная власть³.

Вместе с тем, необходимо отметить, что, несмотря на то, что Абхазия территориально была разделена на мелкие удельные княжества и сельские общины, абхазское население, в том числе и сами князья и дворяне, которые часто выступали инициаторами расчленения страны, эти раздробленные единицы считало частью единого целого под единоначалием государства Абхазского – Апсны. По словам Р. де Скарпи, князья и дворяне, между которыми «разделена Абхазия», не считают себя абсолютными хозяевами своих владений, «они признают за владетеля кн. Сафир-бея как старшего из фамилии Шервашидзе»⁴. В краткой записке о сословно-поземельных отношениях в Абхазии, подписанной в 1869 г. начальником Кавказского горского управления Д.С. Старосельским, говорится, что «основанием общественного устройства Абхазии и Самурзакани служили многие союзы, на которые делились эти страны, родственные в отношении племенном и составлявшие долгое время одно политическое целое, под управлением владетелей из двух линий фамилии Шервашидзе»⁵.

¹ Дзидзария Г.А. Ук. соч, с. 143.

² Фадеев А.В. Вопросы о социальном строе кавказских горцев XVIII–XIX вв. в новых работах советских историков // ВИ. №5. 1958, с. 135.

³ Инал-ипа Ш.Д. Садзы. М., 1995, с. 41–43.

⁴ АКАК, т. VI, ч. I, с. 658.

⁵ Дзидзария Г.А. Ук. соч, с. 142.

Таким образом, феодальный строй Абхазии, тесно связанный с демократическим вольным обществом убыхо-адыгского мира, резко отличался от феодальной системы как России, так и Мегрелии и других регионов современной Грузии, где крепостничество бытовало в самых жестоких деспотических формах.

Следует отметить, что в письменных источниках XIX столетия, да, пожалуй, и XX века, при характеристике этносоциальной структуры абхазского общества сплошь и рядом отдельные абхазские этнографические группы или территориальные общины, например, садзы, гумцы, самурзаканцы, псхувцы, дальцы, цабальцы и др. ошибочно или умышленно именуются как «племя», а по отношению к отдельным фамилиям применяется термин «род». То же самое наблюдается в отношении к другим горским народам Кавказа. Если следовать строгой научной дефиниции указанных терминов, то племя – это древняя форма этнической общности, состоящая из родов. А род – кровно-родственная группа людей, связанных между собой единым происхождением по материнской или отцовской линии¹. Применение этих терминов в адрес народов или этнических единиц Кавказа в одних случаях можно объяснить низким уровнем исторической науки, а в других – явно прослеживаемой попыткой авторов оправдать колониальную политику царизма по отношению к «отсталым» народам, якобы стоящим на ступени «родоплеменного» строя. На самом же деле, как показывает пример абхазов, мы имеем дело с народом, стоящим более одного тысячелетия на ступени феодального строя, на ступени его особой, специфической формы – «горского феодализма»; с народом, создавшим в раннее средневековье мощное феодальное государство на Кавказе – Абхазское царство. Население отдельных регионов Абхазии в рассматриваемый период неправомерно считать племенами, ибо это были этнографические группы или территориальные общины, которые делились на сельские территориальные единицы – акыта. В акытах функционировали не «роды» (Genz), а фамилии (Femile). По всей вероятности, абхазы – апсуа, пе-

¹ Морган Л.Г. Первобытное общество. М., 1936; Тейлор Э.Б. Первобытная культура. М., 1989; Косвен М.О. Очерки теории первобытной культуры. М., 1957; Андреев И.Л. Происхождение человека и общества. М., 1988; Семенов Ю.И. Как возникло человечество. М., 2002.

ред их массовой депортацией (1864 г.), на территории исторической Абхазии состояли из следующих этнографических групп или территориальных общин: садзаа, бзыпаа, гумаа, псхуаа, цабалаа, далаа, абжуаа, мурзаканаа. Если садзаа, бзыпаа, абжуаа и мурзаканаа можно отнести к этнографическим группам, то все остальные являлись лишь территориальными общинами. Хотя для исследования в этом направлении в дальнейшем ещё предстоит большая работа, в том числе, среди зарубежной абхазской диаспоры, где пока присутствуют компактные поселения потомков выходцев из перечисленных групп. Все эти без исключения этнические единицы «Большой Абхазии» и «Малой Абхазии», несмотря на некоторые различия в языке, обычаях и традициях, представляли единый абхазский этнос – апсуа.

**«Абаза»: между империями.
XIX – начало XX вв.**

Уже в ходе Кавказской войны власти Российской империи приступили к реализации своего плана по «зачистке» Западного Кавказа и его Черноморского побережья от непокорных горцев – адыгов, убыхов, абазин, абхазов и изгнанию их в Османскую империю. Важной составляющей этого плана являлось создание военной опоры Российской империи в этом благодатном крае, на роль которой прочили казаков – российское военное сословие, и с этой целью селили их на землях изгоняемых в Турцию адыго-абхазских народов. Об этом свидетельствуют следующие документы Российского государственного архива Военно-морского флота (РГА ВМФ): «Проект «Положения о прибрежных казаках за 1834 г.»»; «Проект положения о «прибрежных казаках», составленный начальником главного действующего отряда российских сухопутных войск на восточном берегу Черного моря генерал-лейтенантом Н.Н. Раевским; «О разработке положения о казачьих поселениях на побережье Абхазии», «О рассмотрении проекта генерал-лейтенанта Н.Н. Раевского о поселении казаков на восточном берегу Черного моря»¹. В свою очередь, известный российский исследователь Абхазии Ф.Ф. Торнау упоминает о нападениях русских войск на абхазо-абазинские селения: на Бибердов аул, существовавший «до 1829 г., когда... (был) разорен русскими войсками... часть жителей отведена в плен, остальные погибли»; на башилбаевцев – общество абазин в 1834 г, на селение Шегирей в 1837 г. по приказу генерала Засса, на Лоовов аул, чье «общество бы-

А.Ш. Кадырбаев – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Отдела истории Востока Института востоковедения РАН.

¹ Российский государственный архив Военно-Морского флота (РГА ВМФ). Фонд Меншикова А.С. Структурная часть Кавказский Отдел, ф. 19, оп. 4, ед.хр. 383, лл. 38–58; Фонд управления главного командования Черноморского флота и портов Черного моря, ф. 243, оп. 1, ед.хр. 3918, лл. 24–44; л. 201; Фонд Меншикова А.С., ф. 19, оп. 4, ед.хр. 383, лл. 7–16.

ло многочисленно и богато... и русское оружие значительно уменьшили народонаселение его и богатство»¹.

В этой связи Ф.Ф. Торнау приводит сведения об абхазах и абазинах как о воинах: «Места, занимаемые ими, горы и леса сделали из них пеших воинов и хороших стрелков; особенно отличаются цельной стрельбой медовеевцы (абхазо-абазинское племя. – А.К.). В чем им должно отдать полную справедливость, как и в неутомимости, с которыми делают по горам пешие переходы. Конницы у них нет: недостаток в пастбищных местах не позволяет иметь лошадей, и только князья и уздени обладают оными в небольшом количестве. Вообще дерутся только по лесам и... стараются ставить засады...»².

Заметна была роль в завоевании Абхазии Черноморского флота России во время Кавказской войны. В 1833 г. корабли Черноморского флота обеспечили успех Абхазской военной экспедиции, перебросив десант российских войск к берегам Абхазии. За что личный состав морского (военно-морского - Авт.) министерства, принимавший участие в экспедиции, был в том же году награжден «за мужество, проявленное в борьбе с горцами у берегов Абхазии». Боевые действия у берегов Абхазии, в которых активно участвовали корабли Черноморского флота, продолжались в 1834 – 1835 гг. Не принесли спокойствия и мира в Абхазию и следующие 1836 и 1837 гг. 1836 г. отмечен крупным боестолкновением российского сухопутного отряда и команды тендера «Быстрый» с горцами у укрепления Дранды, а 1837 г. – боем люгера «Глубокий» под командованием лейтенанта Шпаковского с горцами у берегов Абхазии, о чем сообщает в своем письме участник Кавказской войны, великий русский поэт, поручик М.Ю. Лермонтов. В 1837 г. фрегат «Азов» Черноморского флота перебрасывал с Константиновского мыса российские войска в Сухум-кале – Сухумскую крепость и вывозил оттуда раненных в Редут-кале. Наглядно иллюстрирует боевые действия в Абхазии в 1838 г. документ РГА ВМФ «О высадке десанта в Шапсухо», рассказывающий о сражении, в котором был ранен Е.В. Путятин, будущий адмирал и известный государственный деятель России – посол в Персии, Японии, Китае, министр народного просвещения. Тогда, за участие в боевых действиях в Абхазии, где он командовал флотским десант-

¹ Дзидзария Г.А. Ф.Ф. Торнау и его кавказские материалы XIX века. М., 1976, с. 112.

² Там же, с. 103, 124.

ным батальоном и кораблями Черноморского флота фрегатом «Агатополь» и «Силистрия», поддерживавшими огнем корабельных орудий десанты русских войск у мыса Адлер, в местностях Субаши, Шахо и Шапсухо, Путятин получил пулевое ранение в ногу и был повышен в чинах, сначала до капитана 2-го, а затем и 1-го ранга¹.

Причем бои происходили не только на суше, но и на море. В 1834 г. корвет «Месемврия» и бригантина «Нарцисс» задержали у берегов Абхазии три турецких судна, подозреваемых в контрабанде оружия для горцев. 21 августа 1836 г. российские военные корабли потопили две галеры горцев. Ситуация у берегов Абхазии тогда также осложнялась происками британских спецслужб. По донесениям из посольства России в столице Османской империи Стамбуле от 1 октября – 23 декабря 1837 г., стало известно о враждебных замыслах абхазов против российских властей и о проникновении на восточное побережье Черного моря двух британских офицеров. В одном из донесений, составленных подполковником Манагари, давалось описание мест на восточном побережье Черного моря, удобных для производства запрещенной российскими властями контрабандной торговли, в том числе и оружием.

И после Кавказской войны ситуация на Западном Кавказе для российских властей продолжала оставаться сложной, о чем сообщает документ от 18 – 23 ноября 1863 г. «О принятии мер по предотвращению предполагаемого захвата одного из судов Русского общества пароходства и торговли горцами»².

Первыми из горцев Западного Кавказа были подвергнуты российскими властями депортации абазины. В июле 1861 г. общества абазин Кызылбек, Башилбай, Баг, Шегирей, Баракай и Там, общим числом около 30 тыс. человек, под войсковым конвоем были препро-

¹ РГА ВМФ. Фонд Инспекторский департамент, ф. 283, оп. 1, ед.хр. 2957, л. 1–145, Фонд Меншикова А.С. ф. 19 оп. 1, ед.хр. 168, с. 48–49; ед.хр. 4149. л. 1–7; Фонд Управления главного командования Черноморского флота и портов Черного моря, ф. 243, оп. 1, ед.хр. 3170, лл. 710; Фонд «Всеподданнейшие отчеты по флоту и Морскому ведомству», ф. 167, оп. 1, ед.хр. 9, лл. 47–48 б.

² Там же. Канцелярия Главного Морского штаба, ф. 205, оп. 1, ед.хр. 1631, л. 1–13; Там же. Фонд Высочайшее повеление, ф. 227, оп. 1, ед.хр. 169, лл. 67–68 б; Фонд Меншикова А.С., (письмо М.Ю. Лермонтова), ф. 19, оп. 2, ед.хр. 125; ф. 243, оп. 1, ед.хр. 3751, л. 3–8, 23; ф. 410, оп. 2, т. 2, ед.хр. 2666. Канцелярия Морского министерства. 1836–1918 гг. СПб.

вождены в Сухум-кале, откуда их отправили в Османскую империю. О депортации горцев в Османскую империю свидетельствуют документы РГА ВМФ: «3 апреля – 30 июня 1865 г. О переселении горцев с восточного берега Черного моря в Турцию, принятии мер к усилению наблюдения за побережьем для предотвращения попыток многих из них вернуться в Россию»; «О перевозке горцев в Турцию с Кавказа на судах Черноморского флота»¹.

Свою долю ответственности в исходе адыгов, убыхов, абхазов и абазин со своей родины несут и власти Османской империи, зачастую провоцировавшие их покидать Западный Кавказ, небезосновательно рассчитывая получить в их лице боеспособные воинские контингенты для защиты своих владений.

Боевые действия происходили у берегов и на берегах Абхазии и во время очередной русско-турецкой войны. В 1877 г. в Абхазии получил боевое крещение молодой лейтенант российского Военно-Морского флота С.О. Макаров, будущий адмирал и знаменитый российский флотоводец. 22 августа 1877 г. Макаров был награжден золотой саблей с надписью «за храбрость» за содействие отряду полковника Шелковникова при взятии высот у Гагринских проходов. 7 октября того же года Макаров был произведен в очередное звание капитан-лейтенанта досрочно и награжден орденом Святого Георгия 4-й степени «за отличие при атаке (российскими. – А.К.) минными катерами турецкого броненосца в ночь на 12 августа 1877 г. у Сухума»². Тогда впервые в истории войн на море было применено торпедное оружие, называемое в то время «минным», изобретателем которого был С.О. Макаров, что обеспечило победу российским военным морякам.

Абхазы и абaziны, называемые в Турции общим именем «абаза», также принимали участие в этой войне, но по другую сторону баррикад. В рапорте главнокомандующего османской армией генерала Ахмеда Мухтар-паши от 7 августа 1877 г. сообщалось, что в сражении при Яхнилере «удивительное мужество проявили... полк черке-

¹ Там же. Фонд Макарова С.О., вице-адмирала, ф.17, оп. 1. 27 дек. 1848 г. – 31 марта 1904 г.

² Там же, фонд канцелярии Морского министерства. Распорядительная часть, ф. 410, оп. 2, ед.хр. 2405, лл. 8; ед.хр. 2450, лл. 28; ед.хр. 2396, лл. 27; ед.хр. 2712, лл. 41, А105. апрель 1864 г.; ф. 1079, оп. 1, ед.хр. 31, лл. 1–13; ед.хр. 1465, лл. 34.

сов из Карса и абазинский полк из Сиваса...». Османским десантом в Абхазию в 1877 г., направленным на поддержку вспыхнувшего тогда восстания абхазов против российских властей и сформированным почти исключительно из абхазов, убыхов и адыгов, ранее изгнанных в Турцию, командовали полковники турецкой армии – абхазы Хасан Чачба и Маан Камлат. А генерал абхаз Бьжнау Мухлис-паша командовал второй османской пехотной дивизией в боях с русскими войсками под Карсом, где происходили, как и на Балканах и в Абхазии, ожесточенные сражения русско-турецкой войны 1877–1878 гг. Генерал Сулейман-паша Чачба (1838–1881) командовал в этой войне Дунайской армией османов, затем стал начальником военной школы в Стамбуле.

За участие в восстании абхазы были признаны царским правительством «виновным населением». Им было запрещено жить в прибрежной полосе у Черного моря и менее чем в 20 верстах от Сухума. До 50 тысяч абхазцев вынуждено было покинуть Абхазию и эмигрировать в Османскую империю. Множество абхазских сел опустело, а Сухум и окрестности обезлюдели. «Виновность» с абхазского народа была снята российским правительством только в 1907 г.

Генерал-абхаз Назым-паша Басарь был главнокомандующим османской армией в первой Балканской войне, которую в начале XX в. Османская империя вела с коалицией балканских государств – Грецией, Болгарией, Черногорией и Сербией. Среди абхазов в Османской империи были не только военные, упомянутый Сулейман-паша Чачба был также профессором, родственник Назыма-паши Симон Басарь, подписывавшийся псевдонимом «Апсуа», прославился как просветитель и ученый, Феткери Ашанба издал ряд книг и брошюр, посвященных Кавказу.

В 1913 г. в Стамбуле был создан Абхазско-черкесский комитет, ставивший культурно-просветительные задачи: составление алфавитов и учебников абхазского и адыгского языков, сбор этнографического материала, организация народных игр и т.д.¹. Были изданы буквари на абхазском и адыгском языках.

Известно об абхазском происхождении двух братьев – Халил-паши, ставшего капудан-пашой – адмиралом и командующим воен-

¹ Дзидзария Г.А. Махаджирство и проблемы истории Абхазии XIX столетия. Сухуми, 1982, с. 497.

но-морским флотом Османской империи, и Саид-паши, живших в середине XVIII в. Оба они также являлись зятьями падишаха и визирами его двора¹. Таким образом, служба абхазов османскому трону имела давнюю традицию еще до их массового исхода с исторической родины в 60–70 гг. XIX в. Известно об абхазе, эмире мамлюков (гвардии мусульманских владык, сформированных из воинов-рабов, выходцев с Кавказа) Сайф-ад-Дине Хайр-беке, перешедшем на сторону Османской империи, когда османы сокрушили султанат черкесских мамлюков в Египте и Сирии, за что последний стал «королем эмиров» Египта под протекторатом «Блистательной Порты». Абхазом был предводитель мамлюков Египта Али-бей, который стал правителем в Каире, нанес поражение османскому гарнизону и выслал в Стамбул пашу – османского губернатора Египта. Али-бей пытался вступить в союз с Российской империей, средиземноморская эскадра которой во главе с графом А. Орловым в это время разгромила при Чесме османские военно-морские силы и базировалась на греческом острове Парос в Эгейском море. Затем Али-бей совершил успешные походы в Сирию и Аравию, за что его признали халифом священного для всех мусульман города – Мекки. Неожиданно Египет фактически превратился в независимое государство, хотя формально, де-юре, находился в составе Османской империи. Но русская помощь опоздала и Али-бей был отстранен от власти. Али-бея предало его окружение, что стоило ему жизни.

У османского автора середины XVII в. Эвлия Челеби есть живописные описания османских военачальников кавказского происхождения, в том числе, абхазов и садзов (одного из абхазо-абазинских племен), где подробно описывается их уклад жизни и высокий социальный и политический статус в Османской империи. В Стамбуле тогда был квартал, где компактно жили абхазы. Интересно сообщение Челеби о том, что абхазы, жившие в Стамбуле, посылали своих детей на родину, для того, чтобы они впитали абхазские традиции и родной язык. Подробный рассказ османский летописец посвящает высокопоставленному эмиру, садзу Сейди Ахмет-паше². Не обошел вниманием роль абхазов при османском дворе господарь Молдавии Дмитрий Кантемир, вассал падишаха османов, создавший классиче-

¹ Хотко С.Х. Очерки истории черкесов. СПб., 2001, с. 324–325, 115.

² Челеби Эвлия. Книга путешествия. Выпуск 3. М., 1983, с. 50, 229–232.

ский труд по истории османов, доведенный им по времени до 1711 г. По числу упомянутых высокопоставленных абхазов на османской службе, книга Кантемира не имеет аналогов. Тем более, что он лично знал многих «абаза» из высших стамбульских кругов XVII – начала XVIII вв.¹ В период с 1708 по 1758 гг. среди османских губернаторов Дамаска известны четыре абхаза².

Генералами Османской империи стали абхазы – Раттиб-паша, братья Али-паша и Махмуд-паша, принадлежавшие к фамилии Атрышба. Среди высокопоставленных абхазов на османской службе известны в начале XX в. Мухаммад-бек Маршан – военный комендант города Халеба (Алеппо) в Сирии, генералы Надир-паша, Гогуа-паша, морской (военно-морской) министр Османской империи адмирал Хуршид-паша, министр юстиции при правлении падишаха Абдул-Хамида II – Хамид-Джамалуддин-паша, происходивший из абхазского рода Куедзба или Кацба. Предполагается, что этот род обосновался в Османской империи еще в конце XVIII в. Сын Хамида-Джамалуддина по имени Мехмед-Сабахаддин-паша носил титул османского принца, т.к. его бабушкой была одна из дочерей падишаха Абдул-Азиза. Мехмед-Сабахаддин-паша был известным политическим деятелем Османской империи в конце XIX – начале XX вв., выступал против правящей династии и монархической формы правления государством. Также он прославился как публицист, мыслитель и оратор. Принц Сабахаддин-паша являлся одним из вдохновителей младотурецкой революции, но не сошелся во взглядах с ее лидерами и эмигрировал во Францию. После поражения Османской империи в Первой мировой войне он вернулся на родину и по предложению падишаха Мехмеда V возглавил турецкую делегацию на Парижской мирной конференции. В начале 1919 г. ему был предложен пост министра иностранных дел Османской империи.

Абхазом был сенатор османского парламента Мухаммад-паша, председатель Морского совета и морского суда империи. Его сын Ашхаруа Рауф-бей Орбай³ был соратником основателя Турецкой

¹ Cantemir Dm. Histoire de l'Empire Ottoman ou se voyent les causes de son Aggrandissement et de decadence. P., 1743. T. 1–2.

² Barbir K.K. Ottoman rule in Damascus 1708–1758. Princeton University press, 1980, с. 40–42.

³ Ганич А.А. Черкесы в Иордании: особенности исторического и этнокультурного развития. М., 2007, с. 112.

республики Мустафы Кемаля Ататюрка. Рауф-бей родился в Великобритании в 1881 г., где тогда служил его отец, представлявший там Османскую империю, затем воевал в Первой мировой войне на море, где был командиром османского военного корабля. В 1919 г. он стал адмиралом и морским министром Османской империи, от имени османского правительства подписал Мудросское перемирие. Потом Рауф-бей Орбай перешел в стан Мустафы Кемаля, участвовал в национально-освободительной войне под его руководством, а в 1921 г. стал министром Турецкой республики. С июля 1922 по август 1923 гг. он был главой правительства Мустафы Кемаля. В 1923 г. из-за разногласий с ним Рауф-бей Орбай перешел в оппозицию и оставался в опале до смерти Ататюрка, когда при новом президенте Турции Исмете Иненю он стал турецким послом в Великобритании. Абазин Азиз-бей Мекер (Мкерипа) являлся представителем Ататюрка в Советской России, первым секретарем турецкого посольства в Москве в 1922 г., лично был знаком с В.И. Лениным и И.В. Сталиным. Абазин Мехмед Фет-Гирей выступил с «Обращением к общественности и Великому национальному собранию Турции по поводу черкесской проблемы» с критикой турецкого правительства за его политику ассимиляции в отношении национальных меньшинств, в том числе и абхазов. Важную роль в становлении Турецкой республики сыграли абхазы Ибрахим Сюрейя-бей, Емир Маршан-паша, Хикмет-бей, Музаффер Клыч-бей Ачба, возглавившие вместе с упомянутым выше Рауф-беем Орбаем и другими потомками выходцев с Кавказа национальный конгресс в Сивасе, с создания которого, когда большая часть страны была оккупирована войсками Англии, Франции, Италии и Греции, началась освободительная война турецкого народа во главе с Мустафой Кемалем. Достигали «абаза» высот власти и в государствах, чьи земли ранее входили в состав Османской империи. Например, Адлей-паша Яган, выходец из знатного абазинского рода, дважды был премьер-министром Египта в 1920 и 1926 гг.¹

Абхазы, оставшиеся на своей исторической родине, в пределах Российской империи, а затем и ее исторического преемника СССР, внесли достойный вклад и в российскую цивилизацию, а имя всемирно известного великого писателя, классика не только современ-

¹ Хотко С.Х. Ук. соч., с. 200.

ной абхазской, но и русской литературы – Фазиля Искандера – наглядное тому свидетельство. Еще в XVIII в. жил художник абхазского происхождения Николай Абхаз (Абхазов), получивший в России художественное образование и ставший незаурядным портретистом. К выдающимся художникам относился сын опального князя Абхазии Александр Константинович Чачба, живший во Франции и в России, так как все потомки абхазской княжеской династии Чачба после упразднения Абхазского княжества в 1864 г. были выдворены из Абхазии и не могли без особого разрешения российского императорского двора возвращаться на Родину. В 1907–1918 гг. А.К. Чачба был одним из известных сценографов Петербургских императорских театров – Мариинского и Александринского, где работал с выдающимися российскими художниками А.Н. Бенуа, В.А. Серовым, Н.А. Рерихом¹.

Служили абхазы и государству Российскому. В 1808 г. еще князь Абхазии Сефер-бей из древнего абхазского рода Ачь или Чачба (Шервашидзе), с принятием христианства стал подданным русского царя. Владетельный князь Абхазии Михаил Шервашидзе был полковником лейб-гвардии Преображенского полка, а первый сподвижник абхазского владетеля Кац Маргания (Маан) был генералом российской армии. Княжеских фамилий в это время, кроме Шервашидзе, в Абхазии было немного: в Бзыбском округе – Инал-ипа, Чабалурхуа, Анчабадзе, в Сухумском – Дзапш-ипа и Маргания, в Абживском – Эмха. Все они были прочной опорой российских властей в деле присоединения Абхазии и сопредельных с ней районов к Российской империи. Абазины – жители Дударукового аула на левом берегу Кубани, «870 душ мужского полу», подчинялись «князьям Дударуковым, совершенно покорным русскому правительству», хотя и были «ревностные магометане». В свое время «по несогласии с соотечественниками... Дударуковы с подвластными им дворянами и узденями выселялись из Абхазии на северную сторону Кавказских гор...» Известно и о других представителях абхазской знати, выразивших лояльность российской власти. Так, братья Беслан, Соусран и Чигуа, старшие в роду Аредба, поселенного в долине Лиешь и насчитывавшего 430 семейств, «вступили в сношение с русскими».

¹ Апсуа казара – Абхазское искусство. Живопись, скульптура, графика. XX век. Сухум – Санкт-Петербург, 2004, с. 18–19.

Среди офицеров российской армии в 30-х гг. XIX в. были абхазы - Эмин (Николай) Шакрыл, знавший русский и османлыджа – староосманский языки и оказавший российскому исследователю барону Торнау большую помощь в сборе физико-географических, историко-этнографических, лингвистических, статистических и других сведений об Абхазии, а также его старший брат Муты Шакрыл, переводчик экспедиции Торнау, который «желал офицерского чина». Тогда немалую роль сыграл и молодой российский офицер Соломон Званба (1809–1855), в будущем первый абхазский этнограф. Торнау упоминает об абхазе, имевшем российский офицерский чин: «... Долт-Мирза (пожалованный прапорщиком)...»¹.

Известно, что в так называемой «Дикой» конной дивизии, отличившейся на фронтах Первой мировой войны, сформированной в основном из народов Кавказа, в составе Черкесского полка была Абхазская сотня численностью в 500 всадников, причем все они имели боевые награды. История оставила имена всадников Абхазской сотни – Мурата Куджба, А.Д. Чачба-Шервашидзе (потомка князей Абхазии, офицера, окончившего Воронежское военное училище и получившего образование во Франции, в Сорбонне²), заслужившего в боях два Георгиевских креста и чин прапорщика Дорисмана Мерчуле, корнета К.Ш. Лакербай, совершившего «безумный подвиг», и Рауфа Агрба – офицера этой дивизии, награжденного за боевые заслуги золотым Георгиевским оружием, отец которого Канамат Агрба, дворянин, полковник российской армии, также был награжден орденами и Георгиевскими крестами³. Старший брат Д. Мерчуле Григорий был полковником, командиром Ингушского полка «Дикой» дивизии.

О воинах «Дикой» дивизии в своих воспоминаниях написал Иосип Броз Тито – президент Социалистической Федеративной Республики Югославии, воевавший в австро-венгерской армии против России в Первую мировую войну и попавший в русский плен: «На уча-

¹ Дзидзария Г.А. Ф.Ф. Торнау и его кавказские материалы XIX века. М., 1976, с. 29–30, 121, 113, 99.

² Аббас-оглы Адиле. Моя Абхазия... Моя судьба. М., 2009, с. 128.

³ Гуаж Аслан. Рыцари меча и чести (Новые материалы о Кавказской конной дивизии) // «Абаза» – общественный, литературно-художественный, научно-популярный журнал Всемирного абхазо-абазинского (абаза) конгресса на русском, абхазском и турецком языках. № 1(12). 05.2010, с. 101–102.

стке фронта, где был мой батальон, русские были остановлены... но соседний батальон... не устоял. Здесь был осуществлен прорыв черкесской конницей из «Дикой» дивизии. Черкесы окружили нас, спешились и с пиками в руках атаковали с тыла наши окопы. Мы даже и не заметили, как они появились и ринулись в наши окопы. Один из них с двухметровой пикой кинулся на меня, однако я... отразил нападение штыком. Вдруг я почувствовал страшный удар в спину. Обернувшись я увидел искаженное лицо другого черкеса и огромные черные глаза под густыми бровями»¹.

Абхазы разделили судьбу России в «смутные времена» ее истории, участвовали в гражданской войне, добились под предводительством Нестора Лакоба государственности – статуса союзной и автономной республики в составе «исторической России» – СССР, приняли массовое и достойное участие в Великой Отечественной войне советского народа против фашизма. 18 тысяч абхазов были призваны на фронт, 22 человека из них стали Героями Советского Союза, тысячи награждены боевыми орденами и медалями.

Таким образом, как бы то ни было, при всех трагических для абхазского народа катаклизмах XIX – начала XX вв., когда он оказался между двумя противоборствующими империями – Российской и Османской, именно с народами этих стран, прежде всего, связана его история.

¹ Броз Тито И. О пребывании в России во время Октябрьской социалистической революции и гражданской войны // Новая и новейшая история. 1987. № 4, с. 110.

Махаджирство и «черкесская диаспора». Краткий исторический экскурс в прошлое

В душе каждого человека находится миниатюрный образ его народа и, думаю, тоска по Родине действует на всех одинаково: она преобразует в наших глазах картины прошлого, идеализируя их; достоинства возрастают, а недостатки смягчаются временем и расстоянием, пока не сотрутся в нашем представлении совершенно. Как же была трагична судьба народов Кавказа, которые вынуждены были покинуть пределы своей родины, чтобы найти приют на чужбине...

Так исторически сложилось, что в XIX в. на территории ряда стран Ближнего и Среднего Востока, входивших в состав Османской империи (ныне независимые страны – Турция, Сирия, Иордания, Израиль и др.), образовалась значительная по численности, географии расселения и степени общественно-политического влияния черкесская диаспора, которой до настоящего времени удалось сохранить этническое самосознание, языки, обычаи и национальную культуру. Представители практически всех поколений эмигрантов идентифицируют себя как часть северокавказского суперэтноса, а Кавказ рассматривают в качестве своей исторической родины.

Напомним, что адыгейцы, кабардинцы, черкесы, абхазы и исчезнувшие убыхи являются родственными народами, а адыгский язык вместе с абхазским и убыхским языками составляют единую адыго-абхазскую группу северокавказской языковой семьи. Термин «черкес» утвердился за адыгами в письменных источниках после XIII века. Принятое в русской и иностранной литературе XIX века расширенное толкование этнонима «черкес» имело под собой лишь то реальное основание, что адыги были в то время самой значительной этнической группой на Северном Кавказе¹, оказывавшей значительное и всестороннее влияние на окружающие их народы. Преобладающую часть

Э.А. Гургулия – младший научный сотрудник Центра изучения Центральной Азии, Кавказа и Урало-Поволжья РАН

¹ Ганич А.А. Черкесская диаспора в Иордании: этнокультурные особенности // Кавказ: история, культура, традиции, языки. Сухум, 2004, с. 148.

северокавказских иммигрантов составляли собственно черкесы. Поэтому в странах Ближнего Востока и Северной Африки черкесами называют представителей практически всех кавказских этносов: помимо адыгейцев, кабардинцев и черкесов (абхазов, абадзехов, бжедугов, шапсугов и др.), также и дагестанцев (аварцев, даргинцев, кумыков, лакцев, лезгин), чеченцев, ингушей, осетин, карачаевцев и балкарцев¹.

На сегодняшний день адыги (адыгейцы, кабардинцы и черкесы) проживают на территории Российской Федерации в Республике Адыгея, Карачаево-Черкесии и Кабардино-Балкарии, а абхазы – населяют преимущественно Республику Абхазия. Кроме того, около 7 млн. человек² адыгского и абхазского происхождения, потомки махаджиров, проживают сегодня в Турции, странах Ближнего Востока, Северной Африки, Западной Европы, США, Австралии – всего в 40 странах мира.

Черкесская диаспора имеет глубокие исторические корни, уходящие вглубь средневековья, когда в Египет и в регион Ближнего Востока началось массовое проникновение представителей кавказских народов. Однако здесь речь пойдет не о первой, а о второй – следующей, более мощной, волне эмиграции – махаджирстве³ (от араб. «мухаджир» – переселенец, эмигрант; глагол «хаджара» – переселяться, эмигрировать⁴) кавказцев на Ближний Восток, которая была связана с

¹ Все адыги (черкесы) – это одна языковая группа, вайнахи – другая, кумыки и балкарцы – тюрки, осетины – иранцы и т.д. Конечно, у северокавказцев – различное происхождение, да и языки различны, но арабы (как и турки) их всех называют «черкесами», потому что среди махаджиров адыги действительно преобладали, да и турки (вместе с их союзниками – крымскими татарами) издавна, примерно с XIV в., привлекли на Северном Кавказе дело иметь с черкесами (дагестанские же этносы обычно тяготели к Ирану и больше контактировали с персами).

² Шинкуба Б.Б. Народы Западного Кавказа и Османской империи во второй половине XIX – первой четверти XX вв. Махаджирство и его последствие // Кавказ: история, культура, традиции, языки. Сухум, 2004, с. 95.

³ Дзидзария Г.А. Махаджирство и проблемы истории Абхазии XIX столетия. Сухуми, 1975, с. 3.

⁴ Термин «махаджирство», а не «мухаджирство» принят в абхазской историографии: Дзидзария Г.А. Махаджирство и проблемы истории Абхазии XIX столетия. Сухуми, 1975; Инал-Ипа Ш.Д. Зарубежные абхазы (историко-этнографические этюды). Сухуми, 1990, с. 5 и далее; Бгажба О.Х., Лакоба С.З. История Абхазии с древнейших времен до наших дней. Сухум, 2007, с. 226, 241; Абхазы. Отв. ред. Анчабадзе Ю.Д., Аргун Ю.Г. М., 2007, с. 8, 82, 452 и далее. Используют данный термин и многие российские ученые, см., к примеру: История Чечни с древнейших времен до наших

событиями более позднего времени, с длительным периодом Кавказской войны. Следует отметить, что черкесская диаспора является наиболее молодой и последней по времени образования неарабской мусульманской общины, прибывшей в арабские страны и осевшей там между 1860–1914 гг.

Проблема изучения истории и культуры зарубежных черкесов относится к числу одной из наиболее актуальных в современном кавказоведении. Было бы невозможно составить полноценную картину истории и культуры кавказцев, не учитывая их важный компонент – диаспору. Следует отметить, что диаспора, проживающая за пределами своей исторической родины, сохранила язык, фольклор, многие обычаи, а также предметы национальной культуры, что свидетельствует о сохранении исторической памяти и о стремлении передать новым поколениям то, что А.С. Пушкин называл «преданьем старины глубокой».

Прежде чем перейти к рассмотрению основного вопроса – черкесской (в частности абхазской) диаспоре, следует обратиться к причинам ее появления на исторической арене. Здесь нужно отметить, что «махаджирство» – это сложный процесс, требующий комплексного подхода при его изучении. Рассматривая его, необходимо учитывать сложную геополитическую ситуацию, сложившуюся в середине XIX века на Кавказе, интересы России, Османской империи, Англии и Франции в этом регионе, внутривосточную обстановку на самом Западном Кавказе¹. Далее речь пойдет и о том, как кавказские пересе-

дней. Том I. История Чечни с древнейших времен до конца XIX века. Отв. ред. Ахмадов Ш.Б. Грозный, 2008, с. 720. Другими авторами используется термин «мухаджирство», см., к примеру: Проблемы Кавказской войны и выселение черкесов в пределы Османской империи (20–70-е гг. XIX в.). Сборник архивных документов. Ред. Т.Х. Кумыков. Нальчик, 2001, с. 23; Северный Кавказ в составе Российской империи. Отв. ред. В.О. Бобровников, И.Л.Бабич. М., 2007, с. 155 и далее; Гудаков В.В. Северо-Западный Кавказ в системе межэтнических отношений с древнейших времен до 60–х годов XIX века. СПб., 2007, с. 533 и др. А.А. Ганич, говоря о «мухаджирстве», считает допустимым и использование термина «махаджирство» (Ганич А.А. Черкесы в Иордании: особенности исторического и этнокультурного развития. М., 2007, с. 3). *(От редактора).*

¹ Интересы не только больших стран, но и Польши были завязаны на Кавказе: польские эмигранты в Англии и Франции во главе с князем Чарторыйским (бывшим главой министерства иностранных дел России при Александре I) посылали на Кавказ своих добровольцев, оружие и деньги, желая дать тут бой империи руками горцев.

ленцы, подвергаясь более чем столетней ассимиляции, сохраняют еще в той или иной степени свои этнические особенности.

Кавказская война явилась важнейшим событием в истории Северного Кавказа в целом, и Западного Кавказа, в частности. Эта война закончилась в 1864 г. выселением значительной части горцев Северного Кавказа в пределы Османской империи¹. Махаджирство затронуло главным образом Западный Кавказ и не ограничилось только 1864 годом. Оно продолжалось и на протяжении всей второй половины XIX в., а отдельные волны переселения имели место и в начале XX века.

При более широком и глобальном рассмотрении махаджирства целесообразно выделить в нем ряд этапов, начиная с 50-х годов XIX в. до 50-х годов XX в. Здесь, на мой взгляд, подходит периодизация Б.Р. Алиева. Подобная периодизация продиктована тем, что переселение северокавказцев, вызванное как внутренними, так и внешними факторами, происходило волнообразно и продолжалось до конца Гражданской войны, а также в послевоенный период, когда несколько тысяч советских военнопленных и перебежчиков вынуждены были остаться на Западе. Эти этапы являются совершенно условными и выделены как периоды наиболее массового махаджирства: первый этап – 1859–1872 гг., второй – 1877–1883 гг., третий – 1893–1917 гг., четвертый – 1917–1922 гг., пятый – 1947–1955 гг.² Кроме того, каждый из этих этапов имел свои причинно-следственные особенности.

Почти для всего Кавказа махаджирство стало крупнейшей демографической катастрофой, которая, наряду с усиленной колонизацией края, в течение нескольких десятилетий перекроила традиционный этнический облик Кавказа. Это одна из самых сложных и трагических страниц новой истории Кавказа.

При расселении махаджиров османские власти исходили из ряда параметров: военно-политического, национального, экономического. Что касается учета военно-политических и национально-этнических

¹ В соответствии с традиционной трактовкой, война шла в 1817–1864 гг. Однако некоторые историки присоединяют к ней восстание шейха Мансура 1785–1791 гг., охватившее Адыгею, Кабарду, Чечню и Дагестан, а также участие отрядов дагестанцев в русско-иранской войне 1804–1813 гг. на стороне Ирана и отрядов черкесов в русско-турецкой войне 1806–1812 гг. на стороне османов.

² Алиев Б.Р. Северокавказская диаспора: история и современность (вторая половина XIX–XX вв.). Махачкала, 2001, с. 18.

аспектов, то султанские власти планировали использовать северокавказских махаджиров в возможных внешних войнах и во внутренних конфликтах на следующих направлениях: балканском – против России и славянских народов; кавказском – против России и армян; средиземноморском – против исторического врага – греков; восточном – против армян и курдов; южном – против алавитов, бедуинов и друзов. В экономическом плане османские власти усилиями махаджиров планировали осуществить подъем промышленного и сельскохозяйственного секторов – основы могущества государства, тем более, перед лицом постоянных военных угроз.

В исторической литературе, как отечественной, так и зарубежной, нет единого мнения о количестве кавказских эмигрантов. Однако анализ существующих данных позволяет обозначить нижний и верхний пределы приводимых цифр – от 500 тыс. до 3 миллионов человек¹.

Впоследствии, после окончательного распада Османской империи, большая часть кавказских эмигрантов осталась в Турецкой Республике, а меньшая – в Сирии и в Иордании. Кроме этих главных мест проживания, они были рассеяны небольшими группами по отдельным странам Ближнего Востока и Европы (Ирак, Египет, Израиль, Греция и др.).

Такова краткая история появления проблемы черкесской диаспоры. До сих пор в исторической науке нет полной картины прошлого и настоящего зарубежных черкесов. Существующая историческая литература по данной теме освещает лишь отдельные стороны жизни кавказских эмигрантов. Между тем рост интереса к жизни зарубежных черкесов требует всестороннего, более углубленного её изучения. Необходимо учитывать политический статус кавказских эмигрантов в странах их компактного проживания, но нужно и понимать, что исчезновение любого, пусть самого малочисленного, народа, его языка и культуры невосполнимо для человечества, ибо каждый из них вносит бесценный вклад в общечеловеческую культуру, оставляя неповторимый след в истории мировой цивилизации.

¹ Березгов Б.Н. Современное положение северокавказских мухаджиров в странах мира (история их расселения и историко-культурные перспективы) // Национально-освободительная борьба народов Северного Кавказа в XIX веке и проблемы мухаджирства. Нальчик, 1994, с. 68.

При расселении махаджирь не имели ни денег, ни имущества, ни домашней утвари, за исключением минимума одежды. Многие из них умирали от голода, малярии, тифа, других заразных болезней. Составляя этническое меньшинство на новой родине, черкесы стремились, с одной стороны, к максимально быстрой интеграции в принимающее общество через службу на государственных постах и в армии. С другой стороны – к сохранению и защите своей этнокультурной целостности посредством бережного отношения к национальным и культурным традициям. Любопытно, что в диаспоре постепенно стирались отличия в языке и обычаях между различными кавказскими народностями, создавая некий синтезированный, усредненный тип кавказской культуры.

Уже первые махаджирь ясно увидели опасность забвения своих культурных ценностей. Поэтому, дабы не раствориться среди местного турецкого и арабского населения, они предпринимали ряд мер. Во-первых, они селились и жили замкнутыми общинами, пытаясь воспроизвести внутри общины те порядки и законы, придерживаясь тех традиций, которые были у них на Кавказе. Во-вторых, они категорически запрещали смешанные браки. И в-третьих, они объединялись в благотворительные и культурно-просветительские общества.

Главным предназначением иммигрантов должно было стать несение военной службы. За несение службы власти предоставляли черкесским иммигрантам довольно значительные наделы, а также некоторые льготы, в частности, освобождение от уплаты налогов на 10 лет.

Черкесским иммигрантам отводились земли из категории «мири» – т.е. государственных, распорядителем которых являлся сам султан. Причем эти наделы не могли быть проданы иммигрантами ранее, чем через 10 лет. В случае, если хозяин переселялся в другое место раньше этого срока, земля возвращалась в распоряжение государства.

В большинстве случаев земельные наделы были малопригодными к обработке. Например, Голанские высоты¹ представляли собой повсеместно покрытое кратерами и усыпанное камнями плоскогорье, расположенное на высоте 980 м над уровнем моря. Климат нагорья

¹ Большинство черкесов покинуло оккупированную Израилем часть Голанских высот еще в 1967 г.

выделялся среди окрестных мест своей суровостью, холодными зимами и сильными ветрами. Несмотря на это, черкесы приступили к тщательной обработке земли, используя свои традиционные правила агротехники, и, в скором времени, стали получать довольно высокие урожаи. При этом использовались привычные инструменты – плуги, деревянные грабли, косы и др. Кроме пшеницы, ячменя и кукурузы черкесы выращивали также культуры, привезенные с Кавказа и не возделывавшиеся местным населением – просо, овес. Выращивали также различные овощи, арбузы, фруктовые деревья, виноград.

Важнейшей отраслью хозяйства иммигрантов стало животноводство. В начале XX века во многих черкесских селениях уже занимались и коневодством, что стало довольно прибыльным делом. Налажено было со временем и одно из традиционных кавказских занятий – пчеловодство.

На сельскохозяйственных работах были заняты только мужчины. Женщины, по черкесским правилам, занимались домашними делами. Со временем в черкесских колониях получил распространение наемный труд. Также налаживалось и ремесленное производство. Черкесские иммигранты стали устраивать в своих поселениях базары. Торговля в первые годы носила меновой и вынужденный характер. Следует указать, что у черкесов, как в годы жизни на Кавказе, так и после переселения в Османскую империю, занятие мелкой торговлей было непопулярным. На «новой» родине торговой деятельностью в черкесских поселениях стали заниматься арабы, армяне, греки и др. (по традиции турки и курды торговлей не занимались).

Власть внутри черкесских общин на Ближнем Востоке осуществлялась по традиционной системе народного собрания – хасэ, в состав которого избирались представители от каждого населенного пункта. Во главе отдельных поселений стояли выборные старшины. Представители княжеских (пши) и дворянских (уорк) родов продолжали еще долгие годы пользоваться традиционными привилегиями¹. Однако, если в Кабарде хасэ являлось высшим законодательным органом, то в диаспоре, регулируя отношения внутри общины, оно не было полновластным представительным органом и со временем стало выполнять лишь культурно-просветительские и благотворительные функции.

¹ Ганич А.А. Ук. соч, с. 149.

Вопросам воспитания в диаспоре по-прежнему уделялось и уделяется большое внимание. Авторитет главы семьи является непрерываемым, уважение и почтение к старшим продолжает считаться необходимым качеством любого черкеса. Вместе с тем, из-за ограниченности возможностей функционирования национальных обычаев, появилась видоизмененная основа взаимоотношений. Так, молодые люди получили право свободно включиться в разговор старших, спорить с ними, они перестали считать неприличным проявлять любовь к своим детям на глазах у родителей. Положение женщины в диаспоре так же почетно, как и на Кавказе. На массовых застольях мужчины и женщины сидят отдельно¹.

Под влиянием ислама подверглись трансформации и другие стороны традиционной культуры черкесов, например, семейно-брачные отношения. Сейчас сватовство и свадьба проходят по мусульманскому обряду. Вначале браки с представителями местного населения не приветствовались и ослушавшиеся находились в изоляции или изгонялись из общины. Но со временем встала проблема близкородственных браков, и, чтобы поддерживать принцип строгой экзогамии, запрет на межнациональные браки был снят. Под влиянием инонациональной культуры появились некоторые особенности, не характерные для традиционной адыгской свадьбы и семейных отношений: жених и невеста сидят рядом на почетном месте, без стеснения оказывают друг другу знаки внимания, люди к ним подходят и поздравляют; давно изжит обычай избегания. Напомним, что на Кавказе существовало несколько видов избегания²: между молодоженами и их родителями, между женой и мужем, между детьми и их родителями, между зятем и родителями супруги. В диаспоре из-за малочисленности компактно проживающих групп северокавказцев этот обычай затруднял внутриобщинные отношения и постепенно исчез³.

¹ Там же.

² В семейных отношениях многих народов существовал обычай избегания: муж и жена не называли друг друга по имени, при гостях женщины старались меньше показываться, зятям не полагалось слишком часто общаться с родственниками жены, мужчины не присутствовали на свадьбах, когда выходили замуж их дочери или сестры. Открытое проявление нежности к жене или отцовской ласки к детям расценивалось как слабость и т.д.

³ Чемсо Г.К. Некоторые особенности адыгов, проживающих в Иордании // Культурная диаспора народов Кавказа: генезис, проблемы изучения. Черкесск, 1993, с. 287.

Хотелось бы отметить, что абхазы часто фигурируют в истории под именем «Абаза». Выступающие под ним имеют разное происхождение: одни связаны еще с историей мамлюков, другие ведут свой род от проданных турками рабов, а третьи в различное время сами переселились, в одиночку или группами, из Турции, Трансиордании, Сирии и других стран. Отдельную группу составляют те, которых также называют абаза, то есть абхазами, но, как говорят, только за принадлежность их матерей к абхазскому этносу.

Как известно, Абаза – фамильное имя этнического происхождения – имеет широкое распространение в Сирии, Иордании, Египте, причем в Египте, как пишет Л.Е. Кучбериа¹, оно объединяет теперь свыше 8000 человек. Основателем этой «большой семьи» был некий шейх-разбойник Хасан из аравийского племени Бани Кактан, живший около 160–170 лет тому назад. Оттуда он приехал в Египет, где поселился на земле знаменитого Мухаммед-Али, разгромившего мамлюков в 1811 году. За обеспечение вооруженной охраны караванного пути Хасану, который еще не носил имени Абазы, были дарованы большие земли в области Шарки. Потом он решил обзавестись семьей – купил 30 жен, из них 4 египтянки, 1 эфиопка и 1 индианка, а все остальные 24 девушки, полученные им от одного турецкого работорговца, были абхазами. Эти абхазки и перевернули весь образ жизни в доме шейха Хасана. Они родили ему, как в сказке, 18 мальчиков и 18 девочек. Всех детей, включая и тех, которые появились на свет от остальных шести жен, они нарекли своим этническим названием – Абаза². Эта семья так разрослась и стала столь знаменитой, что английская «The Times» назвала ее «племенем». Из поколения в поколение члены этого могущественного клана хранили в своем домашнем быту многие абхазские национальные традиции и обычаи, и даже некоторые предметы домашнего обихода. Из их среды вышли многие выдающиеся люди. Широкой известностью пользуются, например, поэт Абдель Азиз Абаза, писатель Сарфат Абаза, журналист Фикри Абаза, министр Мамдух Абаза и др. У «племени»

¹ Кучбериа Л. Араб тьылакуак рычтгы апсуаа рхылщтра ретнография ркныть // Алашара. 1971, № 5. Сухум, с. 76–81. (на абх. яз.).

² Инал-ипа Ш.Д. Абхазы. (Историко-этнографические очерки). Сухуми, 1965, с. 100.

Абазы в свое время были две свои футбольные команды, они издавали два журнала, содержали даже театральную труппу. До сих пор одна из улиц Каира носит имя Исмаила Абазы, а одна из живописных местностей в пределах города также известна под названием Кафр Абазы.

Подводя итоги, следует отметить, что махаджиры до окончательного формирования своей диаспоры прошли длинный и тяжелый путь борьбы с местным населением в местах своего нового расселения за выживание и самосохранение. Положение их усугублялось и тем обстоятельством, что османские и англо-французские власти постоянно использовали их как орудие в достижении своих политических целей – для умирения и подавления выступлений местных жителей, не желавших подчиниться чуждой им власти и расстаться со сложившимися у них веками традициями, обычаями и нравами, а более того – потерять свободу.

Несмотря на все сложности и проблемы, обусловленные жесткой политикой Турции в отношении национальных меньшинств, махаджиры в своем большинстве сумели сохранить сознание своей этнической индивидуальности и память о своей исторической родине.

Одним из важных аспектов вопроса о махаджирстве является проблема репатриации зарубежных черкесов. Ее следует рассматривать как движение патриотическое, как стремление части потомков иммигрантов вновь обрести родину. Численность зарубежных черкесов, стремящихся к возвращению на историческую родину, может возрасти в том случае, если в странах их проживания будут предприниматься по отношению к ним какие-либо дискриминационные меры, а также в том случае, если правительства субъектов РФ, а также Абхазии будут оказывать репатриантам помощь в процессе их переселения и адаптации.

В заключение необходимо вновь отметить, что вторая половина XIX в. стала для народов Кавказа самой трагической страницей в их истории. Учитывая масштабы миграционного процесса того времени и степень его влияния на геополитическое и этнодемографическое положение как на юге России, так и на значительной территории бывшей Османской империи, проблема последствий выселения и переселения горцев Кавказа представляет собой важную исследовательскую задачу. Проблема эта, несмотря на то, что со времени изгнания горцев прошло более 100 лет, остается актуальной до сих пор.

Виктор Стражев:
русский поэт, педагог и археолог в Абхазии. Очерк¹.

*«Не раз, под гравием, разрыхливши песок,
Я находил узорный черепок...
Под шум прибоя, в немь тысячелетий
В твоей ладье я уплывал, сонет!
И мне мерцал диоскурийский свет...
И я мечтал себя в неведомом поэте».*

В.И. Стражев
Диоскурийские сонеты

ПРИЕЗД

...3 июня 1916 года. В этот день коллежский ассессор Виктор Иванович Стражев (1879–1950), удостоенный всего полгода назад за долголетнюю педагогическую работу ордена св. Станислава III степени², писал на имя попечителя Кавказского учебного округа: «Прошу Ваше превосходительство о месте штатного преподавателя русского языка в какой-либо мужской гимназии города Тифлиса или иного большого города в пределах Кавказа... Я окончил... Московский университет по словесному отделению историко-филоло-

С.З. Лакоба – секретарь Совета безопасности Республики Абхазия, кандидат исторических наук, профессор Абхазского государственного университета, ведущий научный сотрудник Абхазского института гуманитарных исследований им. Д.И. Гулиа АН Абхазии.

¹ О пребывании и деятельности В.И. Стражева в Абхазии см.: Бгажба Х.С. Этюды и исследования. Сухуми, 1974; Его же. Страницы из летописи дружбы. Тбилиси, 1983; статьи и очерки Лакоба С.З. в газете «Советская Абхазия» (1980), журнале «Литературная Грузия» (1980. № 11), литературном сборнике «Ерцаху» (1981), в книге «Крылились дни в Сухум-Кале...»: Историко-культурные очерки. Сухуми, 1988, и др.

² Центральный государственный архив Абхазии (далее ЦГАА). Ф. 18, Д. 96, Л. 11–13 и об. В октябре 1992 г. архив Абхазии был сожжен грузинскими военными, поэтому шифры даются в старой редакции.

гического факультета, с дипломом первой степени, в 1902 году; был преподавателем нескольких мужских и женских, средне-учебных заведений в Москве; с конца 1910 года, выйдя в отставку, занимался исключительно трудом журнально-литературным; с 1-го января 1912 года состоял штатным преподавателем Вяземской гимназии. Я смею надеяться, что мой тринадцатилетний педагогический опыт (работа в средней школе, чтение лекций в Московском университете, мои книги для школы и детей – хрестоматии «Первоцвет», «Цветничёк», хрестоматийное пособие «Колосья»...) и мое неслучайное и невнешнее отношение к предмету моего преподавания... позволяет Вашему превосходительству взглянуть на меня, как на полезного работника в учебном деле и не отказать мне в моей просьбе»¹.

Спустя полтора месяца, 25 июля, директор Сухумского реального училища срочно телеграфировал в Тифлис попечителю: «Стражева беру благодарю. Авилов»². Через неделю Виктор Иванович прибыл пароходом в Сухум с женой и шестимесячной дочерью Ирой. Впоследствии Ирина Викторовна вспоминала: «Отец был разносторонне одаренным и широко образованным человеком... В Вязьме и в Сухуме преподавал русский язык и литературу... Поэт, талантливый лектор, а в молодости даже актер. Он свободно говорил по-французски, владел греческим и латынью. Живя некоторое время в Венеции, изучил итальянский и испанский»³.

«ДЕЛО БОГЕМЫ»

Что побудило Стражева переехать в Абхазию? В одной из автобиографий он сухо отмечает, что в 1910 г. жил за границей. К этому времени он был уже довольно известен как писатель-символист, вхож в литературные круги. Достаточно тесные отношения были у

¹ ЦГАА. Ф. 18, Д. 96, Л. 10 и об.

² Там же. Л. 16

³ Стражева Ирина Викторовна – дочь поэта, доктор технических наук, профессор МАИ, автор книги о своем муже и коллеге дважды Герое Социалистического Труда, лауреате Ленинской и Государственных премий, главном конструкторе ракетно-космических систем академике М.К. Янгеле. См. Стражева И.В. Тюльпаны с космодрома. М., 1978, с. 120–121; Вартанян Анна, Лакоба Станислав. От Сухуми до Байконура // Советская Абхазия. 18 марта 1980.

него с поэтом, прозаиком, литературным критиком и философом Г.И. Чулковым (1879–1939), с которым они вместе учились в гимназии. Немалое влияние Стражева как гимназического учителя оказал на будущих поэтов В.В. Гофмана (1884–1911) и В.Ф. Ходасевича (1886–1939). Однако наиболее близкие дружеские отношения связывали его с известным русским писателем-эмигрантом Борисом Зайцевым (1881–1972). В своей книге мемуаров «Москва» (Париж, 1939; Мюнхен, 1960) тот поведал об одной очень интересной и поучительной истории. Русский публицист В.Л. Бурцев (1862–1942), разоблачивший многих провокаторов царской охранки (Е. Азефа, Р. Малиновского и др.), в 1910 г. раскрыл в литературной богеме Москвы провокацию: ее душой была полуполька Ольга Федоровна Путята. Она оговорила Бурцеву из ревности своего гражданского мужа Виктора Стражева, который якобы соучаствовал в ее делах. Газеты «Речь» и «Русские Ведомости» разнесли эту новость.

Борис Зайцев пишет, что «сердечные дела» подвели тогда Стражева, который был далек от политики и революционных дел. Их жизнь с Ольгой Путятой не сложилась. «С. не был так мягок и удобен для управления. Самолюбивый, и с характером, очень умный, по образованию филолог, бросивший учительство для литературы, он попал в самую горячку начала века. Вокруг делались быстрые и шумные литературные карьеры. Ему выбиться не удавалось. Из скромного учительского быта он попал в кипение богемы, в новую жизнь с Литературным кружком, собраниями, лекциями, пестротой и сутолокою ресторанов, в круг изящных женщин, легких романов, в ту нарядную пену, которой было тогда так много...».

«Однажды весною С., засидевшись у меня вечером, сказал:

– Проводи меня до дому. Мне что-то очень грустно. Оля все грозит покончить с собой и отомстить мне так, что и в голову не придет.

Его жизнь в это время также приняла несколько болезненный оттенок. Он много играл в карты. Много волновался из-за литературных неудач. Имела она основание и ревновать его.

Летом, в очень дурных отношениях с ней, на случайные деньги (он играл на бегах, скачках) С. уехал в Италию, с нашей легкой руки, входившую в моду. Путята – в Париж. Там и созналась Бурцеву, что уже несколько лет служит в охране и... – вспомнила угрозу! – что С.

знает об этом, помогает и пользуется ее деньгами. Бурцев все это сообщил печати».

Затем состоялся третейский суд и Стражев доказал свою честность¹.

Борис Зайцев с огромной теплотой, ностальгически вспоминал Стражева: «Это был, одно время, ближайший мне человек. Мы любили друг друга. Многое вместе пережили, вместе начинали литературный путь... Станным образом, то самое «дело богемы», в которое оба мы столько вложили страсти, из которого вышли победителями – оно то и развело нас... Я не знаю об С. ни звука».

УЧИТЕЛЬСТВО В СУХУМЕ

В Сухумском реальном училище Стражев проработал немногим больше года, а с 1 ноября 1917 г. он стал преподавателем учительской семинарии². Одной из его учениц в училище была Т.Д. Скаловская (долгое время работала секретарем у писателя Константина Симонова). Вот каким она запомнила Виктора Ивановича тех лет: «В класс вошел небольшого роста, худенький человек с большой характерной головой, очень высоким лбом, седой; огромные светлые глаза; лицо необычайно подвижное, выразительное. Одет он был в чесучовый светлый пиджак. Под мышкой – небольшой портфель. Очень своеобразной, слегка как бы ныряющей походкой взошел он на кафедру... И заговорил. Первая его лекция – именно лекция, а не урок – была посвящена лирике. Стражев был блестящим лектором. Не говоря уже о содержании лекции, в дни вдохновения был у него удивительно приятный голос, которым он великолепно владел. Богатая мимика дополняла впечатление...».

Виктор Иванович был прекрасным чтецом. О том, как он декламировал стихи Блока, Пушкина, Тургенева, помнит его ученица, педагог Анна Тиграновна Вартанян. Но больше всего ей запомнилось, с

¹ О деле предательства Ольги Путяты см. в книге: Минченков Я.Д. Воспоминания о передвижниках. Л., 1959, с. 160–161, а также: Российский государственный архив литературы и искусства (РГАЛИ). Ф. 1647 (Стражев В.И.). ОП. 3. Д. 30.

² ЦГАА. Ф. 18. Д. 96. Л. 9.

какой удивительной силой и тонкостью Стражев на одном из сухумских уроков литературы прочитал рассказ А.П. Чехова «Тоска».

Запомнила Стражева как прекрасного чтеца и одна из его учениц по Сухумской женской гимназии С.В. Воронова (мама археолога Ю.Н. Воронова): «Впервые я обратила на него внимание на литературном вечере в 1921 году, когда он для нас, учащихся младших классов, прочитал повесть Гоголя «Вий». Прочел он эту повесть удивительно мастерски. Она просто нас всех потрясла...».

ПОД ЗНАКОМ БЛОКА И ТОЛСТОГО

В Сухуме Виктора Ивановича хорошо знали еще до его переезда сюда по многочисленным поэтическим сборникам, изданным в Москве. Особенно популярной была книга «Чтец-декламатор», где наряду с произведениями М. Лохвицкой, М. Шагинян, З. Гиппиус, В. Брюсова, К. Бальмонта, М. Горького, Д. Мережковского, А. Апухтина, И. Бунина, А. Блока, Ф. Сологуба, М. Волошина, И. Тургенева, А. Чехова было представлено и одно стихотворение Стражева.

Переехав в Абхазию, он активно включается в культурную жизнь, знакомится с драматургом Н.Н. Евреиновым. Тогда как раз шла поставленная Николаем Николаевичем комедия-буфф «Ателье мод», в которой высмеивались представители многочисленных партий пестрой политической жизни России. В самом начале 1917 года в Обществе любителей природы Виктор Иванович выступил с лекцией «Жизнь и творчество Джека Лондона»¹. А 28 ноября 1918 года в театре «Алоизи» состоялся организованный «Художественным содружеством» доклад Стражева «Лирика женской души (Анна Ахматова и Мариэтта Шагинян)». В «Художественное содружество» входили абхазский художник А.К. Шервашидзе (Чачба), актриса Н.И. Бутковская, теоретик сценического искусства и режиссер Н.Н. Евреинов². Так, 25 февраля 1919 года в театре «Алоизи» состоялся бал-маскарад («пародии, экспромты, шарж»), причем была создана «редакционная коллегия ежеминутной газеты «Колючка» в составе Н.И. Бутковской,

¹ Наше слово (Сухум). 25 февраля 1919.

² Дзидзария Г.А. Формирование дореволюционной абхазской интеллигенции. Сухуми, 1979, с. 324.

В.И. Стражева и А.К. Шервашидзе»¹. Затем они же и Н. Евреинов поставили спектакль Козьмы Пруtkова, имевший грандиозный успех.

Неожиданно Сухум покорили «Скифы» Блока. Но Виктор Стражев, близко знавший великого поэта, не принял их. 16 августа 1919 г. он написал стихотворение «Анти-скифы»:

Блоку

О, да! Зови на братский пир, поэт!
Но перестрой встревоженную лиру –
Нет! – не грози лавиной злобных бед
Старшому – западному миру!
Нет! – Пусть иной и светловейный миф
В твоих стихах услышат наши братья.
Пойдут ли к нам – коль им раскроет скиф
Тяжелых лап свои объятья?
Нет! – Нам не надо скифской маски!
Могильный сон курганов не тревожь
И не мути злоязычьем сказки.
Докучно, чуждо было нам всегда
Европы жадной скопидомство,
Но страдальный путь не ляжет наш туда,
Где злое зреет вероломство.
Наш путь – наш путь...
И нам пугать не стать
Чужою, азиатской рожей.
На этот раз – какая боль внимать
Ей – лире милой и пригожей.

Но «Скифы» не поколебали любовь Виктора Ивановича к Блоку-лирику. «Я жил на Кавказе, в Сухуме – вспоминал он. – В жаркий августовский день 1921 года шел я по улице, и заметил на стене дома свежий квадратик бумаги. Экстренная телеграмма. Подошел и прочел. Телеграмма сказала: умер Блок. Я перечел еще раз: так ли? Да, так. Понурившись, побрел. Встретил знакомого.

– Что с вами? Вы плачете? – удивленно спросил он.

¹ Аджинджал Б.М. Художник А.К. Чачба (Шервашидзе) // Материалы по археологии и искусству Абхазии. Сухуми, 1974, с. 91.

Что ж. Мне и сейчас не стыдно этих слез. Блок ушел, но остался одним из духовных спутников, тайной радостью...»¹.

В память о поэте душа Стражева отозвалась:

Розы радости – страданья
В сердце блеклый лепесток,
В темной памяти сияньем
Голубое имя – Блок!
Мир был душен. Мир был тесен,
Была пьяная пурга,
Но тоска метельных песен.
И доныне дорога!
В них томилось и молилось,
Веря в некий добрый срок,
То, что в злую ночь лучилось
Кратким светлым словом – Блок.

А 4 ноября 1921 г. в столице молодой Абхазской республики состоялся вечер, посвященный памяти Блока. Газета «Голос трудовой Абхазии» писала тогда: «Интересными в литературном отношении были два доклада В.И. Стражева и Л.М. Римского... Была дана и литературная иллюстрация в наиболее характерных для поэта произведениях, переданных мастерски: Стражевым в лирической части с присущими этой стороне творчества поэта элегичностью и тихой мечтательностью, и Римским, сумевшим четкой «Двенадцати» и «Скифов»... оттенить всю ширь... темперамента поэта в революционном устремлении его пророческого духа»².

Другое, наиболее яркое выступление Стражева первых лет Советской власти в Абхазии состоялось ровно через год. 29 ноября, в годовщину смерти Л.Н. Толстого, по инициативе совета Абхазского научного общества (АБНО) во 2-м Гостеатре был организован вечер. Вступительным словом его открыл председатель АБНО профессор Г.А. Фальборк. На вечере с докладами «Творческий подвиг Л.Н. Толстого», «Философия Толстого», «Толстой в истории науки и воспитании», «Память Толстого», «Страница воспоминаний о Ясной Поляне» выступили В.И. Стражев, Д.В. Захаров, Г.А. Фальборк,

¹ Лакоба С. Сердцу дорогое имя // Советская Абхазия. 11 ноября 1980.

² Голос трудовой Абхазии. 13 ноября 1921.

Ф.Д. Авилов, А.П. Иващенко¹. Вот что сообщалось по этому поводу в газетном репортаже:

«...Поднимается занавес: направо портрет Л.Н. Толстого, убранный зеленью; за столом президиум Абхазского научного общества. Торжественно, немного взволнованно, открывает председатель заседание – слово предоставляется Виктору Ивановичу Стражеву.

Тихо... Все замерло... Слова Стражева проникают глубоко, будят уснувшие струны, слышится музыка, красота и бесконечная глубина анализа человеческой мысли.

Унеслись мы от будней, повеяло воздухом Ясной Поляны, тоской великого старца, ищущего истину своей мятежной думой. Чувствовалась буря неутомимой мысли, ее крики; казалось, лопаются оковы предрассудков. Он бежит, уходит от мещанства, идет искать истину, и не найдя ее, обрывается громкий стон его страданий.

Тихо... Что-то подступило к горлу... Все, что говорилось после В.И. Стражева, ушло из поля внимания»².

САО, РАБИС, НАРКОМПРОС (1921–1927)

В те годы сокращалось все, что только можно было сократить: «САО» – Сухумское артистическое общество, «Рабис» – работники искусства, «Наркомпрос» – Народный комиссариат просвещения... «САО» – было создано еще задолго до 4 марта 1921 года – победы революции в Абхазии. Активное участие в нем принимали В. Стражев, Н. Евреинов, А. Шервашидзе, Н. Бутковская, Арзамасов и другие. Так, газета «Наше слово» сообщала, что в апреле 1920 года состоялись следующие спектакли в постановке «САО»: А. Островский «Лес», М. Дрейер «Любовь в 17 лет», Л. Толстой «Власть тьмы», Г. Гауптман «Потонувший колокол»³. Но особенно деятельное участие в «САО», начиная с 1922 года, принимают И.Я. Збарский, Е.А. Лепковский, Ю.М. Даминская и Л.Н. Россова, организовавшие «Вечера художественных постановок». Первым спектаклем из этой программы была пьеса Семена Юшкевича «Ко-

¹ Там же. 29 ноября 1922.

² Там же. 3 декабря 1922.

³ Наше слово. 7 апреля 1920.

роль» в постановке и при участии заслуженного артиста Московского Малого театра Е.А. Лепковского, который был первым «королем», с огромным успехом выступившим в роли Гросмана в Одессе в 1907 году. 30 сентября 1922 года в 9 часов вечера во 2-м Гостеатре состоялся этот спектакль. Перед началом его несколько слов о «Короле» Юшкевича сказал В.И. Стражев.

Скоро в том же театре с успехом прошла пьеса А.П. Чехова «Дядя Ваня».

В 20-х годах на сухумской сцене прошли и пьесы В.В. Каменского. Радовали всех постановки первого рабочего театра Абхазии «Синяя блуза», в котором активное участие принимал М.Д. Хахмигери. На одном из выступлений этого театра после закрытия V Всеабхазского съезда рабочие-актеры преподнесли синюю блузу их «почетному шефу» Н.А. Лакоба¹.

Во всех этих мероприятиях принимал деятельное участие В.И. Стражев, являвшийся с 1921 года заведующим подотделом искусств при Наркомпросе ССР Абхазии².

В сожженном по приказу властей Грузии в октябре 1992 г. Центральном государственном архиве Абхазии хранился ряд редких материалов, относящихся к первым дням установления Советской власти в крае. В.И. Стражев не только принял революцию, но и вложил много сил в строительство нового общества в Абхазии, в развитие народного образования, культуры и науки. Об этом свидетельствует, в частности, то, что уже 12 марта 1921 года на общем собрании работников школьного дела Сухума и его пригородов В.И. Стражев по поручению Наркома просвещения республики А.М. Чочуа выступил с докладом «Задачи школы в текущий момент»³. Тогда же, будучи заведующим отделом искусства, он предложил созвать общее собрание всех работников искусства Сухума, организовать художественный совет с единой целью – «искусство для народа», создать сухумский народный Дом искусств и рабочий клуб.⁴

Через два дня после этого совещания состоялось общее собрание членов Рабиса (работников искусства). Собравшиеся единогласно

¹ Трудовая Абхазия. 5 февраля 1925.

² ЦГАА. Ф. 8. ОП. 1. Д. 31. Л. 12 об.

³ Там же. Л. 2.

⁴ Там же. Л. 12 и об.

постановили – «обратиться к тов. Стражеву с просьбой передать Советской власти Абхазии», что все члены Рабиса «желают немедленно стать советскими служащими»¹. На следующем заседании, 30 марта 1921 года, работниками искусства был заслушан доклад В.И. Стражева, а через несколько дней, 4 апреля, на заседании общего собрания Рабиса присутствовал Ефрем Эшба, который обратился «к представителям искусств как к работникам просвещения, заявляя, что со своей стороны правительство будет охранять» их интересы. Затем с докладом выступил Стражев, наметив обширную программу преобразований в области культуры: «1) пожелание сохранить старое ценное в искусстве; сохранение классического репертуара; 2) тщательное отношение к новому искусству; 3) открытие художественных студий; собрание коллекций и устройство художественной выставки; организация артели художников; 4) организация народной консерватории; 5) о национализации кино и доходах от сборов для общего театрального дела; 6) о реорганизации цирка; 7) о сбережении драмы...; об организации режиссерской коллегии; 8) оставлении оперетты как театра политической сатиры; о поддержке оперетты; о передаче Интимного театра под разные секции и драматические студии».

В заключение тов. Эшба предложил следующую резолюцию: «Общее собрание поручает правлению Рабиса в заседании Ревкома провести национализацию театров Сухума»². Собравшиеся поддержали эту резолюцию.

В том же месяце, 17 апреля, на заседании Отнароба (отдела народного образования) членами коллегии (С. Чанба и др.) были утверждены заведующими отделами – Д.И. Гулиа (абхазская секция), А.М. Чочуа (единая школа), В.И. Стражев (научно-методический отд.)³ и др. Спустя три дня после избрания Виктор Иванович на заседании союза Рабпроса сделал два доклада: 1) «Ближайшие задачи учительства» и 2) «Система Фрёбеля и Монтессори». При этом он пожелал создать в первую очередь пособие по «родиноведению для школ Абхазии»⁴.

¹ ЦГАА. Ф. 105. Д. 2. Л. 32 об.

² Там же. Л. 34, 35 и об.

³ Там же. Д. 31. Л. 56.

⁴ ЦГАА. Ф. 8. Д. 4. Л. 36–37.

А 8 мая 1921 года по предложению Стражева в Сухуме открылась Народная консерватория Абхазии (просуществовала около года), одним из преподавателей которой был сам Виктор Иванович¹.

Вместе с М. Томарой и А. Захаровским много сил он отдал и централизации библиотечного дела в Абхазии, которая началась 6 августа 1921 года.

Самое непосредственное участие Стражев принимал и в становлении абхазского кино. Так, на заседании коллегии НКП ССР Абхазии под председательством А.М. Чочуа 14 октября 1924 года было решено: «Вследствие выезда тов. Чанба, в комиссию по организации кинодела в Абхазии назначить гр. Стражева»². В этой связи небезынтересно будет отметить следующий важный факт. 31 мая 1926 года в Сухуме по инициативе Н.А. Лакоба был проведен конкурс под председательством Д.И. Гулиа на лучшую абхазскую кинодраматургию. Первое место на конкурсе завоевал С. Чанба (сценарий «Махаджирь»); второе – В. Стражев («Под шум прибоя») и третье – М. Лакрба («Отар»)³.

Приближался 10-летний юбилей Великого Октября. Вся страна готовилась отметить эту знаменательную дату. Не осталась в стороне и Абхазия. 22 марта 1927 года состоялось организационное заседание Комиссии по празднованию 10-летия Октября при ЦИКе ССР Абхазии под председательством С.Я. Чанба. Причем во главе литературно-издательской и зрелищной подкомиссии, созданной при Наркомпросе ССР Абхазии, стояли А. Чочуа и В. Стражев, который разработал подробный план мероприятий. 13 мая им был сделан доклад. В нем предлагалось организовать торжества в школах республики, включить «в программу театров и кино» пьесы и фильмы «местного творчества», выпустить юбилейный сборник «Октябрьская революция в Абхазии» (материалы по истории революции Абхазии, очерки и воспоминания революционных деятелей), создать краеведческую «школьную библиотеку Абхазии», открыть Музей Абхазии, устроить Абхазскую выставку...⁴

¹ Там же. Ф. 8. Д. 1. Л. 87.

² Там же. Ф. 55. Д. 24. ЛЛ. 55–57.

³ Алашара. 1975. № 2, с. 74–75; ЦГАА. Ф. 8. Д. 324. Л. 87.

⁴ ЦГАА. Ф. 8. Д. 275. Л. 1–5 и об.

В результате осенью 1927 года в Москве на выставке «Искусство и литература народностей СССР» экспонировались следующие абхазские издания: С. Чанба «Дева гор», «Апсны ханым», Д. Гулиа «История Абхазии», «Божества охоты и охотничий язык у абхазов», «Как выбирать хорошую лошадь», «Я умер» (пьеса), «Абхазские поговорки и загадки»; А. Чочуа «Самоучитель», В. Стражев «Бронзовая культура в Абхазии», «Руинная Абхазия», «Горсть» (стихи), а также книги С. Басария, С. Ашхацава, Ю. Воронова, В. Малеева, М. Иващенко, Г. Барача¹.

Накануне празднования 10-летия Великого Октября В.И. Стражев в репортаже «Письмо из Москвы», помещенном 2 ноября 1927 года в газете «Советская Абхазия», писал: «С каждым днем учащенной биение сердца Союза, сердца Мировой Революции – Красной Москвы... Клоочет двухмиллионный город... В доме Герцена – объединенная выставка художественной литературы СССР по двум отделам: литературы на русском языке и литературы на языках национальностей, населяющих наш Союз... Предстоят насыщенные дни. Мы услышим гулкое эхо железного десятого шага Октября. Будет праздник... Скоро...».

СТРАЖ АБХАЗСКОЙ СТАРИНЫ

«В Сухуме, – писала журналист Зинаида Рихтер, – на набережной, в один из первых вечеров, любуясь экзотическими опахалами финиковых пальм, эффектно освещенными электрическими лампочками, лунной тропой в море над затонувшим, некогда пышным греческим городом Диоскурией, я невольно сказала своему спутнику, поэту Виктору Стражеву:

– Счастливый, постоянно живете среди этой красоты.

– А вы могли бы проводить день и ночь, месяцы, годы былых времен в Стрельне? Здесь та же Стрельна. Летом и зимой вечно видишь одну и ту же зеленую декорацию. Приезжие и курортные видят и знают Абхазию только с одной этой стороны: Абхазию – «Стрель-

¹ Там же. Л. 177 и об.

ну», вечнозеленую, феерическую, праздничную Абхазию, которую можно видеть с автомобиля»¹.

Эти годы для Стражева были еще важны его «загорной, зарубежной» тоской по России. Когда Зинаида Рихтер в 1923 году посетила Сухум, поэт в стихотворении «Абхазии» писал:

В душе – безгрезно, безнапечно –
Горят вечерние огни.
Остыли северные дни
За гребнем лет, восставших гневно.
Давно я сам себе далек,
И стала сказкой жизнь былая.
Страна жемчужно-голубая!
Волной прибило мой челнок.

Но интересно то, что именно с этого времени начиналась на берегах древней Диоскурии новая жизнь Виктора Ивановича – жизнь археолога. Он неожиданно открывает для себя красоты Абхазии, ее гор, ущелий, рек, которые не увидишь из окна автомобиля. Сухумские декорации сменились красочными живыми картинами ее прошлого и настоящего.

11 ноября 1924 года состоялось общее собрание членов Абхазского научного общества (АБНО) под председательством Г.П. Бараца, на котором был заслушан доклад В.И. Стражева «О Пицунде в историко-археологическом отношении». После собрания состоялось организационное заседание новой секции географии и этнографии Абхазии. В президиум этой секции были избраны С.П. Басария, В.И. Стражев и Л.Л. Захаровский.² «В 20-х годах... – писали Л.Н. Соловьев и М.М. Трапш в статье «Археологические исследования в Абхазии за 40 лет Советской власти», – были сделаны первые шаги в области абхазской археологии, систематических сборов, разведки и музейного хранения В.И. Стражевым и М.М. Иващенко...»³.

В сентябре 1924 года Виктор Иванович принимал участие в организации и проведении I съезда деятелей краеведения Черноморского побережья и Западного Кавказа в Сухуме. Съезд созывался в целях «надлежащей постановки изучения местного края и наилучшего

¹ Рихтер З. Кавказ наших дней. М., 1923–1924, с. 93–94.

² Трудовая Абхазия. 12 ноября 1924; 15 ноября 1924.

³ Труды АБИЯЛИ им. Д. Гулиа. Т. XXXII. Сухуми, 1961, с. 115.

практического использования местных богатств, а также распространения и популяризации идей краеведчества»¹.

Вскоре после проведения съезда постановлением Президиума ЦИКа ССР Абхазии от 1 января 1925 года при Наркомпросе республики была учреждена постоянная Абхазская «Комиссия по охране памятников искусства, старины и природы»².

Весной того же года (3 апреля) на первом заседании Комиссии под председательством А.М. Чочуа было решено «ближайшее руководство работами по охране памятников старины поручить т. Стражеву, а работами по охране памятников природы – т. Малееву». Им же было поручено редактирование Обращения к населению от имени Комиссии. В Абхазском госархиве хранился его проект, написанный рукой Виктора Стражева³ и опубликованный 18 мая 1925 года⁴. В этом интереснейшем документе первых лет Советской власти в Абхазии трудящимся объяснялись задачи охраны памятников культуры. В нем, в частности, говорилось: «Абхазия богата памятниками старины и природы, имеющими высокий научный и художественный интерес и значение. Их бережная охрана и изучение должны быть признаны в культурном строительстве и росте республики большой и неотложной задачей». Обширное Обращение к населению подписали председатель Комиссии по охране памятников искусства, старины и природы, нарком просвещения А.М. Чочуа и ее члены – В. Стражев, В. Малеев, Н. Патеипа и Л. Вучетич.

Здесь интересно будет отметить, что одним из первых на весть об учреждении Комиссии откликнулся еще в январе 1925 года князь Таташ Маршания, который предложил АбНО «имеющие большую ценность старинные предметы»: седло бывшего владельца Дальской Абхазии, шашку и прочее. 20 января была составлена специальная комиссия в составе С.П. Басария, В.И. Стражева, Г.П. Барача и Р.И. Какуба для осмотра этих вещей⁵.

Сразу же по опубликовании Обращения к трудящимся республики с мест стали поступать в Комиссию сообщения о тех или

¹ ЦГАА. Ф. 2. Д. 259. Л. 9 и об.

² Там же. Ф. 105. Д. 10. Л. 84 и об.; Трудовая Абхазия. 1 января 1925.

³ ЦГАА. Ф. 8. Д. 215. Л. 10.

⁴ Там же. ЛЛ. 18–21 и об.; Чочуа А.М. Собрание сочинений. Сухуми, 1969. Т.2, с. 359–362.

⁵ ЦГАА. Ф. 2. Д. 421. Л. 12–13.

иных памятниках старины и природы, расположенных на территории села, города или вне населенных пунктов. Так, житель Новых Гагр обратился в АбНО с предложением продать имеющийся у него «ценный мраморный барельеф с изображением Афродиты и Гермеса древнегреческой работы, найденный им в районе села Калдахвара при постройке железной дороги». Мраморная плита с художественными изображениями и надписями, обнаруженная в непосредственной близости от древнего города Питиуса, заинтересовала исследователей¹.

23 мая 1925 года председатель АбНО Г. Барач сообщил об этой находке председателю Комиссии по охране памятников искусства, старины и природы А. Чочуа. А через месяц об уникальном античном барельефе было доложено Председателю Совета Народных Комиссаров ССР Абхазии Н.А. Лакоба².

В целях выявления и сохранения абхазских древностей Наркомпрос ССР Абхазии выдал «открытый лист» на археологические раскопки профессору Московского госуниверситета Алексею Башкирову (проводил их с 1 августа по 1 ноября 1925 года). 29 июля председатель АбНО Г. Барач писал в Комиссию, что «все материалы, которые имеют быть добыты его экспедицией на территории и на средства Абхазии... должны быть сданы в музей АбНО... Вместе с сим, так как права Главнауки РСФСР не распространяются на территории Абхазии, то присланный открытый лист проф. Башкирова в пределах Абхазии не может иметь силы и должен быть заменен открытым листом, выданным Комиссией по охране памятников природы и старины при НКПросе Абхазии»³.

В экспедиции А.С. Башкирова приняли участие уполномоченный Наркомпроса, член Комиссии В. Стражев и представитель АбНО Г. Барач. 14 сентября по поручению Совнаркома ССР Абхазии они составили акт осмотра древностей Пицунды: храма, древнего водопровода, руин античного города, канала, соединявшего некогда озеро Инкит с морем. По поводу состояния Пицундского Успенского собора археологи писали: «Фрески пострадали от времени, но также и от безобразного отношения неизвестных лиц к художественной

¹ Там же. Ф. 8. Д. 215. Л. 26–27 и об.

² Там же. Ф. 2. Д. 421. Л. 20 и об.

³ Там же. Ф. 8. Д. 215. Л. 30–31.

древности..., кем-то был сделан ружейный выстрел в лицо Христа в куполе..., фрески в приделе также пострадали от злоумышленников, которые выкололи глаза у человеческих фигур, местами фрески пострадали от револьверных выстрелов... Мы считаем необходимым усилить внимание к хранению редкостного памятника...»¹. На основании этого акта (Башкиров, Стражев, Барач) 1 мая 1926 года был выработан проект постановления СНК ССР Абхазии о государственном Пицундском заповеднике, который развивал декрет ЦИКа об охране памятников искусства, старины и природы. Под защиту государства были взяты сосновые насаждения, а территория, занятая историческими и археологическими памятниками, объявлялась «охранным районом»².

Обследовав мыс Пицунда, ученые направились на осмотр памятников селения Лыхны – «древней абхазской столицы», 18 сентября они побывали в древнем храме и во дворце «абхазских царей». «Необходимо спешить, – писали исследователи, – с изучением фресок храма в самом срочном порядке, с калькированием их, снятием с них копий, тщательным фотографированием и изучением техники данной фресковой росписи как особого рода живописи». Башкиров, Стражев и Барач обращали внимание на плачевное состояние иконостаса, а охрану храма считали «лучше всего поручить священнику о. Антипу Сниада».

По поводу же дворца отмечалось, что он «своими фрагментами представляет исключительный интерес, как остаток древнего гражданского зодчества вообще на Кавказе...». В заключение археологи писали: «Означенное место как центр древней столицы Абхазии не может не интересоваться абхазские научные круги и Абхазское правительство. Пора перейти от скудных сказаний древних писателей и филологических выкладок к действительным памятникам абхазской культуры...»³. И первым перешел от слов к серьезной научной работе Стражев, поместив в «Известиях» АБНО статью «Руинная Абхазия» с подробным обзором многих археологических памятников⁴.

¹ Там же. Л. 46–47.

² Там же. Л. 56 и об.

³ Там же. Л. 49–50.

⁴ Стражев В. Руинная Абхазия // Известия АБНО. Вып. I. Сухум, 1925, с. 131–169.

Стражев являлся своего рода посредником между АбНО и Наркомпросом Абхазии, направляя деятельность Комиссии по охране памятников искусства, старины и природы. В 1926 году вышли в свет сразу две его работы: «Бронзовая культура в Абхазии» и «К Азантскому дольмену»¹. Стражеву принадлежит (вместе с М. Иващенко) заслуга открытия колхидско-кобанской (если не считать случайных находок Миллера в 1907 году) и дольменной культур в Абхазии.

В архиве² хранился один интересный документ – мандат, подписанный А.М. Чочуа 28 июля 1926 года: «Предъявитель сего, Виктор Иванович Стражев, член Комиссии по охране памятников искусства, старины и природы при Наркомпросе ССР Абхазии, имеет своей задачей обследование всех памятников древностей на территории Абхазии, имеющих историко-художественное, археологическое и научное значение... Просьба ко всем... оказывать т. В.И. Стражеву всемерное содействие в его работе»¹⁷. А интересен он тем, что выдан за день до поездки в село Азанта, в результате которой Стражеву, как он сам не без юмора писал, удалось снять с «Абхазии обвинение в бездольменности».

СТИХИ

В дооктябрьский период Виктор Иванович Стражев был широко известен как поэт-символист. В период с 1904 по 1911 годы в Москве были изданы три его поэтических сборника, философский диалог «О Метерлинке, Синей Птице и Вечном Младенце», а также двухтомник поэзии и прозы. Помимо этого, отдельные произведения поэта публиковались в многочисленных журналах и сборниках – «Новый путь», «Русская мысль», «Зори», «Перевал», «Юность», «Лебедь», «Слово», «Новое слово», «Корабли», «Корона» и других.

На самый первый сборник стихов Стражева Александр Блок откликнулся в 1905 году рецензией³. А чуть позже, осенью 1906 года, молодые люди, почти ровесники, познакомились на одном из многочисленных вечеров в Петербурге, где Блок читал прославленную «Не-

¹ Известия АбНО. Вып.IV. Сухум, 1926.

² ЦГАА. Ф. 8. Д. 258. Л. 12–13.

³ Блок А.А. Собрание сочинений в 8-ми томах. Т. 5. М.–Л., 1962, с. 563–564.

знакомку» в присутствии великих русских писателей И.А. Бунина и А.И. Куприна¹. Вскоре после этого знакомства Виктор Стражев издал второй сборник стихов. А летом 1907 года Блок опубликовал статью «О лирике», в которой подробно разобрал произведения современных ему поэтов – К. Бальмонта и И. Бунина, С. Городецкого и С. Соловьева, Ф. Сологуба и...

«Хорошо озаглавил свою вторую книжку Виктор Стражев: О печали светлой, – писал Александр Блок. – Это из пушкинского стиха. Маленькая книжка заставляет совсем забыть первые и очень неудачные опыты поэта... Душа новой книги – лирическая душа... Лучшие строки Стражева о природе: «Светит ясною росинкой глубь зацветшего куста», или: «И затопила дебрь лесная меня густою тишиной», или: «Заночевали легким станом летуны-тучи в вышине», или:

Звоны, певы, гулы, гуды

В тишине полей плывут.

Очень целен и свеж отдел «Шестопсалмие». И вся книжка свежа и проста, как ее белая одежда, – в ней думно и светло...»².

В том же году состоялась вторая и последняя встреча Блока и Стражева в Москве, на квартире писателя Н.Е. Пояркова, где было задумано издание литературного сборника «Корабли» с участием В. Иванова, В. Брюсова, А. Белого, А. Блока, В. Стражева, Ф. Сологуба, М. Кузьмина, К. Бальмонта, И. Бунина, Б. Зайцева и др.

Но знакомство двух поэтов продолжалось и в последующее время. В июле 1908 года Блок издал сборник стихов «Земля в снегу», посвященный актрисе Н.Н. Волоховой. Первым откликнулся на книгу великого поэта Стражев. Это становится ясным из письма, датированного 14 сентября того же года:

«Многоуважаемый Виктор Иванович. Спасибо Вам за Ваши милые слова – первый отзыв о «Земле в снегу», какой я слышал, очень приятен для меня. Посылаю Вам маленькое стихотворение для «Северного сияния», которое очень меня интересует. Жалею только, что «без политики», знаю, впрочем, что теперь за всякую политику сцапают. И все-таки очень мечтаю о большом журнале с широкой общественной программой, «внутренними обозрениями» и т. д. Уверен,

¹ Лакоба С. Сердцу дорогое имя // Советская Абхазия. 11 сентября 1980; Литературная Грузия. 1980. № 11.

² Блок А.А. Собрание сочинений в 8-ми томах. Т. 5, с. 157–158.

что теперь можно осуществить такой журнал для очень широких слоев населения и с большим успехом... если бы не правительство... Я сейчас в деревне (... с. Шахматово), а к 1 октября примерно вернусь в Петербург... Если успеете, напишите мне два слова сюда. Искренне уважающий Вас Александр Блок»¹.

Изданием журнала «Северное Сияние», его программой руководили художник и искусствовед, глава и идеолог группы «Мир искусства» А.Н. Бенуа, известный литературный критик Ю.И. Айхенвальд, художник И.Я. Билибин и В.И. Стражев, заведовавший в нем литературным отделом.

Однако «Северное Сияние» успеха не имело и через год перестало существовать. Во втором его номере, за декабрь 1908 года, Стражев поместил стихотворение Блока «Воспоминание» о Волоховой, присланное осенью в письме и представляющее, видимо, последнюю редакцию стихотворения «Я помню длительные муки» (написано 4 марта 1908 года)².

А через год в Киеве была издана «Антология современной поэзии», в предисловии к которой сказано: «Великое обновление искусства, совершившееся накануне XX века, расковало и раскинуло много шире кольцо красоты, обручающее искусство с жизнью». Наряду со стихами В. Соловьева, А. Белого, А. Блока, М. Волошина, И. Бунина, В. Иванова, в ней широко представлено и творчество Виктора Стражева.

Дореволюционная деятельность поэта завершается первым томом стихов, изданным в Москве в 1910 году. «В этой книге, – писал Виктор Стражев, – я собрал значительную часть моих стихов из тех, что за период 1904–1909 гг. были напечатаны в разных изданиях...».

К сожалению, объем данной работы не позволяет подробно остановиться на произведениях поэта первого этапа. В то же время стоит привести здесь наиболее интересные стихи Стражева первого десятилетия XX века.

И ты. И сумерки. И млеющая тишь.

Вокруг снега – и сны, и тайна.

А ты кого так зорко в небе сторожишь?

¹ Там же. Т. 8, с. 253–254.

² См. об этом подробнее: Лакоба С. Сердцу дорогое имя // Советская Абхазия. 11 сентября 1980.

Молчишь. Загадочна. Необычайна.

На стихи поэта написаны русские романсы. Наиболее известен из них романс Р.М. Глиэра:

Они стояли молча. И плакала она.
И тихо плакал ветер у темного окна.
И улица рыдала огнями фонарей.
Иплыли мимо пятна неведомых людей.
И грустно-грустно было у темного окна.
Они стояли молча, и плакала она.

Второй этап творчества Стражева, в отличие от первого («московского»), можно назвать «абхазским» (1916–1927). В эти годы с особенной силой раскрылся поэтический дар Виктора Ивановича. В 1923 году он переводит с абхазского на русский язык поэму С.Я. Чанба «Дева гор» и тогда же издает в Сухуме свой сборник стихов «Горсть». Спустя полвека после выхода в свет этой книги доктор филологических наук Х.С. Бгажба в работе «Этюды и исследования» заново открыл ее для читателя, опубликовав несколько замечательных произведений из сборника – «Махаджир», «Аслан-бей», «Абхазии», «Толумбаш». Не менее интересны и такие стихи, как «В горах», «Диоскурия», «Ра», «Горе», «В море», «В ущелье»...¹.

Стражев с уважением относился к народным обычаям, связанным с гостеприимством, почтительным отношением к старикам... Вместе с тем о некоторых излишествах за пиршественным столом поэт не без юмора пишет в стихотворении «Толумбаш». Занимаясь археологическими исследованиями в Абхазии вместе с М. Иващенко и другими исследователями, они не раз оказывались в плену гостеприимства. Вот как Стражев разъясняет слово «толумбаш»: «Предводитель пира, хозяин стола. Его счастливой, но суровой власти пирующие обязаны подчиняться, по традиции, беспрекословно, его торжество – последняя, осушаемая им чаша, после того как остальные «изнемогли».

Это шуточное стихотворение, в вечерние часы отдыха, во время полевых раскопок, стало своеобразным «гимном археологов».

«Закон стола» хранил я строго
И не считал за здравных чаш.
И за Аpsны я пил из рога...

¹ Лакоба С. Поэт, ученый, педагог // Советская Абхазия. 30 января 1980.

Но пощади же, толумбаш!
Гляди: вокруг – как поле боя.
А бой был долог и жесток!
И в окнах – утро голубое,
И весь истрелян потолок.
Ряды пирующих, редая,
Изнемогли уже давно...
Нет! Лей мне лучше яд Медеи,
Чем гудаутское вино!

Завершает сборник «Горсть» поэма «Песнь о голубоглазом». Она перекликается с «Песней о Гайавате» Г. Лонгфелло в переводе И. Бунина (1891). Свежестью и первозданной лиричностью веет от этой живописной поэмы:

Позабывши сам – откуда,
Он прибрел тропинкой горной,
Древних рас живой осколок.
Море синее шумело
У подножья гор зеленых.
И приморье полюбилось.
И нагорье приютило.
В заповедной чаще леса
Взял он дремный шепот листьев,
У змеи он взял шипенье,
Взял у птицы сладкий щебет,
У цикады стрекотанье,
У ручья певучий лепет –
Ими речь свою украсил
И в гортанный влил их говор,
Тот, что вынес издалека.
Он у горного потока
Научился злой отваге.
Подглядел у легкой серны
Тайну легкого копыта.
Слушал ветер он унылый,
Тот, что плачет по ущельям,
Стал, как ветер, плакать песни.
И глядел он долго-долго
Прямо в небо голубое –

И глаза заголубели
И остались голубыми
Оттого, что долго-долго
Он глядел упорно в небо.

Увлеченность историей Абхазии определила тему многих стихов поэта. Особенно хочется отметить неопубликованный цикл Стражева «Диоскурийские сонеты», начатый в 1923 году в Сухуме и завершённый в 1939-м году в Москве. Из пятнадцати произведений девять сонетов Виктор Стражев написал в Абхазии, а остальные – в России под явным впечатлением от одиннадцати лет пребывания в древнем городе. Яркие уличные картины более чем двухтысячелетней давности предстают перед нами. Будто вступаешь в мир прошлого, его романтическую мифологию. Вместе с тем в сонетах глубоко выражена и своеобразная личность самого поэта, его переживания, мысли... Во вступлении «Я и Он» Стражев говорит:

Здесь жизнь когда-то плакала и пела,
– Мечталось мне на берегу морском, –
Томило смуглое и радостное тело,
Стучала молотом, звенела барышом.
.....
Не раз, под гравием, разрыхливши песок,
Я находил узорный черепок...
Под шум прибоя, в нём тысячелетий
В твоей ладье я уплывал, сонет!
И мне мерцал диоскурийский свет...
И я мечтал себя в неведомом поэте.

В «Диоскурийских сонетах» Стражев набросал образ человека-изгнанника, выходца из Милета, вынужденного покинуть свою отчизну и поселиться на время в Диоскурии. В выходце из Милета можно без труда узнать самого поэта, который прожил в Абхазии, на Кавказе, более десяти лет. В сонетах как в зеркале отражено душевное состояние Стражева тех лет, ностальгия по родной России. С особенной силой эти чувства выражены в стихах «Письмо на родину. К матери», «Перед разлукой» и в «Отплытьё»:

Корабль плывет, и берега, чуть млея,
Вот-вот – я жду – истают навсегда.
Над зыбью гор, где стоны Прометея,
Затеplилась вечерняя звезда.

Так сам он отплывал на пароходе из Сухума «в нежный и теплый синий вечер» 1927 года. Отплывал на свою родину и вспоминал Абхазию. А потом в России совершенно неожиданно для него самого выплеснулись «Московские письма», в одном из которых он «сильно почувствовал себя абхазским «махаджиром».

«В ЗЫБКЕ НАД БЗЫБЬЮ...»

Стражев был не только поэтом и переводчиком, но и прозаиком. Его лирические рассказы «Снег», «Боги», «Давно-недавно», «Ая», «Голубой огонь»¹, написанные в период с 1906 по 1910 годы, сразу же привлекли внимание известных русских писателей.

Прозаические произведения Виктор Иванович Стражев писал и в Абхазии. Но, к сожалению, рассказы, созданные им здесь, пока не обнаружены исследователями. Сохранились лишь подшивки старых номеров газеты «Советская Абхазия», в которых мне посчастливилось отыскать серию неизвестных очерков писателя под общим названием «В поисках старины». Они представляют не только научный, но и литературно-художественный интерес. Необходимо заметить, что толчком к их написанию послужил факт создания в 1925 году Комиссии по охране памятников искусства, старины и природы.

О том, как была открыта в Абхазии колхидско-кобанская культура, Виктор Иванович очень образно рассказал в очерке «Два дня в бронзовом веке»². Получив в мае 1926 года сообщение из сел Баклановка (Аацы) и Петропавловка Гудаутского района о находках бронзовых топориков, кинжалов, наконечников пик и стрел, Стражев вместе с представителем от АбНО М.М. Иващенко выехал «на таинственную бронзу». В Петропавловке им вручили древний топорик с рисунком, который поверг краеведов в «бронзовую лихорадку». Находка превзошла все ожидания: «Памятники кобанской культуры в Абхазии – это было слишком большое событие для нашего археологического сердца!». Но крепкие сердца исследователей выдержали эмоциональный взрыв радости. Переночевав в с. Баклановка, рано

¹ Стражев Виктор. Рассказы. М., 1911.

² Трудовая Абхазия. 11 мая 1926.

утром они двинулись в путь: «Снеговые горы с четким абрисом вершины «шапки Сефер-бея» – не оторвешь глаз... Настроение бодрейшее. Собралась школьная детвора. Человек пятнадцать идет с нами «на экскурсию». Купили свечей для осмотра крепостного подземелья. Главный проводник – Миха Зухба, в почтенном возрасте 13-ти лет...

Это огромное удовольствие... – переходить широкую, холодную и быструю горную реку по каменистому дну и открывать в себе цирковые способности балансировать. Мы проделали это очень весело и с большим успехом, перейдя р. Апсту... Перед нами, совсем близко, невысокий кряж Абгархук. Через час мы стоим перед отвесной дикой скалой, на вершине которой полуразвалившаяся крепостная башня. Берем крепость... На осмотр и обмер стен и башни, на заслуженный отдых и на любованье окружающим горным чудесем уходит добрый час. Спускаться – хуже. Одну ногу поставишь, а другую – девать некуда. Оборваться не хочется – тогда никогда не вернешься в Сухум... На пути спуска – каменная пасть. Похоже на эпический вход в подземный мир. Вообще, пахнет Гомером... Когда я задумчиво повис в каком-то невесомом месте., опередивший меня иронически кричит:

– Ну, смелее! А еще в Швейцарии бывали!

– Да я по Швейцарии-то в вагоне ездил! – Смущенно оправдываюсь я.

Когда спускаемся по ложу ручья, проползаю под какой-то перекладной, и вдруг слышу сзади окрик:

– Осторожней! Это – капкан!

Объяснили, что это приспособление для ловли дикого кота. Хорошо, что я не дикий кот: пропал бы непременно... Мальчуганы идут шеренгой, перевившись руками, поют «Интернационал». Им – большая благодарность: они не только путеводители и отличные спутники – они в дороге рассказали любопытные местные предания о крепости, которую мы осмотрели. Краеведение без них не обойдется...».

А спустя несколько часов «машина времени» перенесла археологов из прошлого в настоящее. И Стражев очень метко заметил: «Около десяти вечера афонские огни вернули нас из века бронзы в век электричества».

Прошло больше года. В начале августа появился новый очерк Виктора Стражева «В поисках старины».¹ Его археологический союз с М.М. Иващенко продолжался. «Если иметь пару приличных ног, – писал с юмором Виктор Иванович, – два жадных и веселых глаза, не совсем еще изношенное сердце..., то, пользуясь летним досугом и твердо установившейся погодой, поучительно, приятно и похвально побродить по Абхазии».

Сладив свою «экспедицию в четыре ноги», Стражев и Иващенко добрались до сел. Ольгинского в Цебельде. Их гостеприимно встретила усадьба Вороновых, где стоял древний с гигантским шатром орех. «Прекрасны эти эпические древесные великаны Абхазии! – писал Виктор Стражев. – Лежа у их корней, под мудрым молчанием листвы, ясно и просто понимаешь языческий культ деревьев... О священных деревьях и рощах на нашем побережье мы имеем целый ряд исторических свидетельств; мистика леса, в пережитках, жива и до сих пор в народной традиции. Шатер дерева был местом священнодействий, местом народных собраний. Головы жертвенных животных, оружие, – всякие другие обетные приношения вешались на ветвях, втыкались в ствол, – и вор не смел к ним прикоснуться, никто не мог обломать ни одного сучка. Лоскуток одежды больного привязывал болезнь к дереву, в котором жил «дух». Есть старое литературное указание, что в Абхазии священная роща давала преступнику неприкосновенность, право убежища».

Несколько дней они бродили по цебельдинским местам, вспоминали «непокорный старый Цабал, бывшее царство феодального рода Маршан», вспомнили, что здесь воевал декабрист «Марлинский, литературная знаменитость эпохи Пушкина», видели множество «немых руин» и с горечью думали: «Нынешнее население Цебельды – армяне и греки – не помнит и не знает ничего. Теперь здесь все – табак». Стражев и Иващенко обследовали храм, описанный еще в 80-х годах XIX в. графиней П.С. Уваровой, крепость, взбирались на пирамидальную гору Адагуа, где, якобы, есть плита с надписью: «О, ради надписи мы готовы ползть на что угодно! Абхазия не богата памятниками эпиграфическими, а для разгадки ее древностей они так нужны, так ждуются и ищутся, так снятся... Трудно дается гора... лезем прямо в раскаленную пасть солнца. Ноги слабеют и подгибаются,

¹ Советская Абхазия. 6 августа 1927.

мучит жажда, дьявольски мучит – за кружку студеной воды отдал бы, кажется, целую букву из той «надписи», что на вершине». Но на вершине, кроме «смутных остатков» фундамента, ничего не оказалось. Погрустили, полюбовались панорамой гор и моря пошли обратно, к реке Кодор. Их «ноги торопились сами, как усталые лошади в родную конюшню». Спустились к развалинам крепости Больших Краевичей – Цибилууму, которую раскапывали потом археологи Ю. Воронов, О. Бгажба, Н. Шенкао... Уже тогда Виктор Стражев писал, что таинственные находки, сделанные здесь, «не позволяют сомневаться в большой культурно-исторической значимости этого уголка Цебельды и требуют к нему особого научного внимания». А чтобы науке не достались «развалины развалин», необходимо «поспешить с тщательным и систематическим археологическим обследованием, повести глубокие раскопки, и не будет удивительным, если одна из темных и непрочитанных страниц истории Абхазии... осветится и прочтется...».

Продолжил историко-краеведческую тему второй очерк Стражева «В поисках старины», появившийся через три дня после первого – 9 августа 1927 года¹. Он открывается живописным, музыкальным холстом, в котором слились и проза, и поэзия: «Утро. Чуть дождит. Небо то мглился, то голубеет... Спустились к Амткелу... Дыбится лесистый Пал. По каменистому ложу чудесно шумит река.

Неожиданно в звуки воды вливаются звуки шарманки. Медленно, с непокрытой головой, бредет от мельницы по берегу коренастый человек, вертит шарманку – играет сам для себя. Вероятно, в нем поет перебродивший виноградный сок, вероятно, ему стало хорошо и грустно. Под шарманку и гул Амткиала встают в памяти вёсны молодости, родной и далекий северный город и что-то еще, многое...

Идем, переходим мост, поднимаемся и долго обходим гору. Справа, глубоко, чуть шумит Амткиал, бегущий в Кодор. Прямая ровная лесная дорога ведет и ведет. Поворот влево, – и вот она, Багадская скала. Надвинулась дождевая туча, и мы быстро-быстро узким карнизом, свисающим над жуткой крутизной, пробираемся не без опаски: всего чаще именно в дождь падают здесь камни... С балкона постового дома любовались грандиозным зрелищем: вздымалась великолепная Багада в чалме грозовой тучи, в слепительном

¹ Советская Абхазия. 9 августа 1927.

блеске молний. Почему сухумцы не паломничают к Багаде? Непонятно».

О Стражеве можно говорить как о большом мастере лирического пейзажа. Язык писателя отличается лаконичность, образность, прозрачность. Как стихи в прозе читается отрывок, построенный на рефренах: «Лошади шли без передышки. Мы не отставали. Долго тянулось селение Латы. Шли. Кодор становился все шумливее. Шли. Припадали жадно к холодной воде родников, сочившихся из мшистых скал. Тропа змеилась, горбатилась, иногда сползала к самой реке. Радость для глаз не кончалась. Шли. Уже низко было солнце, когда остановился наш караван... Дальше лошади не шли».

К вечеру археологи добрались до урочища Куабчара, где и заночевали «под золотым бисером неба». А утром двинулись в сторону Чхалты. «Что за веселая, шумливая река! – восторгался ею Виктор Иванович. – Мчит она из-под Маруха свою ледяную воду, почти оттуда же, откуда гордо-девственная Бзыбь несется на запад. Но Бзыбь державна до конца – до моря. А Чхалта... Вот здесь, на глазах, в ледяной своей страсти, отдает она себя красавцу Кодору. Здесь, в Кодоре, – конец веселой Чхалты! Над их слиянием – древняя, никем не изученная крепость. Массивная кладка стен свидетельствует о глубокой строительной традиции. Это, по меньшей мере, рука Византии». Недалеко от крепости они обнаружили не отмеченный в литературе храм, осмотрели древнюю Амзарскую церковь. Обследовав Дал и Цабал, ученые двинулись в Сухум, а затем в Пицунду, Гагру и Бзыбь.

Впервые Виктор Стражев побывал в Пицунде в 1925 году вместе с экспедицией АбНО. Ехали они тогда катером из Гудаут. Попали в шторм. В первую же ночь на мысу экспедиция подверглась нападению бандитов. Виктор Иванович заболел здесь тропической малярией. Вторая поездка в Пицунду состоялась летом 1927 года¹. Поэт и археолог приехал сюда на автомобиле, переправившись на пароме через Бзыбь. «Удивительное и глубокое чувство рождает Пицунда, – писал он. – Бродишь по земле, насыщенной таинственной древностью Великого и Богатого Питиуса, любишься блистательным мастерством византийского зодчества, кочуешь по сосновой роще, этой драгоценности... Абхазии... Изумительно прозрачна вода в тишай-

¹ Советская Абхазия. 11 августа 1927.

шем, серебряном от солнца, заливе. Пустынность. Безмолвие. Грусть веков. Еле слышны сосновые вздохи. Темные громады далеких гор, застилающих север».

Стражева глубоко заботило будущее Пицунды – «естественного музея Абхазии». Он был против строительства здесь лесопильного завода, различных хозяйственных строений: «Если бы я был власть, я объявил бы весь пицундский мыс заповедником, отремонтировал старые монастырские здания и устроил в них дома отдыха и нашел бы средства для того, чтобы с помощью археологической лопаты попытаться прочесть тайны пицундской земли. Пицунда стала бы интереснейшим местом всего Союза...».

Говоря о средствах на раскопки, В. Стражев имеет в виду прежде всего доходы от многочисленных организованных экскурсий. Еще 10 марта 1925 г. на заседании совета АбНО он впервые высказался за научное руководство экскурсантами и организацию в республике экскурсбюро¹.

Так пророчествовал поэт. А Пицунда, о которой он мечтал, станет всеобщим и международным курортом.

Скоро археолог обследовал крепость и развалины храма у моста через Бзыбь. «Бзыбские древности – чрезвычайного интереса, – писал он. – Трехнефный храм – один из лучших памятников руинной Абхазии. Великолепный материал, высокая техника кладки, резные сохранившиеся камни оконных наличников в алтарной части, весь комплекс окружающих сооружений убеждают, что в этом районе Бзыби имела место богатая историческая жизнь».

Ранним утром он двинулся вверх по реке, в урочище Хасантабаа. Там, «над бездной», поэтом было создано совершенно замечательное творение: «Ущелье Бзыби необычайно красиво. На пути встречался самшитовый старый лес. Приветливой волной шумела Бзыбь. Отшагав верст восемь, на противоположном берегу, на крутой и одинокой горе, отбежавшей от побережного массива, увидел мрачную высокостенную крепость, на которой вздымалась, как длинная шея, глухая башня. Веяло романтикой феодализма. Но между мной и крепостью бурлила непроходимая Бзыбь. Где же паром? Как перебраться?»

¹ ЦГАА. Ф. 2. Д. 421. Л. 19.

Судьба смилостивилась: из лесу вышло мое счастье – маленький абхазец-мальчик с пустой корзиной. Ему тоже надо было на тот берег. Я объяснил ему свое затруднение со всем мимическим красноречием. Он, видимо, понял, но минут пять молча и серьезно рассматривал мою персону во всех подробностях. Потом вложил пальцы в рот и свистнул. Вот это свист! Так, вероятно, свистел былинный Соловей-разбойник.

На том берегу замаячила фигура, подошла к реке, нырнула в люльку – и черный паук пополз по канату... Уплотнились свыше нормы, некоторые мои оконечности торчали на воздухе. Завертелась ручка, закрипели колесики, качаясь поползли над бездной. Мальчик-абхазец остался на второй рейс. Поглядел вниз, поглядел вверх – решил никуда не глядеть. В сознании промелькнула вся прожитая жизнь. Захотел сочинять предсмертные стихи, чтобы чем-нибудь заняться на воздушном досуге. Сочинил:

В зыбке над Бзыбью зыблюсь.

Миг! – и я в Бзыби урыблюсь.

Зыблюсь над Бзыбью в зыбке.

Понравлюсь ли бзыбской рыбке?

Когда оказался на твердой суше левого берега, робко пощупал себя: я или не я?».

Изучив крепость на левом берегу Бзыби, Стражев вернулся обратно: «Вечером сидел в калдахварском духане, слушал от молодого абхаза сказания о нартах, вертел в руках бронзовый браслет, найденный где-то поблизости».

На следующий день поэт добрался до Черной речки, где в отвесе скалы застыл «таинственный неприступный «монастырь». На ночь он остановился под гостеприимным кровом З.Н. Бения в селе Отхара, а утром осмотрел дольмены и «неведомую в литературе разрушенную крепостцу...».

АБХАЗСКИЙ «МАХАДЖИР»

К теме махаджирства Виктор Стражев обращался неоднократно. Переселение в Турцию до «наших дней осознается в Абхазии как национальная печаль», писал поэт в сборнике «Горсть» (1923) в послесловии к стихотворению «Махаджир».

...Земли моей я взял и на чужбину –
Священных семь горстей.
«Вот все, что я сберег, – скажу угрюмо сыну, –
От родины твоей».

Горсть... Сам поэт ее тоже увез из Абхазии в Москву в 1927 г. Он как бы «сопережил» со всем народом страшное горе, оставив свою вторую родину, где, может быть, и прожил свои самые счастливые дни. Но об этом Виктор Стражев узнал позже. Он почувствовал ностальгию далеко от Абхазии, в самом сердце России – Москве. Вот что он писал в одном из «Московских писем»¹ 9 октября 1927 года.

«Пишу вам, милый сухумец, из бурной гущи Москвы. Простите за то, что первое это письмо – очень личное. Но что делать, если с кончика пера сочится воспоминание о тех одиннадцати годах жизни, с которыми навсегда попрощался я с палубы парохода в нежный и теплый синий вечер – вечер разлуки с вами. Посмейтесь над моим «карамзинизмом»..., – есть вещи, от которых не освобождается никто, и среди них та, которую мы называем разлукой... Я как-то очень сильно почувствовал себя абхазским «махаджиром», которому уже не доведется бродить по Абхазии, в ее горных дебрях, волноваться загадками ее истории, писать и думать о ней и для нее, подставляя лицо ласке ее неба и так неслышно старея... Странно! Жил в Абхазии и таил в себе чувство какой-то плененности, вздыхал стихами о севере, о снежных вьюгах, о золотых осенних бульварах Москвы.

Но вот теперь, когда «добропутные» ветры пригнали мой «корабль» к подножию Кремлевских стен, встает в памяти далекая Абхазия...».

За несколько дней до смерти В.И. Стражев оставил четверостишие:

Как же, когда же
Все я изжил?
Виктор ли Стражев
Тот, кто без сил?

Умер он в Москве осенью 1950 года. «Учительская газета» (21 октября) сообщала тогда: «Прекрасный знаток родного слова, Виктор Иванович всю свою жизнь посвятил литературе и школе... Много лет уже работает советская школа по учебнику русской лите-

¹ Советская Абхазия. 23 октября 1927.

ратуры XIX в., написанному В.И. Стражевым... Виктор Иванович проявил себя не только как блестящий педагог, но и как поэт, прозаик, археолог, критик, переводчик и библиограф».

Блестящий представитель русской интеллигенции внес огромный вклад и в российско-абхазские культурные взаимоотношения.

Борьба с германской разведкой на территории Абхазии (1941-1945 гг.)

С первых дней Великой Отечественной войны фашистское руководство Германии поставило задачу подорвать боевую мощь Советского государства шпионско-подрывной и террористической деятельностью в тылу.

В орбиту таких намерений попала и Абхазия. Наступление на Кавказ и на другие участки советско-германского фронта подкреплялось и сочеталось с засылкой вражеской агентуры и диверсантов в Абхазию. Борьбу с ними вели органы госбезопасности Абхазии во взаимодействии с органами внутренних дел и находившимися под их оперативным руководством истребительными батальонами.

Всего за годы войны органами государственной безопасности СССР была пресечена деятельность нескольких тысяч агентов немецко-фашистской разведки, в том числе 1850 агентов-парашютистов в тыловых районах страны. Из них несколько десятков агентов-парашютистов было обезврежено на территории Абхазской АССР.

В начальный период войны фашистское командование регулярно осуществляло разведывательную деятельность на побережье Черного моря. 31 января 1942 года один из вражеских самолетов, ввиду неполадки на борту, совершил вынужденную посадку в с. Звандрипш Гудаутского района¹. Разведывательный самолет «Юнкерс-88» с тремя немецкими летчиками был предназначен специально для фотосъемок. При посадке он угодил в стадо крупного рогатого скота и буквально искромсал пропеллером одного из быков. Летчики успели скрыться. Операция по их задержанию продолжалась в течение пяти дней. На помощь было призвано местное население. Вскоре один из летчиков при попытке перебраться на территорию Бармышского

В.М. Пачулия – кандидат исторических наук, полковник, сотрудник Абхазского института гуманитарных исследований им. Д.И. Гулиа АН Абхазии.

¹ ЦГАА. Ф. 720. Оп. 2. Д. 2. Л. 78.

сельсовета в 3 часа ночи у моста был убит бойцом погранотряда. Оставшихся двух летчиков первым заметил боец Гудаутского истребительного батальона Шамиль Айба и вскоре они были задержаны¹.

После неоднократных разведывательных полетов над территорией Абхазии противник приступил к активным действиям путем заброски воздушного десанта.

8 мая 1942 года в 12 часов 30 минут силами истребительных батальонов и местного населения под руководством НКВД Абхазской АССР были задержаны шпионы-диверсанты К.К. Андриян и С.О. Кочконян, приземлившиеся на парашютах с германского самолета «Ю-88» на территории Моквинского сельсовета Очамчирского района². Начался розыск и других шпионов-диверсантов. В этой операции наряду с истребительным батальоном Очамчирского района участвовало 138 бойцов и командиров Сухумского районного истребительного батальона³. При задержании вражеских агентов были изъяты портативный радиоприемник, передатчик, оружие, патроны, гранаты, деньги и другие вещи⁴.

На допросе задержанных выяснилось, что немецкой агентурой была создана десантная группа из эмигрантов и политически неустойчивых советских военнопленных. Задержанные лица были завербованы через немецких агентов из армянской дашнакской партии Дмитрия Дро, Мисака Тарлакяна и других⁵. Вскоре после занятия немцами Симферополя туда приехали из Германии и Румынии руководители дашнакских организаций. «Бюро дашнакской партии» в Симферополе размещалось на Шаховской улице, в частном доме, принадлежавшем одному убитому немцами еврею⁶. По данным задержанных шпионов, в Симферополе в тот период имели место совместные заседания членов армянского «Бюро дашнакской партии» с грузинскими эмигрантами при участии сотрудников германских разведывательных органов⁷. Организацию грузинских меньшевиков возглавляло находившееся в Париже «Заграничное бюро». До начала

¹ ЦГАА. Ф. 720. Оп. 1. Д. 6. Лл. 39–40.

² Архив КГБ ГССР. Ф. уг. д. Д. 18151–60. Л. 8.

³ ЦГАА. Ф. 720. Оп. 1. Д. 6. Л. 21.

⁴ Архив КГБ ГССР. Ф. уг. д. Д. 18151–60. Л. 8.

⁵ Там же, Л. 32 об.

⁶ Там же, Л. 83.

⁷ Там же.

фашистской агрессии против СССР оно ориентировалось на Англию, Францию и другие страны, но затем переориентировалось на Германию и Италию. В «Заграничное бюро» входили известные лидеры грузинских меньшевиков Н. Жордания (председатель), Е. Гегечкори, А. Чхенкели, Ч. Асатиани (секретарь)¹. Когда германские войска приблизились к Парижу, некоторые лидеры меньшевиков выехали из города, но через некоторое время они вернулись обратно. Это были Гегечкори, Чхенкели, Асатиани и другие, которые в результате перешли на сторону гитлеровской Германии и работали на неё. Н. Жордания не выезжал никуда и постоянно находился в Париже².

В Симферополе в 1942 г. на немецких разведывательных курсах обучалось до 150 человек, в том числе, до 60 армян, 40 грузин. Остальные – русские, азербайджанцы, абхазы и др. Все они были разбиты на группы по 4-5 человек в каждой. Некоторые из этих групп были подобраны по национальному признаку³. Здесь же, в Симферополе, изготавливалось большое количество листовок, отпечатанных в типографии на русском, грузинском, армянском и абхазском языках, предназначенных для разбрасывания над городами и селами⁴.

После приземления десантные группы должны были применить пароль ночного времени – «черный». При поисках друг друга одновременно должны были делать соответствующие обозначения на деревьях в виде крестиков, а внизу стрелкой указывать путь направления. В том случае, если в лесу они не встретятся, члены группы должны были явиться в селение к одному человеку, которого руководитель группы охарактеризовал как «своего»⁵.

Как выяснилось, 7 мая 1942 г., при приземлении с парашютом, руководитель группы С. Пилобосян (родом из Армянской ССР, переехавший в годы коллективизации в Иран, оттуда в Румынию) разбился. Согласно воспоминаниям советского оперативного работника Кварацхелия, рядом с раскрытым парашютом лежал мертвый мужчина с немецким «маузером» в откинутой правой руке. Осмотр пока-

¹ Архив КГБ ГССР. Ф. уг. д. Д. 18022–60. Лл. 38.

² Там же. Л. 41–42.

³ Там же. Д. 18151–60. Л.116 об.

⁴ Там же, Л. 61.

⁵ Там же, Л. 32.

зал, что, сломав ногу при приземлении, шпион-диверсант, видимо, отчаявшись, выстрелил себе в рот¹. Утром 8 мая бойцы истребительного батальона обнаружили шпиона-диверсанта С. Кочконяна, и он сдался без сопротивления. (С.С. Кочконян был уроженцем с. Атара-Армянская, и на него возлагалась обязанность проводника)². Был задержан также шпион К.К. Андриян, уроженец Тбилиси, а позже – житель города Николаева, завербованный немецкой разведкой³. Андриян в момент задержания прицелился в одного из бойцов батальона и собирался выстрелить, но это заметил боец А. Читанава, который выстрелом из ружья выбил из рук парашютиста автомат, заставив того сдаться⁴.

27 мая 1942 г. был арестован органами НКВД ещё один агент-диверсант – Петрос Карапетович Сувелян-Экшян (уроженец Сухумского района, совершивший ранее убийство и переехавший из-за этого в Джанкой), который скрывался под вымышленными фамилиями Даракчян и Эрицян⁵. Согласно его показаниям, он прятался в густом лесу на расстоянии 9–10 км от места приземления. Никуда оттуда не выходил и ни с кем не связывался. У него были продукты: сухари, сыр, колбаса, шоколад и т.д. Этим он питался 19 дней. После того, как ему стало нечего есть, в ночь с 26 на 27 мая Сувелян-Экшян вышел из места укрытия в незнакомый населенный пункт за продуктами. Впоследствии выяснилось, что это было село Тамыш Очамчирского района⁶. В Тамыше Сувелян-Экшян встретился с одним стариком-армянином, которому доверился и рассказал, кто он такой. Этот старик, Назар Капсузян, отец двух сотрудников НКВД, пригласил его к себе домой. Затем старик, рискуя собой, отлучился из дома и сообщил о «госте» в сельсовет. Вскоре органами НКВД тот был арестован. При нем не было оружия. Все было закопано там, где он ранее скрывался⁷.

¹ Советская Абхазия. 18 ноября 1988.

² Архив КГБ ГССР. Ф. уг. д. Д. 18151–60. Л. 87 об.

³ Там же, Лл.15–17.

⁴ Абшилава А.А. Трудящиеся Очамчирского района Абхазской АССР в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.). Сухуми, 1960, с. 161.

⁵ Архив КГБ ГССР. Ф. уг. д. Д. 18073–60. Лл. 32–33; Д. 18151–60. Лл. 81, 105.

⁶ Советская Абхазия. 18 ноября 1983.

⁷ Архив КГБ ГССР. Ф. уг. д. Д. 18073–60. Лл. 32–33.

В Абхазии Пилобосян, Сувелян-Экшян, Кочконян должны были не только собирать и передавать шпионские сведения о численности частей Красной Армии, их вооружении, продвижении судов по Черному морю, и т.д., но и совершать диверсионные акты, для чего они были снабжены взрывчатыми веществами. Кроме того, они должны были организовать из числа лиц, недовольных советской властью, повстанческие группы, вести пораженческую агитацию¹. Между разведчиками были распределены территориальные секторы для проведения шпионско-диверсионной работы. Пилобосян и Сувелян-Экшян должны были работать по г. Сухуми и Сухумскому району, а Кочконян и Андриян – по Очамчирскому району². Шпионско-диверсионная группа была вооружена: Пилобосян – маузером, Кочконян – автоматом и пистолетом «ТТ», Андриян – пистолетом «ТТ», Сувелян-Экшян – карабином. Кроме того, у шпионов была карта Очамчирского района³.

На допросе члены шпионско-диверсионной группы сообщили сведения о намерении немецкого командования высадить в районе Сухуми крупный десант⁴.

Вслед за первой попыткой, 26 мая 1942 г. в с. Река Очамчирского района высадилась вторая шпионско-диверсионная группа⁵. На место сто высадки шпионов-диверсантов выехали оперативная группа и бойцы местных истребительных батальонов. 28 мая во время проведения операции по поимке диверсантов погибли председатель Поквешского сельсовета И. Тодуа, сотрудники милиции Э.Г. Джеджея, И.К. Алан, Ч.Б. Папава. Был смертельно ранен секретарь Поквешского сельсовета Э.Б.Хашба. Ранения также получили председатель Илорского сельсовета В.И. Читанава, начальник Очамчирской районной милиции Т.П. Сангулия, милиционеры А.Х. Читанава и В.С. Зардания⁶.

В результате операции были убиты два парашютиста-диверсанта Ш. Небиеридзе и Ш. Дугашвили. Третьего – С.Т. Круашвили –

¹ Там же, Д. 18151–60. Лл. 95–96.

² Там же, Лл. 96–97.

³ Там же, Л. 67 об.–68.

⁴ Там же, Лл. 32, 68 об.

⁵ Там же, Д. 18022–60. Л. 408.

⁶ Советы Абхазской АССР в период Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.). Сухуми, 1990, с. 51.

удалось задержать в с. Река Очамчирского района в 23 часа 30 минут в доме у местного жителя¹. Руководителю этой шпионско-диверсионной группы Асадашвили удалось скрыться.

Асадашвили – эмигрант, член грузинской организации «Тетри Георгий», агент немецкой разведки. Организация «Тетри Георгий» была создана в 20-е годы в Париже и построена по принципу партии итальянских фашистов, чем она выделялась среди других грузинских белоэмигрантских организаций. Инициатором создания этой профашистской организации был Л. Кереселидзе, который до эмиграции примыкал к партии федералов, являясь противником меньшевиков и национал-демократов. «Тетри Георгий» возглавлялась «Директорией» под руководством самого Л. Кереселидзе. В «Директорию» входили К. Дадиани, Г. Кереселидзе, Ш. Вачнадзе. Эта организация имела свое периодическое издание – журнал, который переправлялся в Грузию через Ш. Вачнадзе. В 1936 г. руководство «Тетри Георгий» обратилось к итальянскому правительству с предложением своих услуг, надеясь получить субсидию, но безуспешно². Еще в 1935 году в «Тетри Георгий» возникли противоречия, приведшие затем к расколу. Члены организации В. Нозадзе и Маглакелидзе выступали с идеей восстановления монархии в Грузии. Они требовали, чтобы будущую Грузию возглавляла не директория, а царь И. Багратиони, проживающий в Париже. После раскола Л. Кереселидзе покинул Париж и переехал в Африку. Его фракцию возглавил К. Дадиани, умерший в 1938 г., а затем Салия³.

Вышеупомянутый Асадашвили, скрываясь, долгое время находился на нелегальном положении, стремясь выполнить задания немецкой разведки. Он вел поиск антисоветски настроенных лиц, дезертиров из Красной Армии, пытаясь сколотить из них группу для развертывания повстанческой борьбы с советской властью. В декабре 1942 г. в результате осуществления оперативных мероприятий Асадашвили удалось завлечь в ловушку и ликвидировать. Одновременно была ликвидирована группа его сообщников и укрывателей⁴.

¹ Архив КГБ ГССР. Ф. уг. д. Д. 18022–60. Л. 408.

² Там же, Лл. 390, 392–393, 396.

³ Там же, Лл. 394–396.

⁴ Щит – надежный, меч – острый (чекисты Грузии на страже завоевания Великого Октября). Составитель полковник Ю.И. Бенн. Под общей редакцией генерал-полковника А.Н. Инаури. Тбилиси, 1985, с. 109.

Летом 1942 г. гитлеровское командование, преследуя цели захвата нефтеносных и зерновых районов СССР и дальнейшего продвижения на Ближний и Средний Восток, сосредоточило основные усилия на южном участке советско-германского фронта. Одновременно с наступлением на Сталинград немецкие войска предприняли широкое наступление на Кавказ.

С приближением фронта случаи появления разведывательных самолетов противника над территорией Абхазии стали еще более учащаться. Обычно они летали на очень большой высоте. На море стали появляться подводные лодки противника. Одна из них была замечена, например, 10 августа 1942 г. в 23 часа 35 минут в районе левого берега р. Кодори, у её устья¹. Она производила освещение берега прожектором.

С началом наступления немецких войск через Клухорский перевал 14 августа 1942 г. противник стал ежедневно бомбить город Сухуми, а также районы и города Абхазии. В тот момент, когда немецкие бомбардировщики появлялись над столицей Абхазии, начинала действовать маломощная радиостанция. Удалось запеленговать радиостанцию и установить координаты ее нахождения вблизи сухумского Маяка. В расшифрованных передачах содержались сведения о расположении частей 46-й армии и данные о перевозках по железной дороге в направлении Туапсе. Вскоре болотистое место на Маяке оцепили сухумский городской и районный истребительные батальоны совместно с пограничниками. Передатчик после прочесывания Сухумского болота замолчал навсегда. Возникло предположение, что лазутчик, заметив окружение, утопил свою рацию в болоте, а сам прятался под водой среди камышей и кочек с дыхательной трубкой во рту, пока мимо него не прошли².

В период боевых действий в горах Абхазии (как известно, на территории Абхазии немцами, всего на две недели, был занят населенный пункт Псху) шпионско-диверсионные группы противника стали проявлять особую активность.

1 сентября 1942 г. в Очамчирский РО НКВД поступило сообщение о том, что на территории Моквинской чайной фабрики появился

¹ ЦАМО РФ. Ф. 394 (1720). Оп. 1. Д. 87. Л. 5.

² Минасян Э.Г. Истребительные батальоны Абхазии в Великой Отечественной войне (1941–1995 гг.). Сухуми, 1980, с. 29–30; ЦГАА. Ф. 720. Оп. 1. Д. 57. Лл. 14–18.

незнакомый и на вид очень подозрительный человек. В Мокву выехали начальник Очамчирского РО НКВД старший лейтенант госбезопасности Харчилава с сотрудниками РО НКВД Сангулия, Дзидзария и Чкадуа. Подозрительного человека задержали. Им оказался К., абхаз по национальности (фамилию которого я не называю по этическим соображениям, так как его потомки и ныне живут в Абхазии). При обыске у него оказался револьвер «Наган» с патронами. Но автомата и других вещей при нем не было. Вначале задержанный повел оперативную группу по ложному пути и попытался запутать. Но, в конце концов, он вынужден был сознаться в том, что автомат и парашют оставил у одного жителя села 1-й Гал. Когда оперативная группа окружила дом этого человека, тот попытался убежать, но это ему не удалось¹.

К. был призван в ряды Красной Армии Очамчирским райвоенкоматом. Принимал участие в боевых действиях, 8 октября 1941 г. был ранен в ногу и попал в плен. После излечения находился вблизи Джанкоя с военнопленными армянской национальности. Через несколько дней туда явились армянские эмигранты Мисак Торлоян и Арут Арутюнян, связанные с германскими разведывательными органами. Они, в числе других, и завербовали К. В Симферополе он учился в разведывательной школе. По окончании К. и Н. Сарьян были 25 августа доставлены на аэродром в Евпатории и ночью заброшены на территорию Гальского района. В том же самолете находилось еще четверо лиц, предназначенных для заброски в район города Поти – два грузина, русский и осетин².

К. после приземления на следующее утро явился в один мегрельский крестьянский дом в красноармейской форме³. Он убедил хозяина дома в том, что через 30 дней немецко-фашистские войска оккупируют Закавказье, ликвидируют колхозы и совхозы и землю передадут крестьянам в частную собственность⁴. Впрочем, хозяина дома и убеждать особенно не надо было. Он, имея в прошлом судимость и находясь в отпуске во время войны, просрочил явку на комиссию⁵.

¹ Архив КГБ ГССР. Ф. уг. д. Д. 18302–60. Лл. 7–8.

² Там же, Лл. 17–20.

³ Там же, Лл. 7–8.

⁴ Там же, Лл. 27–28.

⁵ Там же, Лл. 52–52об.

К. с укрывателем и его единомышленниками 2–3 дня искал Сарьяна, но найти его не удалось. За оказанную услугу К. подарил завербованному укрывателю 1 тыс. рублей и, оставив у него дома на хранение свой автомат и парашют, ушел 1 сентября 1942 г. в направлении Очамчирского района, намереваясь навестить своих родных. Но по пути, как уже отмечалось выше, был арестован¹.

3 сентября 1942 г., получив соответствующую информацию, начальник Очамчирского РО НКВД старший лейтенант госбезопасности Харчилава, заместитель начальника РО НКВД по милиции лейтенант милиции Сангулия и сотрудники РО А. Кансузян, И. Дзигуа, И. Чкадуа окружили дом жителя с. Пшап Драндского сельсовета Сухумского района, где скрывался германский парашютист Н.М. Сарьян, и, ворвавшись в дом, задержали его. Среди документов оказалась сфабрикованная красноармейская книжка, а револьвер и отдельные вещи хранились в лесу на месте высадки².

Сарьян также был заброшен в Гальский район. Приземлившись в лесу, он переночевал, а затем три дня искал К. Не найдя его, Сарьян спустился в ближайшее село, зашел к одному встретившемуся мужчине в дом. Тот немедленно заявил в сельсовет. Пришедший для проверки председатель сельсовета не обнаружил сфабрикованности документа. Сарьян на следующий день сел в поезд и выехал в сторону Очамчиры. На вокзале он познакомился с одним армянином, жителем с. Гульрипш. В тот же день, как уже отмечалось выше, он был задержан в доме этого армянина³.

По плану немецкой разведки К. и Сарьян должны были высадиться в с. Мерхеули Сухумского района, встретиться с ранее заброшенными шпионами-диверсантами Кочконяном и Андрияном. Последнему они должны были передать батарейки для рации⁴. Но планам этим не суждено было свершиться.

Вскоре после нападения на СССР абвером были сформированы состоявшие из грузин шпионско-диверсионные группы «Тамара I» и «Тамара II». Со временем группа «Тамара I» получила кодовое на-

¹ Там же, Л. 18.

² Там же, Л. 36.

³ Там же, Л. 45.

⁴ Там же.

звание «взвод Еер»¹. Вермахт возлагал на них большие надежды во время своего наступления через Главный Кавказский хребет. 3–5 сентября 1942 г. немецкой разведкой были заброшены на территорию Грузинской ССР члены «Тамары I»: 28 шпионов-диверсантов в составе четырех групп. Каждая группа состояла из 7 человек.

Первая шпионско-диверсионная группа была заброшена 3 сентября 1942 г. В состав этой группы входили фельдфебель Эдуард Геррман (руководитель группы), ефрейтор Грюнета (Грюнайс Анфонс) – радист группы, ефрейтор Вальтер Файрагенд – заместитель руководителя группы, эмигрант Матэ Кереселидзе по прозвищу «Керес», эмигрант Давид Харичалашвили, военнопленный Симон Лиуашвили, военнопленный Рубен.

Вторая и третья группы были заброшены 5 сентября. В состав второй группы входили унтер-офицер Фриц Бухгольц (руководитель группы), ефрейтор Губер – радист, ефрейтор Пеньковский, эмигрант Качахидзе по прозвищу «Кохет», эмигрант Иванидзе по прозвищу «Идо», военнопленные Гедеван Ахвледиани и Хидишели. В состав третьей группы входили унтер-офицер Гельмрайх – руководитель группы, он же радист, ефрейтор Генрих Ципф, эмигранты Кочахидзе по прозвищу «Кох», Миромадзе, по прозвищу «Мира», Л. Какулия, Абашидзе по прозвищу «Абах», рядовой Брандер.

Четвертая группа была заброшена в советский тыл 6 сентября. Она состояла из унтер-офицера Франца Егер – руководителя группы, унтер-офицера Бриста Комянки – радиста, рядового Ервина Циммермана, эмигрантов А. Канкава, Ш. Маглакелидзе, Миротадзе по прозвищу «Миро», Тухарели по прозвищу «Туха»².

Задание этих групп было рассчитано на три недели, так как за это время немецкие войска должны были занять данную территорию. Группы должны были вести диверсионную работу, а именно взрывать железные дороги, мосты, транспортные будки, телефонные линии. Члены диверсионной группы грузинской национальности должны были войти в контакт с населением и вести среди него подрывную антисоветскую работу, представившись в качестве первых немецких солдат, уже ступивших на эту землю³.

¹ Архив КГБ ГССР. Ф. уг. д. Д. 20268. Лл. 9–9об.

² Архив КГБ ГССР. Ф. уг. д. Д. 20268. Лл. 11, 188–190, 334.

³ Там же, Лл. 11, 189–190.

Всеми четырьмя группами должен был руководить фельдфебель Э. Геррман – руководитель взвода «Еер». Этот взвод находился в непосредственном подчинении 2-го отдела контрразведки германской армии по Кавказскому участку фронта¹. Геррман был осведомлен обо всех планах и заданиях, возложенных на каждую группу. Приблизительно за 25 дней до их заброски он стал разъяснять подчиненным задачи и давать в связи с этим различные указания и инструкции. Первое такое совещание он созвал у себя в кабинете вечером 11 августа 1942 г. На этом совещании присутствовали практически только немцы, входившие в состав четырех групп: Егер, Пеньковский, Комианики, Гельмрайх, Бухгольц, Циммерман, Евелинг, Грюнайс, Нимайер и Фейербанд (Нимайер и Евелинг в заброске в советский тыл не участвовали). Геррман на совещании предложил иногда, когда это будет совершенно безопасно, появляться перед сельскими женщинами или заходить в какой-нибудь крестьянский дом в форме германских солдат. По его замыслу женщины быстро будут разносить панические слухи².

Планы немецкой шпионско-диверсионной группировки под руководством Геррмана не увенчались успехом. Так, 15 сентября 1942 г. был задержан и арестован заместитель руководителя первой шпионско-диверсионной группы Вальтер Фейерабанд, одетый в форму немецкого солдата³. 17 сентября 1942 г. председатель колхоза с. Отап Очамчирского района, боец истребительного батальона Карбей Чичикович Адлейба, проходя по кукурузной плантации, обнаружил незнакомого человека. Он стал расспрашивать, кто он, откуда и куда идет. Незнакомец ничего не отвечал. Когда Адлейба попытался его задержать, тот оказал вооруженное сопротивление. Адлейба его обезоружил и доставил в сельсовет. С помощью старшего агронома фермзавода Дарсания и подошедших бойцов истребительного батальона были найдены и изъяты оружие, гранаты, карты и т.д. Задержанный незнакомец оказался немецким парашютистом-диверсантом Циммерманом⁴. Циммерман заявил на допросе, что вечером 6 сентября он высадился на парашюте в Зугдидском районе.

¹ Там же, Л. 9–9об.

² Там же, Лл. 40–43.

³ Там же, Лл. 9–9об., 11–12.

⁴ Абшилава А.А. Ук. соч, с. 162–163; ЦГАА. Ф. 720. Оп. 1. Д. 14. Л. 27.

Перед его группой была поставлена задача вести наблюдение за шоссейной дорогой, идущей параллельно р. Ингури¹. К. Адлейба за мужество при задержании опасного врага был награжден медалью «За отвагу»².

18 сентября 1942 г. был арестован немецкий агент Г.А. Пеньковский³. 22 октября 1942 г. колхозница с. Первая Бедия Шакая-Лолуа во время уборки урожая кукурузы издали заметила шедшего не по дороге и вызвавшего подозрение человека, на что обратила внимание работавших с ней колхозниц. Она предложила своим подругам задержать неизвестного человека и проверить его личность. Когда незнакомец окружил женщины, он пытался оказать сопротивление, угрожая пистолетом. С помощью подошедших мужчин – бригадира колхоза Чичи Шакаевича Абухба, колхозника Андриаса Ноевича Шакая и председателя 1-го Бедийского колхоза Раждена Шакая незнакомец был задержан, он оказался немецким офицером Эрнестом Комианики. У него были изъяты пистолет, 4 гранаты, 60 штук листовок, рация и т.д.⁴.

Также были задержаны немецкие шпионы-диверсанты, высадившиеся в различных районах Грузии. Например, на рассвете 14 сентября 1942 г. в лесу, у с. Муцхвети Ткибульского района, были задержаны бойцами истребительных батальонов два подозрительных лица, оказавшихся немецкими шпионами и диверсантами Эрнстом Губером и Г.И. Ахвледиани⁵. Из 28 немецких разведчиков группы «Тамара I», заброшенных на территорию ГССР, 14 шпионов-диверсантов были убиты при столкновении с оперативными группами, а двоих еще долго искали. Один шпион сразу после ареста скончался⁶.

15 октября 1942 г. в 6 часов 30 минут утра в распоряжение штаба опергруппы Марухского направления явился неизвестный старший лейтенант и спросил, где находится Особый отдел НКВД. В Особом отделе незнакомец заявил, что он переброшен немцами в район расположения Красной Армии на Марухском перевале с тем, чтобы ус-

¹ Архив КГБ ГССР. Ф. уг. д. Д. 20268. Л. 217.

² Абишлага А.А. Ук. соч, с. 162–163.

³ Архив КГБ ГССР. Ф. уг. д. Д. 20268. Л. 334.

⁴ Абишлага А.А. Ук. соч., с. 162.

⁵ Архив КГБ ГССР. Ф. уг. д. Д. 20268. Л. 130.

⁶ Там же, Л. 334.

тановить численность и расположение советских войск, фамилии командиров, расположение штабов и т.д. Затем с этими сведениями он должен был вернуться обратно к немцам. Это был советский военнопленный Д.М. Шилов¹.

Начальник Особого отдела 46 армии майор госбезопасности Зарелуа 18 октября 1942 г. принял решение о передаче Д.И. Шилова и следственных материалов на него в НКВД Абхазской АССР. Удалось выяснить биографию Шилова, который в сентябре 1941 г. сдался в плен противнику и вскоре был завербован немецкой разведкой в качестве агента под номером 2604 с псевдонимом «Шульгин». Шилов при допросе в Особом отделе 46 армии 18 октября 1942 г. скрыл ряд фактов своей шпионской деятельности, заявив, что был якобы заброшен на парашюте в 8–10 км от Сухуми в районе Михайловка-Константиновка². На последующих допросах Шилов признался в том, что 21 сентября 1942 г. он, в составе группы немецких разведчиков из 9 человек (все русские и украинцы), должен был высадиться в горах примерно в 80 км севернее Батуми. Но по вине летчиков Шилов и другие шпионы-диверсанты приземлились в горах в 5–6 км от Абастумани³.

Шилов после приземления, выдавая себя за Дмитрия Михайловича Орлова, должен был разведать, как укреплен город Батуми, выяснить дислокацию войск, наличие аэродромов, количество самолетов и т.д. К Шилову были прикреплены Шапошников (настоящая фамилия – Татаренков) и Степник. Входящий в ту же группу Попов должен был собирать шпионские сведения в районе Кутаиси. После приземления 22 сентября Шилова и Шапошникова задержали на одном из постов. Шапошникова отпустили сразу, а затем через некоторое время – и Шилова. Шилов дошел до Хашури, намереваясь добраться на поезде до Батуми. Но в Хашури он передумал и отправился в Сухуми, где находился с 5 октября. 11 октября он выехал на машине в Захаровку, оттуда через Лату, Чхалту, Ацгару прибыл в штаб войск Марухского направления. Шилов здесь обратился в продовольственный пункт, заявив, что следует из 110-го полка в 810-й

¹ Там же, Д. 18442–60. Л. 8.

² Там же, Лл. 12, 28.

³ Там же, Лл. 28–30.

полк. Проверив его документы, ему выдали паек. Но на следующий день он обратился в Особый отдел 46 армии¹.

На вопрос следователя, почему, находясь в г. Сухуми, он не сдался советским органам, Шилов ответил, что сильно их боялся. На разведывательных курсах им внушали, что, если он после приземления вздумает явиться в НКВД и рассказать о полученных заданиях, то через имеющихся немецких агентов из числа сотрудников НКВД будет уничтожен. Мол, немецкая разведка имеет почти в каждом органе НКВД своих людей². 20 января 1943 г. Особое совещание при НКВД СССР вынесло решение Дмитрия Михайловича Шилова-Орлова за измену Родине расстрелять³.

Казалось, что после поражения под Сталинградом и бесславного отступления фашистских войск с перевалов Главного Кавказского хребта в январе 1943 г. вермахт откажется от своих шпионско-диверсионных планов в Закавказье. Но немецкое командование не теряло надежды. Особенно упорствовала шпионско-диверсионная организация «Цеппелин», созданная еще в начале 1942 г. Свои планы «Цеппелин» попытался реализовать летом 1943 года⁴.

27 августа 1943 г. в 23 часа в с. Джгерда Очамчирского района высадились на парашютах группа немецких разведчиков⁵. На следующий день, 28 августа, рано утром, один из разведчиков – Гогохия – явился к председателю джгердинского колхоза Кецба и сообщил о высадке группы немецких парашютистов, в числе которых находился и он сам⁶. Для руководства операцией по поимке лазутчиков на место выехали нарком госбезопасности И. Гагуа и нарком внутренних дел Абхазии Ш. Бокучава (оставшиеся в истории и как палачи абхазского народа, уничтожившие многих людей в период сталинско-бериевских репрессий)⁷.

К месту высадки группы были посланы работники милиции, бойцы истребительных батальонов Очамчирского и соседних районов и погранотряда. Они оцепили весь район места высадки пара-

¹ Там же. Лл. 23–24.

² Там же. Лл. 28–31.

³ Там же. Л. 56.

⁴ Щит – надежный, меч – острый, с. 119.

⁵ ЦГАА. Ф. 720. Оп. 1. Д. 28. Л. 1.

⁶ Там же, Л. 10б.

⁷ Минасян Э.Г. Ук. соч, с. 33.

шютистов, перекрыли все тропы и места их возможного выхода из окружения и организовали прочесывание лесных массивов. После перестрелки в 2 часа ночи был задержан А.Л. Миквабишвили – самый опасный в группе¹. Он представился советским органам под вымышленным именем Сулико Картвелишвили².

В 20 часов 28 августа был задержан третий парашютист – В.А. Арахамия. А через час – и четвертый – Ш.И. Таркая³.

Арестованные шпионы-диверсанты были переданы в распоряжение Управления контрразведки «Смерш» Закавказского фронта.

Добровольно сдавшийся советским властям германский парашютист-разведчик Гогохия – уроженец Хобского района ГССР – заявил, что в июле 1942 г. попал в плен к немцам при оставлении Севастополя советскими войсками. В Бахчисарае грузинские эмигранты-меньшевики предложили военнопленным грузинской национальности, имеющим высшее и среднее образование, сотрудничать с немецкой агентурой для ведения подрывной работы в тылу Красной Армии. Так было завербовано около 60 военнопленных⁴. Затем их повезли в Германию, оттуда через некоторое время – в Аушвиц (Польша). Там их готовил и обрабатывал в антисоветском духе немецкий агент Тенгиз Картвелишвили. Он говорил, что с приходом в Закавказье немецких войск Грузия выделится в самостоятельное независимое государство, что в Германии уже существует Кавказский национальный комитет во главе со Спиридоном Кедия и его заместителем Михаилом Кедия⁵.

Вышеуказанная группа проходила подготовку в Симферополе, Бердянске и других местах. 27 августа 1943 г. ее повезли в Мариуполь. Перед отъездом, по словам Гогохия, в группе все, кроме Миквабишвили, договорились о том, что после приземления добровольно явятся в органы советской власти. Об этой договоренности Гогохия составил записку и вложил ее в рукав пиджака⁶.

27 августа в 23 часа группу, куда входили Гогохия и другие, высадили на парашютах в районе с. Джгерда, хотя предполагалось за-

¹ ЦГАА. Ф. 720. Оп. 1. Д. 28. Л. 1об.

² Там же, Л. 2.

³ Там же.

⁴ Там же, Лл. 6–7.

⁵ Там же, Лл. 7об–8об.

⁶ Там же, Лл. 8, 8об.

бросить их в села Тагилони или Набакеви Гальского района Абхазской АССР. После приземления Гогохия разыскивал своих сообщников, но не нашел их. 28 августа утром он вошел в село, где встретился с одним крестьянином, который и указал ему, где можно найти председателя колхоза М. Кецба¹.

Задержанный парашютист Арахамия был уроженцем Гагрского района, в боях за Керчь в мае 1942 г. он попал в окружение и был пленен. Для заброски в тыл СССР Арахамия был завербован после двухмесячного пребывания в концентрационном лагере Бухенвальд грузинским эмигрантом Т. Картвелишвили. Обучался в Аушвице, Бердянске, а затем из Мариуполя был заброшен на самолете в район с. Джгерда Очамчирского района. По словам Арахамия, он приземлился на парашюте вблизи крестьянского домика, Арахамия подтвердил показания Гогохия о том, что вся группа, за исключением Миквабишвили, договорилась сдать органы власти после приземления². Однако следует отметить, что Арахамия все же не сдался добровольно властям, как это сделал Гогохия.

До 30 августа разыскивался парашютист-диверсант С.С. Гомарели, уроженец Хашурского района. На Кавказском фронте он оказался в оккупированной местности. Судя по показаниям Гомарели на следствии, управляющий колхозом (такая должность была во время немецкой оккупации) принял его на работу. На другой же день утром по доносу управляющего Гомарели был неожиданно задержан гестаповцами. Его отправили в общий лагерь военнопленных в Кременчуг. Он также был завербован грузинским эмигрантом Т. Картвелишвиш, а затем направлен в Аушвиц и Бердянск. О предстоящей заброске в тыл Красной Армии ему было сообщено в Бердянске за день до заброски. Гомарели приземлился на парашюте в районе с. Кутол. До 30 августа, по его словам, он находился на месте приземления из-за полученного ушиба³.

Руководитель шпионско-диверсионной группы Ш. Паркая, бывший военнопленный, завербованный эмигрантом Картвелишвили, заявил на допросе, что он никакого вооруженного сопротивления

¹ Там же, Л. 8об.

² Там же, Лл. 19–21.

³ Там же, Лл. 39–40.

советским органам не оказывал, а сам разыскивал сельсовет, намереваясь добровольно сдаться¹.

Следует особо сказать о вооружении и экипировке диверсантов. Каждый агент имел бельгийский пистолет, автомат «ППД», польский нож, по две ручные гранаты, по одному одеялу, плащ-палатку, кожаные куртки-безрукавки, полевую печь, по одной банке масла, по полкилограмма сахара, хлеб, по две плитки шоколада, папиросы, деньги – не менее 200 тыс. рублей².

...Фронт отступил далеко от Абхазии. Но 6 июля 1944 г. в район Санчарского перевала в урочище Грибза были заброшены четыре парашютиста-диверсанта. Они были обнаружены пастухами – членами группы содействия. Перед рассветом, при сильном тумане, над стадом баранов самолет пролетел настолько низко, что от движения воздуха и шума мотора напугавшееся стадо бросилось врассыпную. Когда рассвело, пастухи обнаружили следы от костра. У потухшего костра в высокой траве были заметны следы отдыхавших людей: окурки от папирос, банки из-под консервов. Все это вызвало подозрение у пастухов, и они сообщили об этом в органы НКВД. В урочище Грибза были направлены Псхуский отдельный взвод, Гудаутский истребительный батальон, Гагрский и Гудаутский пограничные отряды, а также Сухумский истребительный батальон под командованием К. Науменко и Л. Соткилава. Парашютисты были задержаны³.

После того, как немецко-фашистские войска отошли далеко на запад, деятельность германской разведки в Абхазии прекратилась.

Осенью 1941 г. Берия командировал в Абхазию оперативного уполномоченного 1-го Управления НКВД СССР старшего лейтенанта госбезопасности Мелконяна. Тот состряпал очень много дел, в том числе «Гудаутское дело» и «Очамчирское школьное дело», в которых утверждалось наличие внутри абхазского общества профашистских организаций, поддерживающих контакты с Германией. Все это не подтвердилось. Итак, в ходе Великой Отечественной войны на территории Абхазии удалось ликвидировать несколько десятков шпионов и диверсантов, засланных немецкой разведкой. Но среди

¹ Там же, Лл. 33–36об.

² Там же, Л. 10.

³ Минасян Э.Г. Ук. соч., с. 35.

них был всего один абхаз. Также следует отметить, что в период Великой Отечественной войны, в составе германской армии не было никакого абхазского легиона. Об этом свидетельствуют долгие поиски автора данной статьи в спецархивах. Отсутствие абхазского легиона также подтверждают грузинский и армянский историки Г.Г. Мамулия и Э.А. Абрамян¹.

Чем объяснить большое количество засылаемых противником шпионов и диверсантов в Абхазию? Очевидно, Абхазия считалась во время наступления немецких войск первым регионом Закавказья, которым они должны были овладеть.

Благодаря вышеуказанным факторам, а также героизму и мужеству сынов и дочерей абхазского народа на фронтах войны, провалилась давняя мечта всемогущего Берия о депортации абхазов с их родины, так как обвинения целого народа в неблагонадежности не подтвердились.

¹ Мамулия Г.Г. Грузинский легион в боях за свободу и независимость Грузии в годы Второй мировой войны. Тбилиси, 2003, с. 23; Абрамян Э.А. Кавказцы в Абвере. М., 2006, с. 169–170.

Религиозный облик Абхазии. История и современность

Абхазия – республика с многовековой историей. Являясь стратегически важным регионом, соединяющим Северный и Южный Кавказ и обладающим выходом к Чёрному морю, Абхазия на протяжении всей своей истории вызывала интерес со стороны самых разных стран, в то или иное время игравших значительную роль на мировой арене.

До недавнего времени Абхазия воспринималась мировым сообществом как самопровозглашённое, непризнанное государственное образование, территория которого является неотъемлемой частью Республики Грузия. Однако 26 августа 2008 года, после окончания так называемой «пятидневной войны» в Южной Осетии и операции по принуждению Грузии к миру, Президент Российской Федерации Д.А. Медведев сделал официальное заявление о признании независимости Республики Абхазия. Это стало долгожданным юридическим признанием политического статуса республики. Фактически Абхазия является суверенным государством с 1993 г. После победы в Отечественной войне 1992–1993 гг. Абхазия провозгласила независимость и взяла курс на построение суверенного демократического государства.

Признание Российской Федерацией независимости Абхазии стало переломным моментом в новейшей истории республики. Сегодня всем интересно знать, окажется ли новый субъект международного права жизнеспособным государством, ведь крохотная Абхазия является уникальным сплавом различных этносов, национальностей, религий и конфессий, которые уже долгое время сравнительно мирно сосуществуют на этой территории. Однако совершенно правомерно возникает вопрос: возможно ли сохранение и укрепление национальной и государственной идентичности в условиях такой мозаичности и многоликости общества, населяющего эту территорию? Ведь различные этнические группы, прибывающие в Абхазию, будь то гру-

Э.Д. Эшба – аспирантка Института востоковедения РАН

зинские беженцы, рабочая сила из стран СНГ или репатрианты из Турции и стран Ближнего Востока потенциально могут кроме всего прочего стать и опорой тех или иных внешних политических сил, имеющих в регионе свои интересы. Общеизвестно, что серьёзную интеграционную роль в процессах подобного рода играет религия.

Религия в Абхазии всегда занимала особое место. В условиях молодого государства крайне важна именно интеграционная роль религии. Она может выступать в качестве инструмента объединения народа, построения государственности, источника нравственных и идеологических ценностей, противовеса враждебным сектам, разрушающим духовные ценности нации.

Кроме того, отмечу, что в истории религиозный фактор достаточно часто выступал и в качестве инструмента политической игры. Религия неоднократно являлась важным вспомогательным фактором при выборе политических приоритетов. В данном случае история Абхазии как нельзя лучше иллюстрирует тот факт, что, поддаваясь определённому религиозному влиянию со стороны какого-либо крупного государства, небольшая страна волей-неволей попадает под его политическую власть.

В этой статье будет предпринята попытка осмысления той исторической роли, которую религиозный фактор играл в политической жизни Абхазии. Возможно, этот исторический опыт позволит по-новому оценить современную ситуацию в республике и избежать вероятных ошибок. Автор также попытается рассмотреть религиозный облик современной Абхазии и осветить существующие проблемы религиозного самосознания абхазов.

Православие и ислам в Абхазии. Исторический очерк

Роль религии в истории Абхазии чрезвычайно велика. Так, Абхазия пережила период православного византийского влияния, период османского протектората и постепенной исламизации, а после 1810 г., когда Абхазия вошла в состав Российской империи, здесь началась реанимация православия.

Итак, проникновение христианства в Абхазию датируется не позднее, чем IV–VI вв. н.э. В историческом сочинении «Жизнь картлийских царей» автора XI в. Леонтия Мровели говорится об апостольской проповеди в Абхазии. «В ту же пору царствования Адерки пришли в Абхазию и Эгриси Андрей и Симон Кананит – двое из две-

надцати святых апостолов. Святой Симон Кананит преставился там же, в городе Никопсии, в пределах владений греков. Андрей же обратил мегрелов и удалился по Кларджетской дороге», – сообщает Л. Мровели¹.

Христианская религия долгое время сохраняла свои крепкие позиции на территории Абхазии, чему весьма содействовала Византия, имевшая определённое влияние в регионе. Однако после того, как Абхазия попала под влияние турок, т.е. с конца XVI в., здесь появляются первые проповедники учения пророка Мухаммеда. Османская империя пыталась укрепиться в регионе и в качестве одного из инструментов усиления своего влияния на этой территории использовала религиозный фактор. «Одним из методов применявшихся Султанской Турцией для утверждения своего господства было также насаждение мусульманства и связанных с ним памятников», – писал Г.А. Дзидзария².

Религия в Абхазии – понятие в известном смысле аморфное, очень сложное и многогранное. Абхазы с неохотой принимали новые учения, которые для них оставались непонятными, а многие, принявшие православие или ислам, продолжали исполнять обряды традиционной религии³. Подтверждением тому служит выдержка из газеты «Кавказ» за 1868 г.: «Магометанская религия в крае не имела значительного успеха, христианская тоже окончательно не привилась, так что господствующая религия в Абхазии все-таки осталась языческая, к которой, к сожалению, принадлежит и теперь главная часть народонаселения. Христиане и магометане, по незнанию догматов религии, за исключением весьма немногих, проникнуты также языческим суеверием, смешали свои обряды с языческими и вообще имеют самое шаткое и искажённое понятие о божестве»⁴.

¹ Абхазия и абхазы средневековых грузинских повествовательных источников. Тексты собрал, перевёл на русский язык, предисловием и комментариями снабдил Г.А. Амичба. Тбилиси. 1986, с. 38.

² Дзидзария Г.А. Присоединение Абхазии к России и его историческое значение. Сухуми. 1960, с. 38.

³ Традиционная религия абхазов связана с представлением о верховном Боге Анцва. Некоторые исследователи считают её уникальным примером изначального монотеизма. К примеру, см. Крылов А.Б. Религия и традиции абхазов. М., 2001.

⁴ Газ. «Кавказ». О положении Абхазии в религиозном отношении. 1868 г. № 5.

Однако необходимо отметить, что, всё же, постепенно усилия исламских проповедников стали приносить свои плоды, чему способствовал ряд социальных и политических факторов:

Во-первых, с соседней Турцией абхазы уже имели довольно широкие родственные отношения, установившиеся ещё до установления политического господства Османской империи в Абхазии.

Во-вторых, в Абхазии долгое время существовал обычай отдавать детей на воспитание (аталычество). «Отец, к какому бы сословию он не принадлежал, считает предосудительным держать при себе своих детей... он всегда старается сыновей, равно как и дочерей, отдать на воспитание в чужие руки и преимущественно магометан. Дети, которых аталыки возвращают родителям уже взрослыми, конечно, не крещённые, исповедуют магометанскую веру и вносят в дом отца все обычаи мусульманства»¹.

В-третьих, немаловажным фактором при распространении ислама было и то, что турецкие муллы являлись и врачами, и судьями, и советниками. Словом, как писал К.Д. Мачавариани, «изучали дух народа и действовали сообразно этому»².

И, наконец, большое значение для распространения учения пророка имел и тот факт, что ислам принял направление политическое, т.е. с исповеданием ислама соединялось понятие о противодействии влиянию православной Российской империи на Кавказе. Со временем приверженность учению Мухаммеда становилась своего рода формой протеста по отношению к российской власти.

Как известно, первыми среди абхазов ислам приняли представители высшего сословия – князья и дворяне. Многие из них экономически и политически были связаны с Турцией. Дети привилегированных слоёв абхазского общества часто «получали воспитание в столице Османской Порты, где усваивали турецкий язык и обычаи, а также догматы мусульманского вероучения и законы шариата»³. Кроме того, с укреплением позиций Российской империи на этой территории, местные князья постепенно утрачивали здесь своё влия-

¹ Там же.

² Мачавариани К.Д. Очерки и рассказы. Батум, 1909, с. 131.

³ Смыр Г.В. Ислам в Абхазии и пути преодоления его пережитков в современных условиях. Тбилиси, 1972, с. 68.

ние, что так же способствовало превращению абхазского высшего сословия в опору ислама, а вместе с ним и султанской Турции.

Со временем, в результате почти полуторовековой борьбы, турки, используя насильственные методы вкупе с политическим и социальным влиянием, добились распространения ислама в Абхазии и таким образом укрепили здесь свои позиции, установив свою власть над краем. «Абхазцы отстали от христианства, во всей Абхазии находится одна только церковь (действующая) и один священник в деревне Соуксу при владетеле»¹, «христианство сменилось мусульманством»². Оценить масштабы распространения христианства и ислама на территории Абхазии отчасти можно по данным 1865 г.³ (Таблицы № 1–4).

Численность лиц по вероисповеданиям:

В Сухумском округе

Таблица №1⁴

Какого вероисповедания	Вольные жители		Дворовые крестьяне				ИТОГО
			Живущие своей собственностью		Не имеющие своей собственности		
	Муж.	Жен.	Муж.	Жен.	Муж.	Жен.	
Православного	1526	1294	321	185	121	76	3523
Магометанского	5168	4599	787	682	355	307	11898
ИТОГО	6694	5893	1108	867	476	383	15421

В Бзыбском округе

Таблица №2⁵

Какого вероисповедания	Вольных жителей	Крестьян	ИТОГО
Православного	1814	1093	2907
Магометанского	10866	4987	15853
ВСЕГО	12680	6080	18760

¹ Газ. «Тифлиссские ведомости». Статистический взгляд на Абхазию. № 29. Тифлис, 1831, с. 221.

² Кудрявцев К. Материалы по истории Абхазии. Сухум, 1922, с. 20.

³ Документы по истории Грузии. Серия II. Том 1. Грузия в период буржуазных реформ. Ч.1. Под ред. Ш.К. Чхетия. Тбилиси, 1954.

⁴ Там же, с. 503.

⁵ Там же, с. 510.

В Абжуйском округе

Таблица №3¹

Какого вероисповедания	Вольных жителей		Маджалатов		ИТОГО	
	Муж.	Жен.	Муж.	Жен.	Муж.	Жен.
Магометане	2526	2367	835	7721	3361	3088

В Самурзакани

Таблица №4²

Какого вероисповедания	Пиоши		Мойнале		Моджалаби		ИТОГО	
	Муж.	Жен.	Муж.	Жен.	Муж.	Жен.	Муж.	Жен.
Православного	8926	8001	762	635	1700	1352	11388	1988
Магометанского	7	9	–	–	2	3	9	12
ИТОГО	7933	8010	762	635	1702	1355	11397	2000

Судя по приведённым таблицам, в 1865 г. в населении Абхазии доля исповедующих ислам значительно превышала количество последователей православной религии. Как отмечалось в статье, опубликованной в газете «Кавказ»: «...проповедники учения Магомета, не утруждаясь неудач и препятствий, шли к своей цели с силою и упорством и не щадя ни средств, ни трудов... Христианская религия распространяется здесь слабо. Абхазское духовенство почти без исключения не владеет абхазским языком и народ охотнее слушает понятную ему проповедь об учении Магомета». Как видно, турецкие проповедники добились значительных успехов в продвижении своей религии в Абхазии, тем самым укрепив и политические позиции Порты на этой территории, ведь борьба за господство над Восточным Причерноморьем занимала значительное место в политике султанской Турции.

Однако стоит ещё раз подчеркнуть, что Кавказ и, в частности, территория Абхазии, в силу ряда обстоятельств представляли интерес не только для Турции. Свои стратегические интересы в регионе отстаивала также и Российская империя, активную миссионерскую деятельность здесь вели православные проповедники из России.

¹ Там же, с. 512.

² Там же, с. 513.

В этих условиях абхазским владельцам приходилось поддерживать шаткий баланс в отношениях со своими соседями. Учитывая складывающуюся обстановку в регионе, однозначный выбор своих внешних приоритетов стал необходимостью. 12 августа 1808 г. владетельный князь Абхазии Георгий Шервашидзе обратился к Александру I с просьбой о принятии его в наследственное подданство Российской империи. «Просительные пункты» Г. Шервашидзе были утверждены Александром I 17 февраля 1810 г. Неудивительно, что именно с этого момента начинается реанимация христианской веры на территории Абхазии. «С момента присоединения Абхазии к России правительство стало привлекать церковь на службу колониальной политике»¹. Последний владетель Абхазии Михаил Шервашидзе, христианин, покровительствовал турецкой пропаганде мусульманства, т.к. имел значительные доходы от производившейся турками в Абхазии торговой деятельности. Таким образом, Михаил Шервашидзе покровительствовал торгующим туркам².

Вместе с тем, действия российской администрации по укреплению христианства в Абхазии принимали всё более активный характер. 9 июня 1860 г. император Александр II утвердил основание Общества восстановления православного христианства на Кавказе. В функции общества входили миссионерская деятельность, строительство храмов, организация православных монастырей, «учреждение особых классов при семинариях, перевод священного писания и богослужебных книг на туземные языки»³ и т.д.

Стоит отметить, что просветительская деятельность Общества была обращена в первую очередь на окраины Закавказья, особенно на те районы, где мусульманство угрожало влиянию христианства.

Нельзя обойти вниманием и роль православного Ново-Афонского монастыря в распространении и укреплении христианской веры среди абхазов. В истории основания и развития русского православного Ново-Афонского монастыря значительную роль сыг-

¹ Чкок-Эшба Э.М. Из истории восстановления православного христианства в Абхазии (XIX в.) // Абхазоведение. История, археология, этнология. Выпуск 5–6. Сухум, 2011, с. 192.

² Там же, с. 193.

³ Обзор деятельности Общества восстановления православного христианства на Кавказе за 1866–1910 гг. Тифлис. 1910, с. 108.

рала политика царской России, поощрявшей переселение русских монахов с Афонской горы (Греция) в Абхазию для утверждения христианской религии¹. Очевидно, что Российская империя покровительствовала монахам, имея своей целью закрепление собственных политических позиций в регионе посредством восстановления и распространения здесь православия. Политику и цели царизма на Кавказе как нельзя лучше иллюстрируют слова из статьи А.В. Верещагина «Черноморское побережье Кавказа и его колонизация»: «На Черноморском побережье Кавказа, как на окраине государства...должны господствовать: церковь русская, язык русский, грамота русская»². Таким образом, очевидно, что помимо своей духовно-просветительской миссии, православие использовалось в качестве одного из инструментов распространения власти царизма в Абхазии.

Какова же роль религии в современной Абхазии? Мы попробуем разобраться в пёстром религиозно-конфессиональном состоянии республики.

Согласно опросам, соотношение приверженцев различных конфессий в 2003 году было следующим³:

- 60 % — христиане
- 16 % — мусульмане
- 3 % — приверженцы абхазской религии
- 5 % — язычники
- 8 % — атеисты и неверующие
- 2 % — прочие конфессии
- 6 % затруднились ответить

В соответствии с Конституцией Республики Абхазия, принятой на сессии Верховного Совета РА XII созыва 26 ноября 1994 года, гарантируются равенство всех граждан, независимо от их «отношения к религии» (статья 12), свобода совести и вероисповедания (статья 14). Одновременно в статье 18 содержится запрет на «создание и деятельность общественных объединений, партий и движений, цели

¹ Чок Э.М. Из истории восстановления православного христианства в Абхазии (общественно-политическая деятельность Ново-Афонского монастыря // Абхазоведение. История. Археология. Этнология. Вып. II. Сухум. 2003, с. 101, 103.

² Верещагин А.В. Колонизация Черноморского Прибрежья Кавказа. Живой вопрос наших окраин // Черноморское Прибрежье Кавказа и его колонизация. СПб. 1878, с. 22.

³ Крылов А.Б. Секрет абхазской веротерпимости // НГ-Религии. 17 марта 2004.

и действие которых – насильственное изменение конституционного строя, подрыв безопасности государства, создание вооруженных формирований, разжигание социальной, расовой, национальной и религиозной розни»¹. Так специальным Указом Президента Республики Абхазия В.Г. Ардзинба была запрещена деятельность секты «Свидетели Иеговы». При этом правительство республики уделяет соответствующее внимание религиозным вопросам. При президенте РА образовано структурное подразделение – «помощник Президента по вопросам религии», которое представляет кандидат исторических наук Р.В. Кацья².

Согласно приведённому выше опросу, большинство населения Абхазии исповедует христианскую религию. И действительно, многие исследователи-абхазоведы отмечают, что духовные ценности традиционных верований абхазов не находятся в противоречии с православием, они скорее дополняют друг друга. Академик АН Абхазии А.Э. Куправа, исследуя данный вопрос, пишет: «О преимущественно христианском нравственном и духовном содержании свидетельствует сам абхазский язык, – его лексика и речевая культура богата библеизмами, как ветхозаветными, так и новозаветными»³.

Однако, несмотря на кажущуюся однозначность религиозного положения Абхазии, современная религиозно–конфессиональная ситуация в республике не так проста. Да, большинство абхазов признают себя христианами, но вместе с тем современные “христиане–абхазы” редко посещают церкви, не совершают обряда причастия, практически не соблюдают никаких постов, не интересуются основами вероучения, не читают Библии⁴. Тоже можно сказать и о приверженцах учения пророка Мухаммеда. Подавляющее большинство абхазов-мусульман также весьма поверхностно знакомо с основами исламского вероучения. Поэтому почти полное отсутствие в Абхазии мировоззренческих разногласий и бытовых различий между людьми, формально относящими себя к христианам и мусульманам, является вполне закономерным.

¹ Конституция Республики Абхазия. Сухум. 1994, с. 5.

² Гумба А.Р. Молодёжь Абхазии и религия. Сухум. 2005, с. 13.

³ Куправа А.Э. Вопросы традиционной культуры абхазов. Сухум. 2008, с. 574.

⁴ Крылов А.Б. Религия современных абхазов: реликт прамоотеизма
// <http://kvkz.ru/stati/1810-religija-sovremennykh-abkhazov-relikt.html>.

Тесное переплетение религиозных и этнополитических факторов является характерной чертой всего постсоветского развития Абхазии. Как оказалось, декларируемая абхазами принадлежность к христианству или исламу по большей части формальна, так как она чаще всего выступает как дань традиции, и свидетельствует о том, какую религию когда-то исповедовали их предки. Абхазам совершенно не свойствен религиозный фанатизм, что так же способствует проникновению сюда новых религиозных течений, их развитию и распространению на территории Абхазии.

Православие в современной Абхазии

На территории Абхазии располагается порядка 400 православных храмов, построенных в различное время, начиная с VI в. (многие из них заброшены или находятся в плачевном состоянии). Однако на сегодняшний день (2011 г.) функционирующими являются только 22. Среди них:

1. Храм Покрова Пресвятой Богородицы в г. Гагра. Настоятель – иеромонах магистр богословия Павел (Харченко).

2. Храм Ипатия Гагрского в г. Гагра (храм готов к богослужению, однако священник отсутствует).

3. Храм Покрова Пресвятой Богородицы в г. Гудаута. Настоятель – иеромонах Василиск (Лейба).

4. Храм Успения Пресвятой Богородицы в с. Лыхны (Гудаутский район). Настоятель – протоиерей Пётр (Самсонов).

5. Храм-часовня в г. Пицунда (открылся в 1995 г.). Настоятелем храма был о. Паисий (Уваров), который вскоре погиб. На данный момент в храме нет настоятеля, однако там проходят богослужения.

6. Ново-Афонский монастырь (построен в XIX в.). Настоятель – протоиерей, управляющий епархией, отец Виссарион (Аплиа). В монастыре проживает несколько монахов и послушников, игумен Афанасий и иеромонах Андрей.

7. Храм апостола Симона Кананита в Новом Афоне. Настоятель – протоиерей, управляющий епархией, отец Виссарион (Аплиа).

8. Сухумский Кафедральный собор Благовещения Пресвятой Богородицы (построен в 1915 г.).

9. Храм Преображения Господня в с. Яштруа (построен в начале XX в.). Настоятель – протоиерей Никита (Адлейба).

10. Храм Святого Георгия Победоносца в г. Сухум (на территории тур. комплекса «Айтар», восстановлен в XIX в.). Настоятель – иерей Александр.

11. Храм Святого пророка Ильи в с. Агудзера (построен по заказу Смецкого в 1908 г.). Настоятель – иерей Долмат (Гопия).

12. Храм в г. Очамчире (построен в 2004 г.). Настоятель – иерей Игорь (Артемьев).

13. Храм Святого Георгия Победоносца в с. Илор. Настоятель – иеромонах Сергей (Джопуа).

14. Храм в г. Гал (современный храм). Настоятель – о. Матфей (Тужба).

15. Храм Святого Георгия Победоносца в с. Чубурхиндж (построен в 1893–1894 гг.)

16. Монастырь Святителя Иоанна Златоуста в с. Каман. Настоятель – иеромонах Игнатий (Киут).

17. Храм мученика Василиска в с. Каман. Настоятель – иеромонах Игнатий (Киут).

18. Храм Успения Богородицы в с. Моква (Прикреплён к храму – о. Матфей (Тужба)).

19. Мужской монастырь Успения Пресвятой Богородицы в с. Дранда. (Прикреплён к монастырю – о. Сергей (Джопуа)).

20. Молельный дом в с. Ажара (Кодорское ущелье). (Прикреплён к молельному дому – иеромонах Игнатий (Киут)).

21. Храм в с. Верхний Генцвиш (Кодорское ущелье). Настоятель – иеромонах Игнатий (Киут).

21. Храм Святителя Николая Чудотворца в с. Кутол (отреставрированный храм XIX в.). Настоятель – иеромонах Игнатий (Киут).

Необходимо отметить, что, хотя все перечисленные православные храмы считаются действующими, в части из них богослужения ведутся крайне редко. Епархия насчитывает всего около 20 священников, трое из которых являются клириками РПЦ, посланными в Абхазию по их собственному желанию.

Одним из факторов, негативно влияющих на реальное, а не формальное утверждение православия в Абхазии, можно считать нынешний неопределённый статус Абхазской Православной Церкви. После войны 1992–1993 гг. Цхум-Абхазская епархия Грузинской Православной Церкви осталась без своего главы. Митрополит Даниил (Датуашвили) покинул Абхазию и в настоящее время пребывает в

Тбилиси. В результате уже более пятнадцати лет Грузинская церковь не руководит деятельностью православных приходов в Абхазии. Русская Православная Церковь Московского Патриархата никогда не собиралась официально признавать Абхазскую Церковь, считая её частью ГПЦ. По словам пресс-секретаря Московского Патриархата о. Владимира Вигилянского, подобной позиции придерживался патриарх Алексей II: «Патриарх всегда подтверждал целостность грузинской церкви»¹. В настоящее время православные приходы Абхазии управляются временным Епархиальным советом из представителей местного православного духовенства. Этот совет отказывается признавать верховенство Грузинской Православной Церкви и не признается ею в качестве законной структуры². В результате большинство православных церквей Абхазии остается без священников. Крайняя малочисленность местного православного духовенства в немалой степени препятствует возрождению православия в современной Абхазии.

Ислам в современной Абхазии

Как уже отмечалось выше, ислам некогда играл весьма важную роль в политической жизни Абхазии (XVI–XVIII вв.). Позиции ислама значительно ослабли после массового исхода абхазского населения в Османскую империю во второй половине XIX в. Одновременно с этим в Абхазии шли процессы возрождения православия, вследствие чего приверженцев мусульманской религии стало значительно меньше. В советское время религия искоренялась вовсе. Таким образом, и в современной Абхазии количество мусульман невелико. Считаящие себя мусульманами абхазы в своем подавляющем большинстве не имеют ни малейшего представления об основах этой религии, не соблюдают предписаний (речь идёт о коренных абхазах). Однако в послевоенное время отмечается активизация процесса репатриации потомков абхазских махаджиров на историческую родину, большая часть из них является правоверными мусульманами.

¹ Официальный сайт Московского Патриархата.

² События 2011–2012 гг., связанные с проведением Церковно-народного собора и созданием Священной Митрополии Абхазии, должны стать темой отдельной работы.

После войны 1992–1993 гг. первый президент Абхазии В.Г. Ардзинба поддержал идею создания Духовного управления мусульман Республики Абхазия. В 1999 г. ДУМ РА стало официально функционирующей структурой.

В Абхазии пока нет ни одной мечети, однако существуют два молельных дома в г. Сухум и г. Гудаута. Однако Совет муфтиев России, Чеченская Республика, Саудовская Аравия и Турция (Управление по делам религии Турецкой Республики) уже выразили готовность оказать всяческую помощь в строительстве мечети в Абхазии. По словам заместителя председателя Духовного Управления Мусульман РА Тимура Дзыба в Абхазии в настоящее время насчитывается около 200–250 правоверных мусульман. Всего же абхазов, причисляющих себя к мусульманам, по его данным, около 20–25 % от общей численности местного абхазского населения. Мусульмане Абхазии – сунниты ханифитского масхаба.

Говоря об этническом составе мусульман Абхазии, следует отметить, что абхазы среди них составляют всего 25 % (вместе с репатриантами). Около 35 % – представители северокавказских народов, остальные – татары, башкиры, выходцы из Средней Азии, турки¹. Таким образом, значительную часть мусульманской уммы Абхазии составляет не коренное население Абхазии, а граждане, приехавшие сюда для временного или постоянного проживания.

Так как умма очень небольшая, потребности в центрах мусульманского образования нет. В Абхазии не функционируют медресе, однако поступают предложения от Совета муфтиев России и Управления по делам религии Турецкой Республики о направлении абхазских детей-мусульман на учёбу в медресе. Однако в настоящий момент абхазы РА не учатся ни в одном исламском религиозном учебном заведении. В последние годы руководство ДУМ РА участвует в крупных международных конференциях за рубежом. Среди них: «Ислам победит терроризм» в г. Москва, «Мусульмане СНГ за межконфессиональный, межнациональный мир и согласие» в г. Москва, отчётная конференция «Центра исламского призыва» в г. Триполи в Ливии, конференция «Исламские знания и пути их обновления» в Турции и т.д.

¹ Данные получены из личной беседы с зам. председателя ДУМ РА Тимуром Дзыба.

Таким образом, для подавляющей части мусульман Абхазии приверженность к исламу – скорее дань традиции, нежели действительная вера. Однако правоверные мусульмане, которых в республике очень немного, демонстрируют активную позицию, стремятся укрепиться в вере и поддерживать отношения с зарубежными мусульманскими общинами.

Католицизм в современной Абхазии

Католическая церковь была построена в Сухуме в 1908 г. В 1937 г. церковь закрыли, а в здании разместилось государственное учреждение. После грузино-абхазской войны здание церкви было возвращено католической общине, здесь находится римско-католический приход Святого Апостола Симона Кананита. Каждое воскресенье из г. Сочи в Сухум приезжает о. Яцек, проводящий службу для местных прихожан. Большую помощь сухумской общине, насчитывающей около 1000 человек, оказывает сочинская католическая церковь¹.

В 1996 году при церкви была открыта воскресная церковно-приходская школа. Занятия там проводятся с 1 сентября до конца мая. Школу в основном посещают дети прихожан, преподавателями также являются сами прихожане, которые работают бесплатно.

Протестантизм в современной Абхазии

Протестантизм в Абхазии представлен, прежде всего, эстонцами и немцами, осевшими в республике и сохранившими традиции, несмотря на отсутствие пастыря. В Сухуме в настоящее время функционирует Евангелическо-лютеранская церковь св. Иоанна. Церковь в Сухуме входит в епархию лютеранского епископа Закавказья Ханса Кидерлина. Уже пятый год, после гибели пастора Герта Кхуммеля, Михаил Шлигель-Мильх (немец, уроженец Сухума) является проповедником лютеранской общины Абхазии, совмещая свою миссионерскую деятельность с заочной учебой в евангелическо-лютеранской семинарии Санкт-Петербурга. Здание церкви было построено в 1913 году, в советское время в помещении церкви располагался архив. Повторное освящение состоялось 8 декабря 2002 года. Однако в

¹ Нужная газета. № 43. 30 июля 2008. Сухум.

настоящее время протестантская община крайне мала, насчитывает не более пятидесяти человек.

Иудаизм в современной Абхазии

Большинство евреев, проживавших в Абхазии во время грузино–абхазской войны 1992–1993 гг., относясь к грузинским евреям, покинуло республику, репатриировавшись на свою историческую родину, в Израиль, а часть из них переехала в Грузию. Те евреи, которые остались в Абхазии, являются в большинстве своём русскоязычными ашкеназскими евреями. В Абхазии существует небольшая еврейская община, состоящая в основном из людей преклонного возраста, также в республике сейчас действует одна синагога (в Сухуме).

Кроме того, активную проповедь в Абхазии ведут баптисты, адвентисты седьмого дня и свидетели Иеговы, пользующиеся значительной финансовой поддержкой своих единоверцев из западных стран. Сейчас численность каждой из этих общин составляет несколько сотен человек различных национальностей.

Следует особо подчеркнуть ту роль, которую играет традиционная религия в современной Абхазии. Распад Советского Союза, кровопролитная война и последовавшая за ней блокада и изоляция Абхазии способствовали возрождению традиционных верований абхазов. Представляется, что традиционная религия выступала и продолжает выступать в качестве одного из инструментов национальной консолидации и идентичности, в условиях проживания в пёстром, многонациональном обществе. И православие, и ислам в Абхазии приобретают весьма колоритный традиционный абхазский окрас. Очевидно, что в современном мире имеет место усиление значения культуры, цивилизации, традиции, как факторов общественного развития и международных отношений¹. И для Абхазии это также характерно. Можно уверенно констатировать, что в республике возрождается традиционная религия абхазов, которая, как оказалось, сохранялась даже в советский период, а декларирование о полном отказе от традиционных культов было лишь данью коммунистической идеологии.

¹ Яковлев А.И. Страны Востока: синтез традиционного и современного. М. 2007, с. 165.

Как видим, географическое расположение, разнообразные политические процессы и пёстрый национальный состав Абхазии обусловили религиозную индифферентность и невысокую религиозность населения республики. Это явление ещё более очевидно на фоне существующих демографических проблем. К тому же именно многочисленные диаспоры могут ещё сильнее усложнить религиозную мозаику современного абхазского общества.

Национальный состав Абхазии. Существующие проблемы

Обеспечение демографической безопасности абхазского этноса, безусловно, является важнейшей стратегической задачей республики. Вместе с тем, очевидно, что вызовы, которые предлагает складывающаяся в Абхазии демографическая ситуация, приобретают всё большую актуальность и злободневность. Как известно в настоящее время право на безвизовый въезд на территорию республики имеют все граждане СНГ, что значительно осложняет контроль над их передвижением на территории Абхазии. Строительство олимпийских объектов в Сочи в преддверии Олимпиады-2014 требует значительных трудовых ресурсов, которые привлекаются и будут привлекаться, в том числе и из стран СНГ, а часть из них может быть размещена в Абхазии. О готовности к этому неоднократно заявляло руководство республики. Впоследствии вполне вероятно натурализация этих трудовых мигрантов в Абхазии. Кроме того, в качестве гастарбайтеров, работающих в Сочи и в Абхазии, чаще всего выступают граждане азиатских стран, исповедующие ислам. Таким образом, существует тенденция к укреплению позиций ислама в Абхазии. По словам заместителя председателя Духовного управления мусульман Абхазии Т. Дзыба, «сегодня прирост мусульманского населения республики осуществляется в основном за счёт выходцев из Северного Кавказа и Средней Азии, которые приехали сюда работать».

Однако, вопрос о трудовых мигрантах, несмотря на свою сложность и комплексность, всё-таки не является основным составляющим демографической проблемы республики. К тому же для отслеживания миграционных потоков достаточно обеспечить эффективную работу института регистрации по месту пребывания, а также рассмотреть возможность введения визового режима со странами СНГ (за исключением РФ).

Особняком для Абхазии стоит так называемая «проблема Гальского района», а вместе с ней и вопрос возвращения беженцев. Являясь пограничным районом между Грузией и Абхазией, Гал представляет особую важность. По данным на 1 января 2009 г. на территории Гальского района проживало 29177 человек, из которых 27024 – грузины¹, и не секрет, что подавляющее большинство гальцев является гражданами Грузии, и это в условиях отсутствия соглашения о двойном гражданстве между Грузией и Абхазией. Более того, многие граждане района живут и работают «на две страны». Всё это, несомненно, представляет для Абхазии политическую угрозу. Подавляющее преобладание грузинского населения в Гальском районе в любой момент может быть использовано грузинским руководством в качестве основания для вмешательства во внутренние дела этого региона Абхазии. В этих условиях очевидно, что массовое возвращение беженцев не будет способствовать укреплению безопасности и стабильности в республике, особенно, учитывая их прогрузинский настрой и желание вернуться «домой», вернув себе всё утраченное имущество.

Вместе с тем, вопрос беженцев нельзя игнорировать, он требует грамотного поступательного решения, иначе эти проблемы грозят перерасти в угрозу государственному строительству в Абхазии.

Кроме вышеперечисленных факторов на демографическую, а вместе с тем и на религиозную ситуацию в Абхазии в последнее время всё большее влияние стал оказывать активизировавшийся процесс репатриации потомков абхазских мухаджиров. По данным Государственного Комитета по репатриации РА за послевоенный период (с 1994 г.) в Абхазию переехало на постоянное место жительства около 2000 репатриантов из Турции, Иордании, Сирии и т.д. Безусловно, в условиях, когда наблюдается тенденция к снижению доли абхазского этноса в населении Абхазии (по данным на 2009 г. на территории Абхазии проживало 44,7% абхазов), возвращение потомков абхазских мухаджиров может стать частичным решением проблемы. Однако в вопросе репатриации существует ряд серьёзных комплексных проблем, которые не следует упускать из вида.

Во-первых, принимая во внимание политику Турции в национальном вопросе, на сегодняшний день практически невозможно

¹ По данным Государственной статистики Республики Абхазия.

четко определить национальную принадлежность потомков мухаджиров, возвращающихся на историческую родину. При этом теоретически возможно проникновение в республику радикальных исламских элементов.

Во-вторых, гражданам, уже переехавшим в Абизию на постоянное место жительства, необходимо обеспечить полную интеграцию в абхазское общество, создать определённые социальные институты (адаптационные центры), которые помогут эффективно и безболезненно интегрироваться в современное общество Абхазии. К сожалению, пока такие институты не функционируют.

Очевидно, что фундаментальной проблемой Республики Абхазия на сегодняшний день является демографический кризис. Сегодня территория республики заселена лишь на треть от своих потенциальных возможностей. В Абхазии в силу определённых политических процессов начиная с XIX в. наблюдались сильные демографические колебания: сначала исход абхазского населения в Османскую империю (мухаджирство), ставший следствием русско-турецких войн XIX в. и Кавказской войны, затем, уже в 30–40-е годы XX столетия, целенаправленное переселение жителей Западной Грузии на территорию Абхазии, а после грузино–абхазской войны 1992–93 гг. население республики сократилось вдвое. В нижеследующих таблицах приведены данные переписей населения Абхазии за 1989 и 2009 гг.

Население Абхазской АССР (1989 г.)

Все	абхазы	армяне	грузины	русские	греки	эстонцы	украинцы
525.061 (100 %)	93.267 (17,8 %)	76.541 (14,6 %)	239.872 (45,7 %)	74.914 (14,4 %)	Информации не имеется		

Население Республики Абхазия (2009 г.)

Все	абхазы	русские	армяне	грузины	мингрелы	греки	украинцы	другие
215.567 100 %	96.340 44,7 %	23.521 10,9 %	44.839 20,8 %	40.215 18,6 %	3.606 1,7 %	1.477 0,7 %	1.794 0,8 %	3.775 1,8 %

Таким образом, очевидно, что в Абхазии существуют весьма значительные земельные ресурсы, которые на сегодняшний день обезлюдили и пустуют, но могут впоследствии быть заселены. Вопрос только – кем?

От решения вышеперечисленных проблем и от того, каким образом многочисленные диаспоры, проживающие на территории Абхазии, будут интегрированы в абхазское общество, во многом зависит жизнеспособность этого молодого государства, которое, несмотря на весьма небольшую территорию, крайне многолико и поликонфессионально.

Становление независимого Абхазского государства и Российская Федерация (1993–2008 гг.)

Как известно, в конце XX в. на постсоветском пространстве возникло множество «горячих точек», одной из которых стала Абхазия, превратившиеся в арену сначала непримиримого политического противостояния абхазского общества и Грузии, а затем и кровопролитной войны между ними. В результате войны (1992–1993) Грузия потерпела поражение и ее войска были изгнаны с территории Абхазии, народ которой приступил к строительству независимого государства. Этот процесс можно разделить на 3 периода: Первый – с 1993 по 1999 гг. – время, когда Абхазия находилась под прессом экономической, военно-политической, информационной блокады со всеми вытекающими отсюда последствиями. Второй – с 1999 по 2008 гг. – время постепенного ослабления экономической блокады и политической изоляции, что стало возможным, в первую очередь, в силу того, что Абхазия выстояла в первый период становления независимого государства. Третий – с 26 августа 2008 года – Республика Абхазия – признанное государство.

«Абхазская политика» России в означенный период была неоднозначной и даже, можно сказать, контрастной: за это время она дважды объявляла и осуществляла блокаду Абхазии (21 сентября 1993 г. и 19 декабря 1994 г.), тем самым, являясь главным рычагом давления на Сухум. Однако, наряду с этим, Россия являлась посредником в процессе урегулирования; фактически в одиночку несла все расходы и тяготы по выполнению миротворческой операции; несмотря на противодействие мирового сообщества признала государственную независимость республики.

В данной работе речь пойдет в основном о первом периоде становления Республики Абхазия, а также о некоторых обстоятельствах и военно-политических последствиях ее признания.

А.Ф. Авидзба – кандидат исторических наук, научный сотрудник Абхазского института гуманитарных исследований им. Д.И. Гулиа АН Абхазии.

Трудности переговорного процесса.

Блокада Абхазии

Грузинские войска были изгнаны из Абхазии 30 сентября 1993 г., а уже 6 октября Председатель Парламента Абхазии В. Ардзинба заявил, что Абхазия будет «искать пути создания демилитаризованного нейтрального государства при наличии международных гарантий»¹. После поражения в войне против Абхазии, Грузия вынуждена была вернуться в фарватер российской политики и временно отказаться от западной ориентации, что свидетельствует о глобальных геополитических последствиях победы абхазской армии в сентябре 1993 г. Уже 8 октября Грузия вступила в СНГ, а 9 октября было подписано Соглашение о пребывании российских войск в Грузии до 1995 г.

В ноябре 1993 г. в Женеве начался переговорный процесс между Абхазией и Грузией под эгидой ООН, при содействии России и участии СБСЕ. В них также принимала участие группа стран, объединившихся в организацию под названием сначала «Друзья Грузии», а позже – «Друзья Генсека ООН по Грузии». Первый раунд этих переговоров проходил 30 ноября – 1 декабря и завершился подписанием Меморандума о понимании между грузинской и абхазской сторонами, в котором предусматривалось обязательство сторон не применять силу друг против друга. 11–13 января 1994 г., на фоне активного противостояния на р. Ингур между абхазскими пограничниками и грузинскими военизированными подразделениями, в Женеве состоялся второй раунд абхазо-грузинских переговоров. Их главной темой был вопрос ввода в зону грузино-абхазского противостояния миротворческих сил, который в итоге был согласован сторонами.

3 февраля, в ходе визита президента России Б. Ельцина в Тбилиси, был подписан Договор о дружбе, добрососедстве и сотрудничестве между Россией и Грузией. Согласно ему на территории Грузии создавалось пять российских баз, российские пограничники брали под контроль согласованные участки границы Грузии, Россия обещала поддержку Грузии в строительстве и переоснащении ее армии. Абхазия отреагировала на этот документ негативно. Государственная

¹ Республика Абхазия. 6 ноября 1993 г., № 44.

Дума также отказалась ратифицировать его, вследствие чего он так и не вступил в законную силу.

4 апреля 1994 г. в Москве между сторонами конфликта, представителями ООН, России и СБСЕ, в присутствии Генерального секретаря ООН было подписано «Заявление о мерах по политическому урегулированию грузино-абхазского конфликта». Этот документ констатировал факт отсутствия государственно-правовых отношений между Абхазией и Грузией. 4 апреля также было подписано Четырехстороннее соглашение о добровольном возвращении беженцев и перемещенных лиц. В Соглашении предусматривалось, что иммунитет беженца не распространяется на лиц, совершивших военные преступления или преступления против человечности; тяжкие уголовные преступления; ранее принимавших участие в боевых действиях и находящихся в составе вооруженных формирований.

14 мая в Москве было подписано Соглашение о прекращении огня и разъединении сил, которое предусматривало ввод российских миротворческих сил под эгидой СНГ в Зону конфликта. Миротворческая операция началась 20 июня. Тбилиси, как выяснилось, рассчитывал с помощью с российских миротворцев вернуть Абхазию. 29 июня Э. Шеварднадзе объявил, что так называемое Правительство в изгнании, находящееся в Тбилиси, скоро переедет в Гальский район. Россия также фактически не принимала во внимание интересы абхазской стороны. На абхазскую сторону оказывалось давление с целью добиться ее согласия на массовое возвращение т. н. грузинских беженцев. И, как следствие, на фоне наивысшего подъема российско-грузинских отношений летом и осенью 1994 г. происходит обострение российско-абхазских отношений. Так, бытовой ссоре российских военнослужащих и местных жителей, произошедшей 25 августа в Гудауте, был придан статус военно-политического скандала. А в середине сентября на границе Абхазии с Грузией была устроена крупная провокация, чуть было не приведшая к военным столкновениям. Ночью 13 сентября миротворцы убрали свои посты, а утром 14 сентября окружили здание Гальской милиции, узел связи и другие важные объекты. Все это лично возглавлял заместитель министра обороны России Г. Кондратьев, а командир миротворцев, расположенных у Ингурского моста, заявил, что у него есть приказ от Президента России перевести грузинских беженцев. Абхазские власти вынуждены были предпринять адекватные меры, и провока-

ция была пресечена. 16 сентября, при посредничестве П. Грачева, в Новом Афоне состоялась встреча В. Ардзинба и Э. Шеварднадзе, после которой никаких заявлений не было сделано.

26 ноября 1994 г., несмотря на противодействие влиятельных сил, была принята Конституция Республики Абхазия, В тот же день, согласно новому Основному Закону, Верховный Совет избрал В. Ардзинба первым Президентом Республики Абхазия, инаугурация которого состоялась 6 декабря. Принятие Конституции подтвердило неизменность курса на независимость и продемонстрировало решимость добиваться признания права абхазского народа на самоопределение. На этом пути приходилось преодолевать жесткое противодействие мирового сообщества. Одной из таких мер давления явилось Постановление Правительства РФ «О мерах по временному ограничению пересечения государственной границы РФ с Азербайджанской Республикой и Республикой Грузия», принятое 19 декабря 1994 г. Под предлогом возможного притока добровольцев в Чечню, Россия ввела сухопутную и морскую блокаду против Абхазии.

29 августа 1995 г., на фоне очередного обострения ситуации в Абхазии, в Москве возобновились четырехсторонние переговоры по урегулированию грузино-абхазского конфликта. Чуть позже Президент Абхазии, комментируя их, сказал: «От общественности скрывается тот факт, что нам на стол кладут документ, подготовленный грузинской стороной, вынуждают его подписывать и еще обвиняют в том, что мы его не подписываем». 15 сентября, во время визита премьер-министра России В. Черномырдина в Грузию, было заключено соглашение по российским военным базам в Грузии, в числе которых была названа и база в Гудауте. На 30 сентября были назначены военные учения миротворческих сил СНГ, в ходе которых планировалось ввести в Гальский район батальон СНГ, личный состав которого состоял преимущественно из грузин, а вслед за ним и грузинскую полицию. Эти планы совпали по времени с очередными заявлениями Э. Шеварднадзе о скором восстановлении суверенитета Грузии над этим районом Абхазии. Эти мероприятия, рассчитанные на оказание давления на Абхазию, вынудили привести абхазскую армию в состояние повышенной боевой готовности.

9 января 1996 г. В. Ардзинба обратился к главам СНГ с предложением не рассматривать вопрос Абхазии без участия ее представителей «во избежание принятия решений, основанных на односторон-

ней информации». Несмотря на обоснованность опасений абхазской стороны, 19 января саммит глав СНГ принял «Решение о мерах по урегулированию конфликта в Абхазии, Грузия», в котором осуждалась «деструктивная позиция абхазской стороны» и подтверждалось, что «Абхазия является неотъемлемой частью Грузии». Страны СНГ брали на себя обязательства без согласования с Грузией не осуществлять торгово-экономические, финансовые, транспортные и иные операции с властями абхазской стороны; не вступать в официальные контакты с представителями или должностными лицами структур, существующих на территории Абхазии; не допускать функционирования на своих территориях представительств властей Абхазии. Более того, саммит обратился к Совету Безопасности ООН с призывом поддержать меры воздействия на власти абхазской стороны и рекомендовать всем государствам - членам Организации присоединиться к этим мерам. Тем самым, государства – члены СНГ, за исключением Белоруссии и Туркменистана, согласились поставить Абхазию на грань физического выживания, чтобы заставить ее отказаться от своих завоеваний.

Неконструктивное поведение Грузии объясняется тем, что ее позиция получала поддержку также и в документах ООН и ОБСЕ. В частности в ОБСЕ трижды принимались акты, осуждавшие позицию Абхазии (Будапешт, 6 декабря 1994 г.; Лиссабон, 3 декабря 1996 г.; Стамбул, 17–18 ноября 1999 г.). А Европейский парламент в одной из своих резолюций назвал абхазское правительство «бандитско-террористическим движением». Необходимо отметить, что к концу 1996 г. происходит переориентация Грузии на Запад, у которого к этому времени стала озвучиваться и воплощаться в жизнь наступательная политика в Кавказском регионе. Это обстоятельство в дальнейшем начало оказывать значительное влияние на процесс грузино-абхазского урегулирования.

Однако Россия продолжала проводить политику «умиротворения» Грузии и, как следствие, ужесточала давление на Абхазию. С 15 апреля 1997 г. были отключены все телефонные линии, соединяющие Абхазию с внешним миром, что означало и информационную блокаду. Тбилиси, чувствуя безнаказанность, наряду с дипломатическим давлением, продолжал вести с Абхазией террористическую войну. В частности, в рассматриваемый период в Гальский район было введено значительное число грузинских диверсионно-терро-

ристических групп для дестабилизации положения в этом регионе. Тем не менее, 28 марта саммит глав СНГ осудил позицию абхазской стороны, и возложил на российских миротворцев полицейские функции. 1 апреля Парламент РА заявил, что данное решение является неприемлемым для абхазской стороны. Президент Абхазии также отверг предложение о создании рабочей группы по воплощению в жизнь этих решений саммита СНГ.

В первой половине июня 1997 г. в Москве проходили трехсторонние переговоры по вопросам урегулирования грузино-абхазских отношений. К этому времени грузинское руководство настаивало на выводе миротворцев, очередной срок мандата которых истекал 31 июля. В ходе переговоров Президент Абхазии заявил о необходимости подписания документа, «который подвел бы черту состоянию войны». Проект подобного протокола был подготовлен абхазской стороной и согласован с российской. Подписание документа планировалось 18 июня. Но оно не состоялось по вине грузинской стороны, выдвинувшей заведомо неприемлемые условия.

27 июня в Абхазию прибыли Президент Адыгеи А. Джаримов и Глава администрации Краснодарского края Н. Кондратенко, которые заявили о необходимости снятия экономической блокады с Абхазии. Однако на высшем уровне Россия продолжала оказывать давление на Сухум. Особую активность в этом направлении развил новый министр иностранных дел Е.М. Примаков. 9 августа в Сочи состоялась его встреча с В. Ардзинба, в результате которой и ряда других встреч и телефонных переговоров, была достигнута договоренность о визите Президента Абхазии в Тбилиси. Уже тот факт, что визит был назначен на 14 августа, пятую годовщину вторжения Грузии в Абхазию – день Памяти защитников Абхазии – свидетельствует о том, в угоду кому и чему организовывалась эта встреча. В очередной раз В. Ардзинба вынужден был пойти на непопулярный шаг: в Абхазии это решение и сам визит восприняли неодобрительно, а реакция на то, что он состоялся 14 августа, была однозначно негативной. Кроме того, несмотря на то, что Е. Примаков поручился за неприкосновенность В. Ардзинба в Тбилиси, о полноценных гарантиях его безопасности во вражеском стане говорить не приходилось*. «Несговорчи-

* В Абхазии бытует мнение, что именно во время этого визита В. Ардзинба подвергся «внешнему воздействию» (заклечение экспертов), в результате которого у него

вый» В. Ардзинба, несмотря на то, что представлял маленькую и не признаваемую страну, часто становился поперек интересов влиятельных сил и даже нередко способствовал смешиванию карт в их локальных, региональных и даже глобальных военно-политических играх, ареной которых являлась и Абхазия. Он не мог все это не понимать, но ему тогда четко дали понять: если он не поедет в Тбилиси, то узнает «что такое настоящая блокада». Главным итогом встречи В. Ардзинба и Э. Шеварднадзе в Тбилиси стала договоренность о создании грузино-абхазской Координационной комиссии.

Между тем, 1998 год в Грузии был объявлен «годом возвращения Абхазии», что способствовало нагнетанию обстановки. 2 января Э. Шеварднадзе высказался за урегулирование грузино-абхазского конфликта путем «принуждения к миру», как это произошло в Боснии. А с 19 по 25 мая в Гальском районе происходили боевые действия между абхазскими войсками и грузинскими военными формированиями, получившие название «шестидневной войны». Грузинские диверсионные группы пытались захватить приграничный район и вывести его из-под юрисдикции законных властей Абхазии. Руководство боевыми действиями осуществлялось из Тбилиси, местным жителям также было роздано оружие. Попытка Грузии была пресечена, а ее военные формирования изгнаны из Абхазии. 25 мая в Гагре был подписан Протокол о прекращении огня, разведении вооруженных формирований и гарантиях по недопущению силовых действий. Документ, в частности, предусматривал: «Грузинская сторона обязуется принять эффективные меры по пресечению проникновения в Абхазию террористических и диверсионных групп, вооруженных формирований и лиц». В. Ардзинба, комментируя итоги «шестидневной войны», сказал: «Эта была вторая агрессия Грузии против Абхазии, а не провокация, как ее представляют. Согласившись на вывод военных сил, грузинская сторона тем самым публично признает свое участие в военных действиях».

была поражена центральная нервная система (потеря координации и речи). «Внешнее воздействие» развило у основателя современного Абхазского государства болезнь, которой он страдал около 10 лет, и от которой он скончался 4 марта 2010 г. В силу этого обстоятельства в Абхазии считают, что В. Ардзинба не умер в клинической палате, а погиб на поле брани, защищая интересы своего народа.

12 января 1999 г. Президент В. Ардзинба заявил о начале с 1 марта процесса возвращения беженцев в Гальский район. Но в Грузии вопрос возвращения беженцев использовался для достижения политических целей и враждебной пропаганды. Было даже объявлено, что те, кто вернется в Гальский район, являются предателями Грузии. В Тбилиси стремились не к возвращению «беженцев», а к продолжению спекуляции этой проблемой. Между тем исход части грузинского населения из Абхазии произошел до прямого соприкосновения с абхазской армией и был вызван опасениями справедливого возмездия за совершенные преступления. В подавляющем своем большинстве будущие «беженцы» встретили оккупантов с цветами и продолжали их поддерживать даже после ставшего эталоном солдафонства и человеконенавистничества выступления командующего войсками Грузии в Абхазии Г. Каркарашвили, в котором он пообещал «этим сепаратистам (абхамам. – А.А.), что если из общей численности погибнет 100 тысяч грузин, то из ваших погибнут все 97 тысяч, которые будут поддерживать решение Ардзинба»¹.

Кроме того, согласно международному праву, чтобы лицо было признано беженцем, оно должно отвечать следующим условиям: «1) должно находиться за пределами страны своего проживания; 2) должно испытывать вполне обоснованные опасения преследования; 3) эти опасения должны основываться на одном из пяти признаков: расы, религии, гражданства, принадлежности к какой-либо социальной группе, политических убеждений»². Таким образом, спекуляции грузинских властей и их влиятельных западных покровителей на тему «беженцев», лишены, наряду с морально-этическими, и международно-правовых оснований. Однако, тогда, в начале февраля 1999 г., в интервью грузинским СМИ, спецпредставитель Генсека ООН Л. Бота сказал: «Я лично могу понять тех, кто не видя перспективы возвращения домой, взял в руки оружие»³. Это в тех условиях означало не только оправдание политики государственного терроризма, которая проводилась властями Грузии против Абхазии под прикрытием «партизан-беженцев», но и практически ее санкционирование.

¹ Абхазия: хроника необъявленной войны. М., 1992. Т. 1, с. 128.

² Иванов Д.В. Беженцы в современном международном праве. М., 2006, с. 150.

³ Республика Абхазия. 3–4 февраля 1999 г. № 12.

Некой точкой отсчета новым взаимоотношениям между Россией и Абхазией можно считать президентские выборы и референдум в Абхазии, состоявшиеся в начале октября 1999 г. Реакция России на эти события свидетельствовала о некотором изменении её политики в отношении с Абхазией. Конечно, этот процесс не может рассматриваться вне контекста российско-грузинских, грузино-американских и российско-американских отношений, но сам факт потепления российско-абхазских отношений, и, как следствие этого, ослабление, а затем и отмена санкций на границе, не могли не оказать положительного воздействия на экономику Абхазии, которая была загнана в ступор блокадой. Еще 4 марта 1999 г. Парламент принял Закон о выборах Президента, а 19 июля – назначил дату их проведения. 20 июля Генеральный секретарь ООН К. Аннан назвал предстоявшие выборы своего рода народным референдумом. Но уже в резолюции СБ ООН от 30 июля выборы Президента Абхазии были объявлены неприемлемыми и незаконными. Тем не менее, 25 августа ЦИК Абхазии зарегистрировал В. Ардзинба кандидатом в Президенты РА, а 30 августа был издан Указ Президента «О назначении всенародного голосования (референдума)».

9 сентября Правительство РФ приняло Постановление «О признании утратившими силу постановлений Правительства РФ». Согласно этому документу признавалось утратившим силу Постановление Правительства РФ от 19 декабря 1994 г. Российским таможенному комитету, министерствам путей сообщений и транспорта было предписано принять меры по надлежащему обустройству пропускных пунктов на границе с Абхазией. 20 октября был снят возрастной ценз на российско-абхазской границе на р. Псоу, что стало первым шагом на пути практической реализации Постановления Правительства РФ.

3 октября 1999 г. состоялись выборы президента и референдум, в которых приняло участие 87, 6% избирателей. Наблюдение за ходом выборов и референдума осуществляли депутаты Госдумы России, представители Приднестровья, Краснодарского края, Южной Осетии, Карачаево-Черкесии, Адыгеи и Нагорного Карабаха. 97,9% избирателей одобрили Конституцию и проголосовали за В. Ардзинба как за кандидата в Президенты Абхазии. 12 октября Парламент, опираясь на решение референдума, принял Акт о Государственной Независимости, ставший новой ступенью в становлении суверенного Аб-

хазского государства и завершивший правовое оформление независимости Республики Абхазия. В это время в России наступает эпоха В. Путина, что, в свою очередь, ознаменовало существенную корректировку методов отстаивания российских интересов на Кавказе.

Признание государственной независимости Республики Абхазия

Как известно, основополагающим принципом для признания государственной независимости стран и народов является право нации на самоопределение. Однако нормативная база современного международного права не всегда становится нормой поведения, которой руководствуются влиятельные политические акторы. В современной мировой практике дилеммой дня становится вопрос приоритета во взаимоотношениях двух основополагающих принципов международного права – права нации на самоопределение и территориальной целостности государства. Несмотря на то, что, по мнению правоведов-международников, «право народа на самоопределение первично по сравнению с принципом территориальной целостности государства», эти понятия почти всегда приходят в противоречия друг с другом, становясь при этом детонатором больших потрясений. В силу различия у больших и малых государств интересов и возможностей их отстаивания и реализации, а также благодаря противоречиям между самими большими государствами, которые являются законодателями политической моды, основополагающие международно-правовые принципы трактуются не всегда одинаково и соответственно требованиям установления мира и безопасности, к которым по идее должно стремиться международное право. И, в силу того, что, по установившейся традиции, всякое право, в том числе право, которому придан международный статус, можно отстоять и защитить только силой, а у сильного, как известно, всегда велик соблазн притеснить более слабого, правда и справедливость в современном миропорядке торжествуют крайне редко. Все это приводит к двойной морали и двойным стандартам, которые уже были заложены в основу основополагающих международно-правовых актов ещё при формировании современных правил игры на мировом геополитическом поле. Может быть, вследствие этого в мировой практике в последнее время наметилась устойчивая тенденция к тому, что государства, принимая решения о признании независимости других стран, зачас-

тую исходят не из принципов международного права, а из своего частного интереса.

Международное сообщество считало возможным признать, и, в своем большинстве, признало независимость Косово. При этом «мировая общественность» и слушать не желала об обсуждении такой постановки вопроса по отношению к Абхазии, у которой намного больше оснований и прав на самоопределение и независимость. Вину Абхазии ставилось «самопровозглашение», означавшее в лексиконе больших держав государство, провозгласившее себя независимым, но не признаваемое таковым в кругу избранных. Но общеизвестно, что все государства когда-то сами себя провозглашали таковыми и объявлять «самопровозглашение» причиной для отказа народу в реализации его права на самоопределение означает отвергать историю происхождения государств и государственного строительства. Непризнание же провозглашенной и отстаиваемой воли народа является нарушением самого международного права, под прикрытием которого зачастую отказывали и отказывают тому или иному народу в праве на самоопределение. Действительно, если признается независимость Косово, сербской территории, населенной албанцами, то по какому такому «справедливому» международному праву Абхазии, населенной абхазами, отказывается в праве на самоопределение?

Если признать за Косово право на самоопределение, то возникает вопрос о применимости этого прецедента для Абхазии. При этом международное сообщество, в особенности США и их союзники, признавая право на независимость Косово, считали вполне обоснованной свою позицию, согласно которой случай с Косово был объявлен уникальным. Он, якобы, не может служить прецедентом для других непризнанных государств. Россия в этом вопросе отстаивала универсальный характер права народов на самоопределение, утверждая, что признание Косово автоматически должно привести к признанию всех непризнанных государств, в частности, и Абхазии. Нужно иметь в виду и то, что все споры об уникальности или универсальности ситуации с Косово носят конъюнктурный характер, так как ещё до Косово в мире имел место не один прецедент сецессии части государства и последующего ее признания самостоятельным субъектом международного права. Абхазия же боролась за свободу независимо от косовского или любого другого прецедента и добивалась признания своего права на независимость, невзирая на продик-

тованные геополитической конъюнктурой прецеденты, поскольку такова была и есть выраженная воля ее народа, а именно это является основополагающим условием признания права народов на самоопределение.

При этом надо иметь в виду, что в 2014 г. в Сочи (который находится практически на границе с Абхазией) должны состояться Олимпийские игры. Столь масштабный спортивный проект может быть осуществлен только при стабильной военно-политической ситуации в Абхазии. А это, в свою очередь, возможно только при наличии заинтересованности в этом крупных геополитических игроков. Однако это обстоятельство по ситуации на 2007–2008 гг. не снимало с повестки дня проблему Кодорского ущелья. Напротив, чем меньше времени оставалось бы до 2014 г., тем более актуальной должна была стать необходимость решения этого вопроса, без которого было бы невозможно обеспечить стабильность в Абхазии и гарантировать безопасность проведения Олимпийских игр в Сочи. Многое в этих процессах также зависело и от складывавшейся ситуации вокруг Ирана, региональной энергетической транспортной системы и нового витка глобальной войны за ресурсы.

Ситуация усугублялась реальной возможностью вступления Грузии в НАТО, к чему обе стороны давно шли и к чему уже, судя по всему, были близки. Могло ли так случиться, что данное обстоятельство не повлияло бы на дальнейшую политику Москвы и не подтолкнуло бы ее к более решительным, в том числе и военно-политическим, шагам в регионе? Ведь она не шутила, когда утверждала, что размещение третьего позиционного района системы американской ПРО в Чехии и Польше (в контексте заявления о возможности размещения таковых и в Литве) угрожает ее безопасности. А если это правда (сомневаться в чем было бы несерьезно), то каково было бы безопасности России в случае появления американской ПРО уже и в Абхазии, что произошло бы, если Москва продолжала бы поддерживать тезис о «территориальной целостности» Грузии!? В первой половине 2008 г. Россия предприняла ряд военно-политических шагов: 16 апреля Президент РФ В. Путин подписал указ о выходе России из режима санкций СНГ 1996 г., позже поручил правительству подготовить перечень мероприятий, направленных на улучшение жизни граждан Абхазии (кстати, в названном поручении В. Путина впервые отсутствовало упоминание о «территориальной

целостности» Грузии, тезис о неизменной поддержке и о необходимости соблюдения которой содержался ранее во всех заявлениях главы исполнительной власти России), в Абхазию были введены железнодорожные войска для восстановления абхазской железной дороги... Эти шаги являлись своеобразным ответом на угрозы национальным интересам России и вызвали протесты не только в Тбилиси, но и в столицах ряда стран – ведущих мировых политических игроков, прежде всего, в Вашингтоне, что не могло не привести к некоторому нагнетанию напряженности на Кавказе. А осложнение отношений на Кавказе автоматически ведет к обострению ситуации и в других «горячих» точках, что, при современных реалиях гиперглобализации, чревато зарождением нового «великого» противостояния. При этом нельзя было сбрасывать со счетов и способность больших игроков на геополитической арене договариваться между собой и манипулировать ситуацией. Предметом торга мог стать вопрос непризнания Абхазии Россией в ответ на отказ от принятия Грузии в НАТО. И, действительно, создавалось впечатление, что нерешенность вопроса об Абхазии на рассматриваемом этапе соответствовала интересам противостоящих геополитических сил, поскольку ни одна из них не была способна или не желала выражать свою позицию более определенно, рискуя этим вызвать гнев противной стороны.

Однако ситуация изменилась в ночь с 7 на 8 августа 2008 г. Тогда была начата очередная военная агрессия Грузии против Южной Осетии. Россия предприняла решительные военно-политические шаги по обузданию агрессора, защите государственности Южной Осетии и обеспечению безопасности ее граждан, подавляющее большинство из которых являются также и гражданами Российской Федерации. Москва также не препятствовала открытию второго фронта против Грузии, в результате которого поздно вечером 12 августа 2008 г. абхазская армия освободила верхнюю часть Кодорского ущелья¹. А в результате операции по принуждению Грузии к миру, проведенной

¹ Война в Абхазии, несмотря на восстановление контроля абхазских властей над всей территорией республики, не закончена. Войне между Абхазией и Грузией может положить конец только мирный договор, в котором были бы безоговорочно признаны итоги войны 1992–1993 гг. и военной операции по освобождению верхней части Кодорского ущелья в августе 2008 года.

Россией 8–12 августа, грузинская военной инфраструктуре, созданной при поддержке НАТО, был нанесен значительный урон¹.

Обозначенные военно-политические шаги были предприняты Россией практически без оглядки на возможную негативную реакцию со стороны США и других стран Запада. Более того, Москва однозначно объявила рассматриваемый регион зоной своей ответственности. Безусловно, означенные события в Южной Осетии и Абхазии являются неким водоразделом, который выпукло обозначил интересы России на Кавказе и пути их отстаивания². Эти события должны были привести к осознанию новой роли России в регионе и мире. Но не все пока были готовы к этому. Здесь многое зависело от решимости и готовности западных стран, прежде всего США, объявить России новую «холодную войну». Шагом к этому и ответом на последние решительные действия России стал договор с Польшей о размещении частей третьего позиционного района американской ПРО. И уже открытым вызовом можно было бы считать принятие Грузии в НАТО, что, по существу, стало бы объявлением войны России, так как Грузия находится в состоянии войны с Абхазией и Южной Осетией, безопасность которых гарантируется Россией.

Однако, судя по всему, НАТО в целом не было готово к «третьей мировой войне». Правда, США могли бы продвинуться в этом вопросе дальше своих союзников, так как они были бы не прочь осложнить ситуацию по эту сторону океана, но в Европе все же, мягко говоря, не очень желали этого, понимая, что Россия является неотъемлемой частью континента. Москва играет ключевую роль в весьма значительных европейских проектах. Тут просматривается и желание

¹ Вооружение Грузии странами НАТО продолжилось и после операции по принуждению к миру. Весьма показательно, что уже в сентябре 2008 г. в Тбилиси состоялись подписание Рамочного документа о создании Комиссии НАТО–Грузия и её первое заседание. А. Крылов полагает, что российская дипломатия «упустила возможность использовать проблему транзита грузов в Афганистан для оказания давления на США и НАТО» с тем, чтобы получить от них «гарантии введения эмбарго на поставки вооружений государству–агрессору Грузии» (Крылов А. Южный Кавказ: внешние и внутренние угрозы стабильности // Звенья. №1. 2010, с. 10, 11).

² В сложившихся тогда условиях это был единственный выход, в противном случае, отсутствие жесткой реакции на столь беззастенчивое игнорирование интересов России в регионе могло привести к снижению авторитета Москвы в глазах мирового сообщества и даже к низведению до минимума ее значимости при рассмотрении важных международных военно-политических вопросов.

Европы занять позицию, отличную от своего заокеанского союзника. «Центристская» Европа в лице Германии и Франции, у которой отношения с Россией были хорошими, оказалась в двояком положении. Дружба с Москвой ей необходима для обеспечения своей энергетической безопасности и без союзнических отношений с Россией вряд ли можно говорить об Европе как о самостоятельном акторе мировой геополитики. Однако, как уже бывало не раз в истории, Франция и Германия не желали чрезмерного, по их мнению, усиления позиций России на Кавказе и за его пределами. В силу этих обстоятельств названные государства заняли довольно нечеткую и противоречивую позицию. Зато американцев безапелляционно поддержала их давняя надежная союзница – Великобритания, министр иностранных дел которой подверг резкой критике политику России.

Исходя из контекста сложившейся ситуации, особое значение приобретало заявление Президента России Д. Медведева о том, что Москва поддержит и гарантирует любой государственный статус Абхазии и Южной Осетии, который будет соответствовать воле народов этих республик. А свою волю к свободе Абхазия отстояла в Отечественной войне против Грузии (1992–1993), она закреплена в Конституции 26 ноября 1994 г. и подтверждена на референдуме 3 октября 1999 г. И, судя по всему, становилось ясным, что наступало то время, когда «смертельный удар по территориальной целостности Грузии» (В. Путин) получит уже и международно-правовое оформление...

25 августа 2008 г. Совет Федерации и Государственная Дума России обратились к Президенту Российской Федерации с просьбой признать государственную независимость Абхазии и Южной Осетии. 26 августа Президент Д. Медведев подписал Указы о признании Российской Федерации независимости Южной Осетии и Абхазии, без чего, по мнению Н. Нарочницкой, «был бы бессмысленным и сам отпор» грузинской агрессии¹. 9 сентября 2008 г. в Москве было объявлено об установлении дипломатических отношений между Россией и Абхазией, а 14 сентября в Сухум с официальным визитом прибыл министр иностранных дел РФ С. Лавров. В ходе визита был решен вопрос об учреждении посольств России в Сухуме и Абхазии в Мо-

¹ Нарочницкая Н. Северный Кавказ: факторы стабилизации и дестабилизации // Звезда. №1. 2010, с. 4.

скве. Договор о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи между Российской Федерацией и Республикой Абхазия был подписан 17 сентября 2008 г. в Москве¹. 6 сентября 2008 г. указ о признании независимости Абхазии был подписан Президентом Никарагуа Д. Ортега, а 10 сентября Президент Венесуэлы У. Чавес заявил о признании Абхазии². В июле 2010 г. делегация Абхазия во главе с Президентом страны посетила эти латиноамериканские страны с визитом, в ходе которого были подписаны межгосударственные соглашения, в частности, документы о безвизовом режиме и авиационном сообщении.

Визит Председателя Правительства России В. Путина в Абхазию, который состоялся в августе 2009 г., как вполне понятно, не мог не стать значимым событием для региона. Этот визит носил символический характер – он состоялся 12 августа – в годовщину освобождения Кодорского ущелья от грузинских войск; за два дня до дня памяти защитников Отечества (В. Путин возложил цветы к их памятнику); и, наконец, визит Путина состоялся накануне первой годовщины признания государственной независимости Республики Абхазия. Эти совпадения, как можно предположить, не были случайными, что понимали и в Грузии и в союзных ей столицах. 13 августа вице-спикер парламента Грузии³ назвал визит премьер-министра России в Абхазию очередным шагом агрессии. В тот же день пресс-секретарь Пентагона заявил о том, что США возобновят подготовку грузинской армии⁴. 14 августа Евросоюз заявил: "ЕС считает, что этот визит не сопоставим с принципами территориальной целостности Грузии и противоречит усилиям международных организаций по стабилизации обстановки в регионе"⁵.

¹ 29 октября 2008 г. этот договор был ратифицирован Государственной Думой, а 12 ноября – Советом Федерации РФ.

² 15 декабря 2009 г. Республика Науру признала независимость Абхазия. В этот день между внешнеполитическими ведомствами двух государств было подписано соглашение об установлении дипломатических отношений. 18 сентября 2011 г. в Сухуме было подписано Заявление об установлении дипломатических отношений между Республикой Абхазией и Тувалу.

³ Еще 23 ноября 2008 г. парламент Грузии принял закон «Об оккупированных территориях».

⁴ <http://www.inosmi.ru/translation/251602.html>.

⁵ <http://www.utro.ru/news/2009/08/14/831295.shtml>

Такая реакция грузинских и западных СМИ и политиков была вполне прогнозируема. На фоне этого хотелось бы обратить внимание на следующее: на официальном сайте российского премьера говорилось, что В. Путин посетил Абхазию с «рабочим визитом»¹, а «Российская газета», которая также является официальной, сообщила, что «В. Путин приехал в Абхазию, покинув на несколько часов свою сочинскую резиденцию» и «встретился с российскими гражданами, которые составляют большинство в Абхазии»². Сам председатель российского правительства заявил, что Россия будет поддерживать Абхазию, и что РФ заинтересована чувствовать «локоть друга» на южном направлении.

Еще одним «возмутителем спокойствия» стал Президент России, посетивший Абхазию с визитом 8 августа 2010 г. Д. Медведев в Сухуме довольно красноречиво заявил о том, что соседи "должны считаться с независимостью Абхазии, с нашими с ней договорами, а то наши бывшие партнеры иногда забывают, как себя вести»³. 11 августа, на фоне этого заявления, было заявлено о размещении российских ракет С-300 в Абхазии⁴. В ответ на это, 12 августа, МИД Франции заявил о том, что «развертывание зенитных ракет... не будет способствовать стабилизации в регионе»⁵. Госдеп США отреагировал более сдержанно, заявив, что «Россия имеет ракеты С-300 в Абхазии на протяжении двух последних лет» и что объявление о них «не обязательно является новым развитием событий»⁶.

С признанием, а впоследствии с заключением военно-политического союза с Россией, у граждан Абхазии появилось ощущение безопасности. Во внешнеполитическом плане – в складывающихся реалиях, в особенности в контексте Новой Большой игры⁷, Республика Абхазия становится серьезным фактором стабильности в регионе, нарушение мира в ней может стать детонатором больших потрясений далеко за ее пределами. При этом необходимо иметь в виду,

¹ <http://www.premier.gov.ru>

² <http://www.vlasti.net/news/56660>

³ <http://apsnypress.info/news/1313.html>

⁴ http://news.km.ru/rossiya_razmestila_rakety_s-300_

⁵ <http://www.rosbalt.ru/2010/08/12/761816.html>

⁶ <http://www.rg.ru/2010/08/12/rakety-anons.html>

⁷ Популярный в публицистической литературе термин для описания современной геополитики в Центральной Азии, Ближнем Востоке и на Кавказе.

что Абхазия – единственное место на земле, где абхазы могут сохраниться как народ, как этнокультурная единица, сохранить свой язык, самобытную культуру, нравы, традиции, неповторимые самоощущение и восприятие мира, самоидентификацию, потеря которых станет невосполнимой утратой и для всего человечества. А в современных реалиях это возможно только в рамках собственного государства и при условии непременной защиты абхазской самобытности именно Абхазским государством, ибо заботиться о самобытных абхазских ценностях никакое другое государство, кроме Абхазского, не сможет, да и не будет. Следовательно, наличие суверенного абхазского государства на территории Абхазии есть настоящая и неотвратимая необходимость. Абхазское государство – эта форма или оболочка, под защитой и неустанной заботой которой должно сохраняться и развиваться ее содержание – абхазский народ, что, согласно заявлению В.В. Путина во время визита в Абхазию, соответствует также и интересам Российской Федерации.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- АБИГИ – Абхазский институт гуманитарных исследований.
им. Д.И. Гулиа Академии наук Абхазии, Сухум.
- АБИЯЛИ – Абхазский институт языка, литературы и история им.
Д.И. Гулиа, Сухуми/Сухум.
- АБНО – Абхазское научное общество, Сухуми/Сухум.
- АГМ – Абхазский государственный музей, Сухуми/Сухум.
- АГУ – Абхазский государственный университет, Сухуми/Сухум.
- АКАК – Акты, собранные Кавказской археографической комиссией,
Тифлис.
- АО – Археологические открытия, Москва.
- Архив КГБ ГССР, Ф. уг. д. – Архив Комитета государственной безо-
пасности Грузинской ССР, Фонд уголовных дел, Тбилиси.
- ВДИ – Вестник древней истории, Москва.
- ВИ – Вопросы истории, Москва.
- ДГ – Древнейшие государства на территории СССР (с 1994 г. –
Древнейшие государства Восточной Европы). Материалы и исследо-
вания, Москва.
- ИГАИМК – Известия Государственной Академии истории матери-
альной культуры им. Н.Я. Марра, Москва. – Ленинград.
- ИАНО – Известия Абхазского научного общества, Сухуми/Сухум.
- КСИА – Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях
Института археологии Академии наук СССР (РАН), Москва.

КЭС – Кавказский этнографический сборник, Москва, Ленинград – Москва.

МАК – Материалы по археологии Кавказа, Москва.

МАО – Московское археологическое общество.

ПАИГ – Полевые археологические исследования в Грузии, Тбилиси.

РА – Российская археология, Москва.

РАН – Российская академия наук.

СА – Советская археология, Москва.

САНГ – Сообщения Академии наук Грузии, Тбилиси.

ССКГ – Сборник сведений о кавказских горцах, Тифлис.

СЭ – Советская этнография, Москва.

ЦАМО РФ – Центральный архив Министерства обороны РФ, Подольск.

ЦГАА – Центральный государственный архив Абхазии, Сухум.

ЦГИА – Центральный государственный исторический архив СССР, Ленинград.

Научное издание

**Ученые записки
Центра изучения Центральной Азии,
Кавказа и Урало-Поволжья**

Том I: Абхазия

*Утверждено к печати
Институтом востоковедения РАН*

Редактор А.Ю. Скаков

Подписано 26.12.2012
Формат 60х90/16. Бумага офсетная.
Усл. печ. л. 13,25. Уч.-изд. л. 11.
Тираж 300 экз. Зак. № 492

Федеральное государственное
бюджетное учреждение науки
Институт востоковедения РАН
107031 Москва, ул. Рождественка, 12
Информационно-издательский отдел
Зав. отделом А. В. Сарабьев
E-mail: izd@ivran.ru

Отпечатано в ООО типографии
«Издательство МБА»
119361 Москва, ул. Озерная, 46
781-86-28, 625-38-13